

mari_kvin

DIVIDE ET IMPERA

РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ

Марко Кастелло — молодой дон, контролирующий несколько районов Неаполя. В городе идет предвыборная кампания, и Марко прилагает все усилия, чтобы расширить зону влияния, а новым мэром стал его политик, а не кандидат враждующей семьи. Но все осложняется, когда противник раздобыл грязные подробности измены кандидата Марко с женщиной, на которую у него свои планы.

Морское побережье, холмистые возвышенности, приятный в меру жаркий июньский день. Кажется, Тоскана сегодня была в особенно благосклонном расположении духа, показывая не только свою красоту, но и доброжелательность. Но Марко Кастелло все равно не мог открыть свое сердце Монтальчино.

Казалось бы, что этот небольшой городишко должен был ему нравится. Узкие закоулки и дома из серого камня, которым было уже сотни лет, делали атмосферу города почти средневековой. Крепости, городская ратуша, украшенная гербами правителей, часовая башня с часами, имеющими одну стрелку, и, конечно же, множество церквей.

Несмотря на популярность Тосканы среди туристов, Монтальчино не страдал от их наплыва. Наверное, поэтому семья Монтенелли и приобрела там небольшую виллу в стиле старой Тосканы.

Марко поправлял бабочку, стоя у зеркала, и придирчиво осматривал костюм цвета шампань. Только свадьба Санто Монтенелли, близкого друга семьи, *дружеской семьи*, могла заставить его оставить все дела в Неаполе и приехать в Монтальчино.

Кремово-песочные стены из камня, добытого в окрестных скалах, крыша, покрытая терракотовой черепицей, светлые оттенки в интерьере с ореховой отделкой. Даже мозаики как будто были плавно в него вплетены, а не бросались в глаза. Вилла походила на уголок спокойствия, наверное, поэтому после беспокойного Неаполя Марко было в ней так уютно. Особенно после заявления отца, что вскоре контроль над Секондильяно и семьей перейдет ему.

— Синьор Кастелло, вас зовет жених.

Незнакомая девушка дала понять, что ему пора вернуться на праздник.

— Буду через минуту. Спасибо, — поблагодарил Марко, заканчивая с бабочкой.

Ему не хотелось снова возвращаться к гостям, но это было тем, что от него требовалось. Марко направлялся в патио, когда снова услышал женский голос, указывающий, куда что-то нести. Марко глянул из праздного любопытства, но на миг замер, признав сестру Санто — Лукрецию. Она руководила грузчиками, которые пытались понять, куда им тащить скамейку.

— Нужна помощь?

Марко вышел из-за угла, чтобы его могли разглядеть все. Лукреция кинула на него мимолетный взгляд, а потом снова вернулась к скамейке. Только сейчас Марко заметил, что на сиденье лежали две шляпы, слитые полями в одну.

— Что про это думаешь? — спросила Лукреция, жестом показывая, чтобы грузчики поставили скамейку.

Марко перевел взгляд на Лукрецию, невольно задумавшись, когда видел ее в последний раз. Наверное, на каком-то семейном празднике, на который она приезжала из университета, если это удавалось. Но никакой образ в голове так и не возникал. Марко помнил ее еще школьницей, когда сам учился в магистратуре: немного сутулой, со странной прической и слишком яркой помадой. Сейчас перед ним стояла утонченная девушка в легком шелковом платье цвета спелой вишни. Красивая, статная, явно знающая себе цену и место в семье. А ведь прошло всего каких-то четыре года, пока она изучала историю искусства в университете Феррары...

— Очередной переоцененный арт-объект, за который кто-то немало заплатил? — усмехнулся Марко. — Черная скамейка, соломенные шляпы, слитые в одну...

Лукреция чуть нахмурила брови, хмыкнула. Марко заметил, что ее взгляд как будто бы заблестел.

— А если взглянуть глубже? — немного с вызовом спросила Лукреция.

Марко отпустил грузчиков, понимая, что не хотел делить этот момент с посторонними. Не хотел, чтобы у него были свидетели. Он подошел ближе к скамейке и более придирчиво ее осмотрел, каждую секунду ощущая на себе взгляд Лукреции.

— Мы на свадьбе, — заговорил он. — Две шляпы, которые стали единым целым. Два человека... Крепкий брак... Что-то в этом духе, думаю, — продолжил Марко и с интересом посмотрел на Лукрецию: чуть надутые губы, слегка снисходительный взгляд, словно он копнул лишь по верхам. — У тебя другое мнение, полагаю.

— Это вариация на работы Моны Хатум. Первая реакция может быть такой. Союз, сплетение судеб, опора, но... во всем этом границы стираются, люди растворяются друг в друге... И это уже нехорошо. Учитывая наши семьи, это кажется издевкой или предупреждением, — спокойно объяснила Лукреция, подойдя ближе к лавке.

Она села рядом со шляпами и провела по ней пальцами, но Марко поймал себя на мысли, что смотрел на ноги Лукреции, которые показались из выреза, как изящно их обвивали ремешки босоножек, при этом продолжая внимательно слушать его.

— Или человек просто не хотел заморачиваться с подарком, — заметил Марко.

Лукреция пожала плечами, поправила выбившиеся пряди волос, собранных на затылке.

— Почему издевка или предупреждение? — с интересом спросил Марко, сев по другую сторону от шляп.

— Потому что браки семей вроде наших — это... машина. Жесткая, бескомпромиссная и единая. Там нет «я».

— Какое-то у тебя мрачное представление, — заметил Марко.

— Вполне реалистичное, — возразила Лукреция. — Санто говорил, что ты готовишься стать главой семьи. Год, два и тебе перейдет Секондильяно со всеми его проблемами, делами, людьми и группировками. Ты видишь себя женатым на какой-нибудь девушке из обычного мира? Художнице, чей-то ассистентке, учительнице, главе какого-нибудь отдела?

Марко хмыкнул. Санто женился на Элоисе Карбоне. Пусть ее семья не вела такую активную борьбу за территорию в Неаполе, как Монтенелли и Кастелло, она понимала, за кого выходила замуж, что от нее требовалось.

— Хочешь бунтовать против этого? — с доброй усмешкой спросил Марко.

— Нет. Это слишком утомительно. И бессмысленно. Я окончу университет, открою какую-нибудь милую галерею в Неаполе и буду просвещать людей и искать таланты, параллельно отмывая деньги и создавая положительный имидж, как велел отец. Вполне неплохо. Мне хотя бы дали выбрать, чем заниматься, — со смирением произнесла Лукреция, а потом улыбнулась: — Если люди не будут дарить подарки вроде этого, — указала на скамейку, — то буду считать — жизнь прожита не зря.

Марко усмехнулся, наверное, впервые в жизни, смотря на Лукрецию как на женщину, а не младшую сестру друга, с которым его ждал один путь. Молодая, красивая, знающая их мир с рождения, умная.

— Отвечая на твой вопрос: думаю, я знаю, на ком женюсь, — твердо проговорил Марко.

— Неужели? — лукаво усмехнулась Лукреция.

— Не сейчас, она еще слишком молода для этого, но немного позже...

Лукреция засмеялась, но Марко было не до смеха. За что отец всегда его уважал, хвалил — он быстро понимал, чего хотел, как это получить. Видел возможность, видел людей, умел действовать. Марко Каstellо готовился стать доном, главой семьи, и с этой секунды видел рядом с собой Лукрецию Монтенелли.

Около двух лет спустя. Сентябрь

С ранних лет отец учил Марко подмечать все: хорошее и плохое, важное и то, что могло казаться неважным. Будучи преисполненным уважением к Леону Каstellо, Марко впитывал все: начиная с управления семейной компанией по производству и экспорту оливкового масла и заканчивая руководством семьей в качестве дона.

И настал день, когда отец официально отошел от дел и решил уйти на пенсию, передав Марко все. И, кажется, дела шли неплохо. После убийства Энзо Гуидо освободилась должность члена городского правления Неаполя, ответственного за культуру и туризм. Ее занял Витторио Бартоло — ставленник семьи Каstellо.

Мелкими, но верными шагами, он делал политическую карьеру и сейчас выдвигал свою кандидатуру на пост мэра Неаполя.

Марко видел для себя много перспектив, если его кандидат станет мэром. Но такие планы были не только у него. Неофициально Неаполем управляли четыре семьи. Каstellо и Монтенелли давно пришли к мирному соглашению и ничего не делили. Мудрый Леон, будучи еще молодым доном, протянул оливковую ветвь Ремо Монтенелли, чье правление было уже долгим. Ремо оценил уважение Леона к старшим, и проблем не возникло. Карбоне давно взяли нейтралитет, будучи занятыми в банковской сфере, и имея свой кусок со всех. Но Лучиано были костью в горле Марко. И победы их кандидата на выборах он совершенно не хотел.

Как четко Марко понимал проблемы и перспективы, так же тонко умел подмечать красоту, вкус и жизнь. Он был совершенным профаном в плане искусства, но, кажется, с отличием овладел той «дольче вита», которая действительно была в Италии, а не пошлой версией, которую транслировала массовая культура США.

Поэтому он сидел в небольшом семейном ресторанчике в Секондильяно, с аппетитом ел вкуснейший тосканский суп с фаршем и вспоминал свадьбу Санто, смотря на него и думая о предстоящей встрече.

Предвыборная кампания Бартоло была под угрозой, Марко ждала встреча с девушкой, которую он с Леоном при поддержке дона Монтенелли изгнали из Неаполя год назад, чтобы избежать новых проблем. Встреча с девушкой, в которой он так и продолжал видеть будущую жену, даже несмотря на ее роман с Бартоло.

И пусть Марко об этом помнил. Пусть держал все под контролем. Находясь сейчас в ресторане добродушного старика Томазза, Марко наслаждался пряным вкусом супа.

Натертый сыр на мелкой терке, ароматный фарш, перемешанный с зеленью и специями, картофель, сливки. Блюдо обещало утолить его голод до ужина. И это радовало его в данный момент. Как и то, что старик Томазза не возражал если в сиесту они решат свои дела в его ресторане.

Обоюдное уважение, вкусная еда, миг, чтобы забыться — в этом была настоящая ценность. Та самая «дольче вита», которую понимали только итальянцы, пусть многие и старались это познать. Смысл не в праздности, а в возможности поймать момент даже в самый тяжелый миг. Не упустить. Почувствовать каждой клеткой. А уже потом вернуться к своему бою.

— Надо же было Лукреции так вляпаться, — негодовал Санто. — Из всех мужчин

Неаполя...

Марко зачерпнул ложкой суп и решил оставить причитание без ответа. Какой смысл? Главное, что они в состоянии решить проблему.

— Я думал, что мы покончили с тем видео...

Марко хотел снова зачерпнуть суп, но замер. Он привык к грязи, которая порой сопровождает его дело, но та пошлость, которая происходила в политике была ему противна. Ему снова вспомнились события, заставившие отправить Лукрецию в ссылку.

Запись измены Бартоло с Лукрецией обещала проблемы тогда. Но сейчас грозила целым скандалом. Женатый политик занимается сексом с молодой девушкой-волонтером. При правильном пиаре это, может, и проглотили бы в Америке, но в Неаполе, построенном на семейных ценностях...

Еще тогда Марко знал, что эта запись когда-нибудь всплывет. Опасался, что пусть Лукреция и Витторио Бартоло расстались, это лишь вопрос времени, когда они сойдутся вновь. Лукреция отправилась на семейную виллу в Тоскане, а Бартоло вернули жене. И каждый раз общаясь с Сандрой Бартоло, Марко невольно думал, что лучше бы вел дела исключительно с ней. Сандра была в разы сильнее, умнее и жестче супруга.

— Журналисты — те еще крысы, — спокойно произнес Марко. — И полагаю, называть журналистов в издательстве Лучиано — это оскорбление для крыс. Как-то раскопали. В наш век невозможно уничтожить все, — продолжил и замолчал, думая, стоило ли признаваться, что он сохранил запись и фото, сделанные с нее. — И у меня есть копия.

Зачем скрывать? Санто — верный партнер. Санто — брат Лукреции. Он не навредит семье, а знания лишь больше замотивируют его все уладить.

— Ты издеваешься... — протянул Санто.

— Я бы никогда не дал ей ход, — заверил Марко. — Не навредил бы Лукреции и твоей семье. Запись нужна, чтобы контролировать Бартоло в самом крайнем случае. Особенно его жену, жаждущую свой статус и власть абсолютно, а не с нашим поводком на шее.

Пока Санто говорил о том, что не сомневается в Марко, хоть мысль, что запись хранится где-то в доме, и не приводит его в восторг, Марко погрузился в раздумья. Что такие умные, образованные, привлекательные женщины вроде Лукреции и Сандры находят в типах вроде Витторио Бартоло, имея в окружении десятки достойных мужчин?

Очевидное отличие — внешность. Марко с грубыми чертами лица, словно неотёсанными, квадратной челюстью и большим носом выглядел менее привлекательно, чем Витторио с его аристократичным профилем и мягкими чертами, словно его рисовал художник.

Витторио был немного выше, подтянут. И хоть Марко был ниже почти на голову, они оба были в хорошей спортивной форме.

В деловой хватке, твердости характера, стремлению получить свое и знаниях, как этого добиться, — Марко бесспорно выигрывал и понимал, что без него и Сандры Витторио бы не дошел так далеко. Это понимали все. Но почему-то это понимание ничего не меняло в отношении к нему.

— ... твой новый приближенный. Этот Дарио, — продолжал говорить Сандро.

— Я понимаю, — перебил Марко и, извинившись за это, продолжил: — Понимаю твои опасения, но я доверяю ему. Я бы не отправил его за Лукрецией в противном случае. И Дарио — тоже человек, у которого есть желание. И за его реализацию, которая мне подвластна, он будет мне верен.

Санто зачерпнул суп, оставив слова без ответа. Но Марко они были не нужны. Если уверен он, то Санто разделит его уверенность. Как и наоборот. Доверие, которое строилось годами.

Вдруг в пустом ресторане послышались шаги: тяжелые и стук каблуков. Марко отложил ложку и повернул голову, смотря в зал. Вскоре из-за стойки вышли Дарио и Лукреция. Видимо, зашли через черную дверь.

— Добрый день, — поздоровался Дарио и рукой показал Лукреции, что та могла пройти вперед. — Синьорина Монтенелли. Как просили, — с едва заметной иронией произнес он, придавая этому большую важность.

Марко пропустил мимо ушей. Он вернул Дарио в Неаполь не для того, чтобы тот был водителем. Они оба это прекрасно понимали. Поездка и сопровождение Лукреции — дружеская просьба, которую Дарио согласился исполнить, позволяя себе при этом ёрничать в допустимой норме.

— Спасибо, Дарио, — поблагодарил Марко. — Можешь отдохнуть. И поблагодари дядю и тетю еще раз, что позволили нам остаться здесь в сиесту.

— Конечно, — ответил Дарио, развернулся и вскоре скрылся за той же дверью, в которую вошел.

Лукреция продолжала стоять. Светлые широкие брюки походили на юбку, открывающий плечи нежно-голубой топ и убранные в низкий пучок волосы демонстрировали загар. В прохладный осенний неапольский день ее одежда казалась неуместной, но она выглядела так же хорошо, как и в день изгнания, стоя перед отцом, братом, им и Леоном. В ее внешности тоже было что-то аристократичное: острые скулы, высокий лоб, овальное лицо, немного мальчишеская фигура, которая все равно смотрелась женственно. Поднимаясь, Марко невольно залюбовался ею, позволяя себе этот миг, длящейся ровно до той поры, пока он отодвигал для нее стул:

— Присаживайся, Лукреция, — пригласил Марко. — Голодна? Советую что-нибудь попробовать. Ресторан принадлежит семье Дарио. Его дядя радушно пригласил меня, чтобы поблагодарить за помощь, на ужин. С тех пор постоянно ем здесь.

Лукреция с большим любопытством стала осматривать незатейливый интерьер ресторана. Типичное семейное местечко, ориентированное больше для местных, чем туристов. Недорогая мебель, отсутствие каких-либо изысков, но теплая атмосфера чувствовалась, стоило лишь сделать шаг.

— Спасибо, — поблагодарила Лукреция, садясь за стол. — Я бы выпила кофе.

Марко посмотрел на стойку. Видимо, семья Томаzza решила не маячить, пока они разговаривали. А, может, просто заслуженно набирались сил. Решив не беспокоить их таким пустяком, как эспрессо, он направился на кухню, пока Санто расспрашивал, нормально ли Лукреция добралась и как обстоят ее дела в Тоскане.

Марко зашел на кухню и направился к кофеварке мока. Почему-то варка именно в ней действовала на него как медитация. Приготовление кофе таким образом ассоциировалось у него с жизнью. На первый взгляд все кажется не таким сложным, но ты слишком поздно понимаешь, что для лучшего вкуса требуется сноровка. Кофе в мока быстро нагревается, закипает, и становится негодным. Отвлекся, и время потрачено зря. Все как в жизни. Но ее переделать не так просто, как кофе.

Когда Марко вернулся в зал, увидел, что Санто и Лукреция продолжали говорить. На ее плечах был накинут пиджак брата, а сама она расспрашивала про дела племянника и

спрашивала, как протекала вторая беременность Элоисы. Марко решил, что это — хороший знак.

— Пожалуйста, — ставя перед Лукрецией чашку, сказал Марко.

— Спасибо, — поблагодарила Лукреция и усмехнулась: — Я прямо, как турист.

Санто издал смешок и вернулся к супу. Марко сел на прежнее место, наблюдая, как Лукреция отпила эспрессо. Он пытался понять ее настроение: наверняка устала с дороги, от чего немного раздражена. Возможно, еще обижена за ссылку и разлуку с любовником. Тогда он действовал холодным разумом, не думая о природе чувств, жестко и быстро, чтобы избежать проблем и еще раз показать отцу, что он готов встать во главе семьи и района. Но сейчас ему стало интересно, что тогда было: страсть, бунтарство или любовь.

— *Хочешь бунтовать против этого?*

— *Нет. Это слишком утомительно. И бессмысленно.*

Марко вспомнился старый разговор на свадьбе Санто. Слишком утомительно. Слишком бессмысленно. Лукреция передумала или что-то еще? Тогда он поверил ее словам, а сейчас имел возможность разобраться с проблемой и узнать правду.

— Лучиано узнали о той записи, — заговорил Марко, смотря прямо на Лукрецию так, как он умел хорошо, когда нужно было быстро и четко донести мысль и дать собеседнику понять, что повторять он не будет.

Как-то давно партнер по бизнесу сказал Марко, что он напоминает ему статую на вилле Палагония в Багерии. Эксцентричный хозяин создал сад фантазийных гримасничающих гротескных чудовищ. На территории можно было найти гномов, кентавров, драконов. До сих пор вокруг сада ходит легенда, что беременным женщинам лучше не смотреть им в глаза, если они не хотят уродства и физических увечий у будущих детей.

Марко напоминал ему статуи там. Массивное лицо, широкие плечи, черные угольные волосы и глаза, но главное взгляд. Казалось, что если долго смотреть в его темные глаза, то он завладеет частью твоей души, оставив увечья на ней. По кусочку каждый раз, пока не получит всю душу целиком. И решение будет только за ним: оставит он душу себе или вернет хозяину.

Но Лукреция смотрела на него без страха, наверняка зная, что ей он не навредит серьезно. Не разорвет ее душу. Не навредит физически. Она уважала его статус, знала, что при необходимости он сделает что угодно, но явно чувствовала себя в безопасности даже сейчас. Положение, которое вполне устраивало Марко на данном этапе, перед переходом на следующий.

— И мне надо знать, что еще может всплыть, — договорил Марко. Почти приказал. Так тонко, насколько это возможно в данных обстоятельствах.

Лукреция украдкой взглянула на брата, затем на него и медленно отпила кофе, словно собиралась мыслями. И, наверное, такое настроение имело смысл, потому что вряд ли стоило ждать простого разговора.

1.2. Лукреция. Прошлый год. Июнь

Лукреция чувствовала, что юность подошла к концу. Она окончила университет и возвращалась в Неаполь, ощущая больше простого смирения, чем радости. Теперь и она займется делом семьи. За окном машины виднелся Позиллипо. Дорога проходила вдоль неаполитанского залива, а эта часть города казалась самой современной и красивой, но она не любовалась видом.

Лукреция любила архитектуру Неаполя, его старинные дома, палаццо, напоминающие о Медичи и средневековье, но когда пришлось искать себе жилье предпочла что-то более современное. Странное навязчивое желание хоть немного оградить себя от консерватизма и правил семьи, против которых она и не думала выступать.

Старший брат — Санто — станет со временем главой семьи.

Средний брат — Нико — решил принять сан и не участвовать в семейном деле.

Ей остается внести свою лепту и радоваться, что отец дал выбор как именно это сделать: строить свое дело, выйти замуж и укрепить влияние семьи или все вместе. Редкое явление в их среде строгих правил. Видимо, влияние двадцать первого века коснулось даже их.

Впереди обустройство квартиры, поиск помещения и картин для галереи и устроенная Санто стажировка при новом чиновнике, которому Марко Кастелло дал место.

Лукреция прокручивала в голове весь список дел и тоскливо понимала, что это теперь ее жизнь. Может, она будет жить в минимализме, а не нарочитой роскоши, как родители, может, у нее будет стильная галерея современного искусства, но ее личность это не перечеркнет. Она — Монтенелли. Часть семьи, которая имела слишком большой вес в Неаполе. И хотела она того или нет, какой бы выбор ни сделала — это обязывало придерживаться определенных правил.

Ремонт в квартире был почти завершен. Светлые бежевые стены, белая мебель, яркие синие гортензии в вазе, которые выделялись на фоне. Ремонтная бригада неплохо постаралась под надзором ее экономки Пины. Лукреция подумала, что нужно поблагодарить ее, прикупить еще каких-нибудь ярких акцентов, и занесла эту мысль в свой список в голове.

Брюки палаццо молочного оттенка, оливкового цвета топ, легкий пиджак на плечи — и сборы почти завершены. Лукреция наспех соорудила пучок, чтобы волосы не доставляли дискомфорт в летний июньский день, и направилась в офис Витторио Бартоло со смиренным спокойствием сделать то, что от нее требовалось.

Туризм, достопримечательности, культурное наследие — то, в чем она действительно могла помочь, пусть ее и направили к Бартоло больше для того, чтобы она присматривала за ним, а он помнил, кому обязан местом.

Как и дорога до квартиры, путь до Бартоло казался пустым. Лукреция пялилась на затылок водителя и пыталась представить свою жизнь через год. Два. Пять лет. Но никакой конкретики не выходило, и Лукреция бросила это занятие, решив сосредоточиться на настоящем.

Ратуша Неаполя обещала довольно скучную волонтерскую деятельность, но Лукреция решила, что это не так плохо. Она сможет быть в курсе дел Витторио Бартоло и параллельно заниматься своими проектами. Дойдя до кабинета Витторио, Лукреция

удивилась, услышав через приоткрытую дверь громкую речь. Вскоре она поняла, что это монолог. И довольно пламенный.

— Извините, — протянула Лукреция, проходя внутрь. — Доброе утро.

На нее смотрели несколько пар глаз. Девушка и парень ее возраста, видимо, как и она, только что окончившие университет, и сам Витторио.

— А вот и третий волонтер, — радушно констатировал Витторио. — Проходите.

— Да. Спасибо, что так спокойно приняли. Я только что приехала в город, — продолжила она и протянула руку. — Лукреция Монтенелли.

— Витторио Бартоло, — представился он, принимая рукопожатие. — Но мы договорились, что просто Витторио.

— Тогда Лукреция.

— Приятно познакомиться. Ты ничего не пропустила. Я говорил, как важно, чтобы культурная жизнь не только процветала и привлекала туристов, но была интересна и неаполитанцам. Особенно из бедных и преступных районов.

Запоздало она поняла, что так и сжимала руку Витторио, смотря на уже забытый ей мальчишеский азарт в его взгляде. Казалось, что, как ребенок радовался приходу в кондитерскую лавку, Витторио горел идеями и желанием начать работу.

Впрочем, он тоже не спешил отпустить руку, с добродушной улыбкой смотря на нее.

— Взаимно, — ответила Лукреция и почувствовала, как Витторио отпустил ее руку.

Она прошла до стула. В небольшом кабинете звук ее каблучков казался оглушительным. Но он не заглушал мысли в ее голове. Невольно Лукреция вспомнила мужчин из своего окружения: члены семей вроде ее, которые подходили к делам больше с хищной хваткой, чем с азартом, охрана и солдаты с улиц, которых друг от друга отличал лишь уровень жестокости и интеллекта.

Высокий, красивый, словно нарисованный талантливym художником, Витторио походил на Вирбия. Честного, открытого, старающегося сделать что-то хорошее для города. Лукреция знала, что подобное настроение порой присуще молодым чиновникам, которых еще не прогнула система взяток и борьбы за власть. Хотя можно ли было так о нем думать, учитывая, что на должность он попал при помощи Марко?

Помнится, Вирбий тоже до последнего сопротивлялся желаниям Федры, веря в свое. И в результате проиграл.

Витторио продолжал говорить о центрах для трудной молодежи, о целительной силе культурного наследия страны. О том, что если это невозможно в Италии, то невозможно нигде. Пылко. Страстно. Казалось, что он вот-вот порвет на себе сорочку от переизбытка чувств.

Лукреции не имела ничего против его планов, не имела ничего против, чтобы внести подобную лепту в жизнь Неаполя. И пусть первое впечатление от Витторио казалось более чем приятным, выбор его кандидатуры вызывал к Марко вопросы.

После совещания Лукреция вышла на улицу. Серые каменные стены невысоких зданий, узкий тротуар. Она пошла вверх по улице, дыша свежим воздухом. Вдруг на глаза ей попала вывеска ресторана. Большими буквами было написано «пицца», видимо, чтобы привлечь туристов, но для оживленной части города, почти центра, — это было нормой.

Темная рама, стекло во всю стену, через которое можно было наблюдать за улицей, несколько черных аккуратных столиков и деревянных стульев у входа. Лукреция решила, что там можно раздобыть себе кофе, и, зайдя внутрь, сразу направилась к стойке.

Приятный аромат кофеина, выпечки, шалфея сразу одурманил. Лукреция сделала глубокий вдох, словно могла насытиться, просто вдыхая, и полезла в сумку за телефоном. Сначала она поговорит с Марко, а потом все остальное.

— Как первый день в ратуше, Лукреция? — сразу с интересом спросил Марко. На заднем фоне слышались чьи-то голоса. Даже как будто эхо. Невольно Лукреция задумалась, где он находится.

— Неплохо, — ответила Лукреция и услышала, что кто-то зовет Марко. — Можешь говорить? У меня вопрос интереса, а не дела. Может подождать.

— Заинтриговала, — усмехнулся Марко и велел кому-то ждать. — Что же вызвало твой интерес в городской ратуше?

Лукреция поблагодарила за кофе и провела пальцем по маленькой ручке белоснежной чашки. Интонация Марко изменилась, стала более лукавая, даже немного задорная. Казалось, что он сейчас и сам хотел отвлечься на миг от того, чем занимался.

— Твой ставленник, — протянула Лукреция. — Я познакомилась с ним. Приятный парень. Хочет наставить молодежь на путь истинный. Парней из районов вроде Секондильяно и Скампии. Разве не на них держатся улицы?

Марко усмехнулся. То ли по-доброму, то ли немного покровительственно. Странная смесь и одобрения за вопрос, ход мыслей в этом русле, и незлой насмешки, неужели она допустила мысль, что он об этом не подумал...

Лукреция даже замерла с чашкой в руке, ожидая его ответа.

— Они играют свою роль, ты права, но это не единственный их путь. Но часто таким ребятам не хватает мотивации, сил, денег, поддержки. Может, кто-то сумеет построить и другую жизнь. Я не против дать шанс, возможность выбора. К счастью или нет, но парней для уличной работы всегда хватает.

Лукреция хмыкнула, отпила кофе. Голос Марко так и разносился эхом, заставляя ее невольно задуматься, где он, но задавать вопросы не стоило. Это она знала.

— Почти демократия, — усмехнулась Лукреция.

— Скорее естественный отбор, — поправил Марко. — Так останутся те, кто хочет легких денег, кому нечего терять, у кого нет никаких стремлений и тупицы. А их уже просто распределить для работы и держать под контролем.

Лукреция поставила чашку на стол и обернулась к залу. Простой проходной ресторан. За большинством столиков щебетали туристы, за одним из них сидела приятная пожилая пара, еще несколько человек, как и она, сидели за стойкой. Она обращала внимание на внешний вид, речь, интеллект, а на что в первую очередь обращал он, выбирая людей для чего-то? Как каждый раз делал верный выбор?

— У тебя еще есть вопросы? — серьезнее спросил Марко.

Лукреция отвернулась к стойке, снова взяла чашку.

— Нет. Спасибо, — поблагодарила она и, так и не отпив кофе, поставила чашку на стойку.

Какие разные ощущения после разговоров с Витторио и Марко. От первого веяло чем-то легким, переменами, вдохновением. От второго — четким порядком, знанием дела и осознанием — он своего добьется.

Воздух и земля.

Море и скала.

— Тогда я пойду. Был рад тебя услышать, — мягче продолжил Марко. — Звони в любое

время. Как по делу, так и нет.

— Хорошо. Взаимно, — согласилась Лукреция и попрощалась.

Она продолжила пить кофе, наблюдая за рутинной ресторанчика. Люди общались, туристы фотографировались, между столиками постоянно кто-то ходил и вдруг в одном из посетителей Лукреция признала Витторио.

— Лукреция, — радостно обратился он. — Уже нашла мое любимое место? Думаю, что при таком хорошем одинаковом вкусе мы сработаемся. Не возражаешь?

Закатанные рукава сорочки, открывающие жилистые руки, голубые костюмные брюки, мокасины. Чем-то Витторио и сам напоминал, если не стажера, то какого-нибудь помощника после университета.

— Пожалуйста, — указав рукой на свободное место рядом с собой, согласилась Лукреция. — Здесь правда неплохо.

— Здесь чудесно, учитывая, что место ориентировано и на туристов, — заметил Витторио.

— Можете выдохнуть, синьор Бартоло, в перерыв можно позволить себе недолго не думать о туристах. Я никому не скажу, — тише, нарочито доверительно, произнесла Лукреция, наклонившись чуть ближе. От Витторио пахло зеленым чаем, лимоном, базиликом. Приятная освежающая смесь, которая показалась еще приятнее на фоне резкого запаха еды в ресторане.

— Говорю же, сработаемся, — так же тише подтвердил Витторио и улыбнулся так искренне, располагающе, что Лукреция не смогла не вернуть ему улыбку. — Позволишь посоветовать пару блюд?

— Почему нет? — согласилась Лукреция. — И мне интересно узнать о планах на Секондильяно.

Витторио усмехнулся, кивнул, словно вспомнил что-то неприятное, но вскоре снова улыбнулся. Лукреция, не отрываясь, смотрела на него, с каждой секундой понимая, что ей приятен этот мужчина. Приятна эта светлая аура вокруг него, эта легкость, свобода.

Лукреция поняла, что была бы не против продолжить общение после волонтерства, но вдруг увидела обручальное кольцо на пальце Витторио. И неожиданно для себя почувствовала разочарование.

Марко вернулся домой раньше, чем предполагал. Разговор с Лукрецией прошел быстрее, чем он планировал, а она не рассказала чего-то, что могло бы быть для предвыборной кампании опаснее записи с изменой кандидата. Ему бы немного расслабиться, но на душе так и был странный неприятный осадок, который не позволял это сделать.

Марко дошел до своего кабинета, сел на диван и уставился на мини-бар. Ему хотелось выпить стопку виски, но он решил оставить рассудок чистым до возвращения Дарио. Марко на миг закрыл глаза, но так и чувствовал напряжение, сковавшее все тело, как цепями.

Вскоре он слышал шаги. Тяжелые. В тишине кабинета они казались оглушительными. Словно каждый бил по голове. Они становились все громче, но Марко так и сидел с закрытыми глазами, ожидая, пока шаги затихнут.

— Марко... — протянул Дарио, видимо, до конца не зная, как лучше начать, чтобы привлечь внимание. — Есть проблема.

Слова, которые Марко и ожидал услышать. Он открыл глаза и, встретившись взглядом с Дарио, кивнул, чтобы тот продолжил.

— Журналист Лучиано, — начал Дарио, поморщившись. Марко показалось, что даже название профессии тот произнес с неприязнью: — Орсо Умберто готовит серию статей, где кульминацией будет та запись, о которой, я, наверное, не в курсе, — с вопросительной интонацией продолжил Дарио и после еле заметного кивка Марко договорил. — У меня есть черновик, но там, кажется, ничего интересного: путь кандидатов, что они сделали для города — подобная чепуха.

— Напоминание, что Лукреция работала в команде Бартоло, — договорил Марко, поняв приблизительный ход мыслей.

— Это там тоже есть, — подтвердил Дарио.

— Статья при тебе?

— Да. Я не стал отсылать по почте. Все на флешке.

Марко указал Дарио на ноутбук. Тот на ходу полез в карман джинсов и, оказавшись у стола, плюхнулся на кожаный стул.

Марко все сидел, наблюдая за тем, как Дарио кликал по тачпаду. Коротко стриженный парень чуть за двадцать пять с небольшим шрамом на брови, одетый в черную майку и накинутую сверху бордовую рубашку в нелепый цветочный принт, казался странноватым на фоне массивного стола из темного дерева, шкафов из того же материала, пары кожаных кресел и дивана. Ничего из обстановки не кричало о чрезмерной роскоши, но итальянское качество от лучших мастеров чувствовалось сразу.

Марко мало кого допускал в свой кабинет дома, но на первую реакцию тех, кто все-таки переступал его порог, сразу обращал внимание. Некоторых сразу одолевала зависть, а их жажда власти тут же вспыхивала в глазах, кто-то восхищался, кто-то чувствовал себя неуверенно, но Дарио казалось не трогало ничего.

В свой первый раз он спокойно вошел, с праздным любопытством осмотрелся и сразу принялся слушать. Его не интересовала борьба за власть, роскошь, уровень доверия.

Марко казалось, что Дарио вообще плевать, где говорить с ним: в кабинете или в каких-нибудь доках. У него явно была четкая уверенность, что раз Марко так возился с ним, чтобы вернуть в Неаполь, то он этого достоин. Нет излишнего трепетания, излишней дерзости,

попыток казаться круче или показного уважения.

Кажется, Дарио в любых обстоятельствах оставался просто собой. Выказывал уважение, не унижая при это себя. Они работали вместе уже несколько месяцев, и Марко ни разу еще не пожалел о сделанном в его пользу выборе.

— Вот, смотри, — вставая с кресла, сказал Дарио. — Писанина Умберто. — И снова эта неприязнь.

— Не любишь журналистов? — усмехнулся Марко, садясь в кресло.

— Да. И священников, — невозмутимо хмыкнул Дарио и с большей горячностью продолжил: — Первые лезут в каждую щель, а вторые живут в своем мирке и ссут в уши с блаженным лицом. Что хуже. Журналисты хотя бы не учат жизни, строя из себя святош.

Марко усмехнулся, подумав, какой священник так нагадил в жизни Дарио, но вопрос оставил при себе. Сейчас главное — это разобраться со статьями, обещающими проблемы.

Дарио обошел стол и уселся в кресло, молчаливо ожидая. Марко вернулся к статье, пытаясь прикинуть, сколько времени у него есть, чтобы минимизировать ущерб.

— Я взял тебя как капо, — заговорил Марко и, оторвавшись от экрана, тверже продолжил: — но мне нужно, чтобы ты сейчас был с Лукрецией.

Марко замолчал, ожидая, пока Дарио поднимает голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Вскоре это произошло. Кажется, слова его не удивили. Наверное, он ожидал, что одной поездкой дело не закончится. Да и наверняка помнил разговор перед возвращением в Неаполь.

За верность и хорошо сделанную работу Марко, наверное, обещал самую высокую награду, которую когда-либо давал. Но и дал понять, что возьмет за это сполна.

— Она будет в восторге, — саркастично усмехнулся Дарио, видимо, вспомнив что-то, пока они ехали из Монтальчино в Неаполь.

— Это уже не твоя забота, — заметил Марко. — Если захочет что-то сказать, то пусть обращается напрямую ко мне.

Дарио кивнул, провел пальцами по подлокотнику кресла, о чем-то задумавшись.

— Мне держать ее подальше от Бартоло? — серьезнее спросил он.

Услышав вопрос, Марко вдруг подумал, что уже немного устал от того, сколько места в его жизни занимал Бартоло. Сначала предвыборная гонка, теперь еще и возвращение Лукреции. И дальше явно будет лишь хуже, но деться от этого никуда нельзя.

— Нет, мне это не нужно, — ответил Марко, снова переведя взгляд на статью. — Лукреция сама должна понять, что с Бартоло ей не будет счастья. Какой он человек. И поймет уже скоро. Я же не хочу, чтобы ее использовали в этой предвыборной гонке, в такой грязной игре. Она влюбилась. Все закончилось плохо. И незачем все делать еще хуже.

Дарио чуть нахмурился, видимо, пытаясь что-то понять. Марко взял паузу, давая ему время, и вернулся к статье. Но мыслей было уже слишком много и читать не было желания. Пусть кандидатов было пятеро, все понимали, что основная гонка развернется между Витторио Бартоло и Филиппо Дионизи, на которых и был акцент.

— Как скажешь, — согласился Дарио. — Буду следить за обстановкой.

Марко одобрительно кивнул, а его взгляд упал на ноутбук.

— Умберто, — продолжил Марко, закрыв крышку ноутбука. — Предупреди его, чем может закончиться его работа. Только один раз. Не послушается — разберись, чтобы о нем больше не было слышно.

— Понял, — кратко ответил Дарио.

— На этом все, — закончил Марко. — Привези завтра Лукрецию в ее галерею в Поззилипо. Мы обсудим свои дела.

— Ладно, — невозмутимо произнес Дарио, поднимаясь с кресла.

— И спасибо, — поблагодарил Марко, когда Дарио уже стоял в дверях.

Тот затормозил, обернулся и растерянно посмотрел на него, словно взвешивал собственные мысли, пытаясь понять, стоит ли спрашивать.

— Говори, — твердо произнес Марко. — Лучше сейчас решить все и ответить на все вопросы. Что у тебя на уме?

Дарио сделал несколько шагов вперед. Марко заметил, что это было медленнее обычного, словно Дарио выигрывал себе время для обдумывания.

— Если откровенно, — заговорил он с вопросительной интонацией, хотя Марко давно уже понял, что это не способ спросить разрешение, а извинение, если что-то прозвучит грубо: — я не очень понимаю суть ваших отношений, и это немного напрягает и мешает правильно расценивать возможные ситуации.

Марко выслушал Дарио и подумал, что его растерянность можно понять. Статус Лукреции прояснил бы, нужно ли закрывать глаза, если между ней и Бартоло снова что-то вспыхнет в безопасной для репутации обстановке, или это недопустимо, но, кажется, не было слов, чтобы емко объяснить его. Забота о ней противоречила тому спокойствию, с которым он относился к ее роману с Бартоло.

— Знаешь это чувство, когда ты видишь женщину, говоришь с ней и вдруг понимаешь, что она для тебя? Ее взгляды, мышление, образ жизни перекликаются с твоими, и ты понимаешь, что она будет твоей женой? — внимательно следя за реакцией Дарио, спросил Марко.

Тот на миг будто ушел в свои воспоминания. На лице появилось странное выражение спокойствия и горечи, которое с каждой секундой будто бы поглощало его. Марко казалось, что Дарио сейчас не с ним, не здесь, а где-то в другом месте. И он даже догадывался в каком.

— Думаю, понимаю, — с горечью ответил Дарио. Его взгляд стал еще более разочарованным. Будто он пребывал в хорошем сне, но будильник нагло выдернул его оттуда, вернув в менее приятную реальность.

— Лукреция еще не готова к браку. Даже к отношениям со мной. Но в конечном итоге она все равно станет моей женой. Мне все равно, какие отношения она строит до того, как мы будем вместе. У всех они были. Но я не хочу, чтобы интимные подробности этого были везде. Это хватит тебе в качестве ответа?

Дарио так и казался застрявшим где-то между сном и реальностью. Сам Марко вдруг тоже поймал фантом прошлого: Монтальчино, вилла Монтенелли, солнечный июньский день, женщина, которую он сможет любить и уважать, которая примет его роль в семье со всеми вытекающими.

— Более чем, — твердо ответил Дарио и вышел.

Марко услышал хлопок двери и продолжил на нее таращиться. Перед предстоящей встречей не следовало окунаться в воспоминания, но было уже поздно. Он как будто бы разбередил старые раны, но ощущал от этого лишь горечь от невозможности иметь сейчас ту гармонию, которую видел в будущем. До которой надо дойти сейчас, позабыв о раздражении, которое вызывал Бартоло, стоило лишь подумать о том, какое место он занял в жизни Лукреции.

Первостепенное — посадить его в кресло мэра. После этого он разберется с остальным.

Позже он уже ехал в Вомеро. За окном машины виднелись холмы, которые казались необычными у побережья. Милые улочки с ларьками, где торговали уличной едой, и популярные рестораны. Ларьки с сувенирами и дорогие бутики. Вомеро сочетал в себе средний и высокий класс. Не такой роскошный, как Поззилипо, не такой бедный, как Секондильяно. Именно поэтому семья Бартоло переехала сюда. Кандидат в мэры не должен отбиваться от народа, но должен помнить, что он мэр.

Марко въехал на площадь Фуга и припарковался. Наверняка в VIP-зоне ночного клуба его уже ждали. Улица «Канал сокола Аниелло» славилась своей ночной жизнью. Самая длинная, самая многолюдная. Она была наполнена барами, ночными клубами и на ней было легко затеряться среди людей. Он шел пешком, не обращая внимания на гуляющих неаполитанцев и туристов. Все его мысли были сосредоточены лишь на встрече с Сандрой Бартоло.

Как Марко и думал, она уже ждала его. Стоя в VIP-комнате, располагающейся над залом, она пила, судя по стакану и цвету содержимого, джин и через панорамное стекло наблюдала за людьми внизу. Ее рыжие волосы были завиты в локоны, фигуру подчеркивало красивое платье светлого оттенка, название которого Марко не знал.

— Я вернул Лукрецию в город, — сразу сообщил Марко, разглядев в отражении стекла лицо Сандры.

После его слов она поднесла стакан с выпивкой ко рту и, сделав глоток, повернулась к нему. В ее взгляде читалось явное недовольство из-за возвращения любовницы ее мужа, но все комментарии по этому поводу она мудро оставила при себе.

— И нам надо обсудить решение одной проблемы, — продолжил Марко.

Комнату освещали мерцающие вспышки света с танцпола. Голубые, розовые, серебряные. Они играли на лице Сандры, отражались от ее сережек, от бутылки джина и стаканов, стоящих на столике рядом, и делали атмосферу немного зловещей, играя с тенями вокруг них.

— Завтра вы встретитесь, — твердо произнес Марко. — И если хочешь, чтобы муж получил пост, то сделаешь то, что я скажу.

2.2. Лукреция. Прошлый год. Июль

Июль в Неаполе бил все температурные рекорды. Жара стояла такая, что тело будто горело изнутри. Даже кондиционер в ратуше не сильно помог справиться с ней. Лукреция убрала волосы в высокий пучок, сняла льняную рубашку, оставшись лишь в топе на тонких бретельках и шифоновой юбке с разрезом, но все равно чувствовала себя в духовке.

К разгоряченной липкой коже прилипало все. И все мысли Лукреции последние несколько часов сводились к душе, что бы она ни обсуждала. Последние пару недель она буквально жила в ратуше, помогая с проектом Бартоло для Секондильяно. Музеем, рассказывающем о менее красивой стороне Неаполя словами местных жителей.

Деньги туристов в казну и в малый бизнес местных, занятость для тех, кто ищет что-то еще, новые рабочие места — казалось, что в выигрыше все. Лукреция сидела на полу, вытянув ноги, смотрела на множество документов, в которых кабинет Бартоло буквально тонул, и чувствовала небывалое воодушевление от причастности к чему-то настолько завораживающему.

— Думаю, что Марко останется довольным, — заговорила Лукреция, просматривая план дня открытия. — Я в полном восторге. Мы проделали огромную работу, Витторио.

Лукреция посмотрела на изможденного от жары Бартоло. Верхние пуговицы его сорочки были растегнуты, рукава закатаны по локоть, а ботинки и носки он снял, как только началась сиеста. Они сидели в его кабине вдвоем, и Лукреция испытывала противоречивые чувства от этой мысли. Ее не должна так будоражить мысль, что она осталась наедине с женатым чиновником. Пусть он был мил, интересен, умен, привлекателен и искренне желал помочь Неаполю, много работая для этого.

— Действительно. Как смотришь на то, чтобы отпраздновать? — с улыбкой спросил Витторио, подойдя ближе и наклонившись.

Лукреция рассматривала его лицо. Чистый добрый взгляд, обезоруживающая улыбка — казалось, что ничто в мире сейчас не испортит ему настроения от того, что они делали. Жара — суший пустяк. Как и большое количество работы.

— Где-то здесь должно быть шампанское, — продолжил Витторио и более лукаво добавил: — Холодное.

К Лукреции закралась мысль, что это плохая идея. Одно дело распивать шампанское всей командой, другое — наедине с начальником в пустом кабинете, когда почти все сотрудники покинули ратушу.

— Думаю, что один бокал не навредит, — согласилась Лукреция.

Ей казалось, что произнеси она это вслух, то сможет убедить себя в искренности сказанного, но чуда не произошло. Витторио удалился за шампанским и бокалами, а она так и осталась сидеть на полу в окружении бумаг, смеясь из-за того, что направился он босиком.

Хлопок пробки, брызги, смех.

Витторио неуклюже отфутболивал ногой листы, стараясь их не испортить, но было поздно. Махнув на это дело рукой, он уселся рядом с Лукрецией на пол и начал разливать шампанское.

— За наше сотрудничество, — салютуя бокалом, начал Витторио и с долей изумления и восхищения продолжил: — Признаться, я удивлен, что ты с таким энтузиазмом

отнеслась к работе.

Лукреция поняла, что Витторио сейчас смотрел лишь на нее. Что она была единственной, за кого его взгляд так пылливо сейчас цеплялся. И это ощущение будоражило еще больше. Казалось, что, как и пузырьки в шампанском, внутри нее все бурлило, предвкушая что-то неизведанное.

— Признаться, я тоже, — ответила Лукреция, улыбнувшись. — Учитывая все обстоятельства, не ждала такого рвения от тебя...

— Мы приятно друг друга удивили, — заметил Витторио. — За сотрудничество и за нас.

Раздался звон бокалов, Лукреция пригубила шампанское и снова обернулась к Витторио. Он игрался с бокалом, смотрел, как шампанское омывало стеклянные стенки, и явно о чем-то задумался.

— Все в порядке? — уточнила Лукреция.

— Да, — сразу ответил Витторио. — Просто немного волнуюсь из-за открытия. Секондильяно — специфичное место для туризма... Сама понимаешь.

— Да, понимаю, — подтвердила Лукреция и сделала новый глоток. — Но Марко обещал, что туристам там ничего грозить не будет. Уверена, что у него все под контролем. Люди начнут ходить, все будет благополучно. Это быстро разнесется. И все будет в порядке...

Витторио кивал, пока она говорила. Лукреция смотрела на него: на майку под сорочкой, которая выглядывала из-под растянутых верхних пуговиц, на жилистые руки, красивые длинные пальцы, сжимающие ножку бокала, и снова думала о душе, чтобы остудить себя.

— Вы с Марко близки? — вдруг спросил Витторио, от чего Лукреция почувствовала себя в огне.

Как будто бы оказалась в центре костра, от того, с каким интересом он задал вопрос. С каким нетерпением смотрел на нее, ожидая ответа. Порочная мысль, а был ли Витторио так же взбудоражен тем, что они остались наедине, пришла следом, и от этого стало еще больше не по себе.

— И да, и нет... — ответила Лукреция, ставя бокал на пол. — Я знаю его всю жизнь, но... Марко всегда был лучшим другом Санто. Мы часто виделись, но у нас никогда не было общих интересов. Я оканчивала начальную школу, когда он был уже в старшей. Как ты понимаешь, у нас было мало тем для общения. И так всю жизнь. Но... в наших семьях поощряются браки для укрепления власти, связей, объединения семей. С ранних лет все обсуждали наш возможный брак и... наверное, рано или поздно так оно и будет. Человек не из нашего мира просто не сможет выжить в нем. Даже просто понять и разделить все.

Витторио хмыкнул, отпил шампанского, Лукреция уставилась на стену впереди себя. Может, не стоило все так вываливать на Витторио? Чего она вообще хочет?

— Между нами нет никаких договоренностей и обязательств. У нас не было даже свиданий. Тем более чего-то большего... Мы просто общаемся... — добавила Лукреция, с интересом смотря на Витторио.

— Со временем разница в возрасте стирается, — заметил он. — Одиннадцать и восемнадцать — осязательно, но двадцать четыре и тридцать с небольшим уже ерунда.

— Полагаю, что да, — согласилась Лукреция. — Взять хотя бы нас. У нас примерно те же цифры.

— А еще у тебя стикеры прилипли к лопаткам, — усмехнулся Витторио.

Лукреция хмыкнула на эту попытку перевести тему, но подумала, что это к лучшему и обернулась, чтобы рассмотреть, что к ней прилипло на этой раз. Но несколько попыток результата не принесли.

— Позволь, — попросил Витторио.

Лукреция почувствовала, как его горячие пальцы коснулись ее кожи. Как подушечки провели по тому месту, где был стикер, видимо, стирая с нее клей. Огонь, в котором она горела, стер ее начисто, оставив за собой лишь горстку пепла.

Лукреция уже смотрела на Витторио, который был возле нее. Всего лишь в жалких сантиметрах. Нижняя губа немного более пухлая, чем верхняя, легкая щетина, дыхание, пахнущее шампанским. Чувствовала, как он наклонялся все ближе. Как коснулся ее губ: нежно, осторожно, словно спрашивал разрешение.

Лукреция приоткрыла рот, впуская язык Витторио, чувствуя пульсацию по всему телу от того, как он ласкал ее губы своими, захватывал, слегка оттягивая, и тут же будто извинялся за возможно причиненную боль, нежно поглаживая места укуса.

Его ладонь легла ей на щеку: осторожно, но твердо. Пальцы гладили кожу, при этом удерживая так, чтобы она не отвернулась. И все было бы неплохо, если бы в голове назойливо, отравляюще не крутилась бы одна мысль:

— А... Сандра?

Лукреция пробормотала так неотчетливо, на миг оторвавшись от губ Витторио, что засомневалась, понял ли он вопрос. На миг Витторио замер и большим пальцем провел по губам Лукреции: нежно, трепетно, словно касался хрупкой статуи, которая может рассыпаться от любого неосторожного движения.

— Браки в политике мало отличаются от ваших, — горько заметил Витторио. — Мой больше из-за выгоды, чем по любви. И ты, Лукр...

— Вито!

Женский голос заставил Витторио отпрыгнуть от Лукреции. Цокот каблучков. Стук в дверь. Миг, и в проеме уже стояла рыжеволосая женщина около тридцати.

— Сандра! Не ожидал тебя увидеть, — воскликнул Витторио, поднимаясь на ноги.

Лукреция так и сидела на полу, чувствуя бессилье, чтобы подняться на ноги. Витторио и Сандра начали говорить. До Лукреции долетали отрывки их беседы о проекте в Секондильяно, его завершении, поводе для праздника, но полностью на ней сосредоточиться не получалось. Лукреция смотрела на Сандру в белом платье с запахом. Вырез в форме буквы «V» подчеркивал красивую шею и грудь, вырез юбки — стройные ноги.

Сандра Бартоло казалась одной из самых красивых женщин, которых Лукреции доводилось видеть. Волосы медного оттенка были убраны в высокий хвост, зеленые глаза с интересом смотрели на нее, а лицо казалось таким свежим, словно жара ее не касалась.

— Приятно познакомиться, — поднявшись, ответила Лукреция, увидев, что Сандра протягивала ей руку.

— Взаимно, — сдержанно ответила она, еле заметно улыбнувшись.

Лукреция почувствовала себя дурно. Жара, алкоголь, возбуждение, изумление смешались в коктейль, от которого на ногах держаться было все сложнее. Она представляла Сандру типичной скромной женой политика, одетой строго, но со вкусом, а перед ней оказалась шикарная женщина, которую явно не стоило недооценивать.

Марко плохо спал ночью. Постоянное явление в его жизни, когда в голове было слишком много мыслей. Не получалось отключить разум, провалиться спокойно в сон. Особенно сейчас, когда ставки были так высоки.

Поднявшись с первыми лучами солнца, он заварил кофе и вышел на балкон. Его апартаменты выходили на город. Многоквартирные дома в лабиринте улиц еще спали, сами улицы были почти пустые, а воздух по-утреннему прохладным. На миг Марко пожалел, что вышел лишь в льняных штанах, но горячий крепкий кофе помогал не чувствовать прохладу.

В такие моменты Марко удивлялся, каким спокойным мог быть Неаполь. Секондильяно. Как он неспешно просыпался после очередной буйной ночи, словно ничего не произошло. Удивительный город, который выдерживал десятилетия борьбы за территории между семейными кланами, которая порой перерастала в войны. Город, который одинаково славился преступностью и туризмом. Искусством и жестокостью.

Неаполь противоречил самому себе, поэтому Марко так его любил. К тридцати двум годам он побывал во многих местах: был во всех крупных городах Италии, посетил Нью-Йорк, Чикаго, Атланту, путешествовал по Европе, будучи студентом, но никакой из городов не смог затмить Неаполь. Украсть его сердце. Пробудить те же чувства. Надо лишь немного навести в нем порядок. И для этого у него есть план, частично зависящей от того, как сегодня пройдет встреча Лукреции и Сандры.

Когда эта мысль пронеслась в голове, Марко невольно хмыкнул. Его связь с Лукрецией и супругами Бартоло комедия-пародия в духе «Сна в летнюю ночь». И как герои бродили по лесу, преодолевая лабиринты лесного духа, интриги и проказы фей, они блуждали по Неаполю, думая о собственных желаниях, борясь за власть, любовь и свое место в городе и душе другого человека.

Лукреция, очарованная Витторио по ошибке и закрывшая глаза на все вокруг.

Сандра, желающая сохранить брак, чтобы получить власть. Для чего приходится быть с Витторио и подчиняться Марко.

Витторио, переживающий бурю чувственных эмоций. Желающий получить все и остаться хорошим, совершая опрометчивые поступки лишь потому, что боится признаться самому себе, кто он на самом деле.

И сам он, пытающийся навести порядок, показать Лукреции то, что она не замечала, и посадить объект ее страсти в кресло мэра для обретения большей власти.

Марко не был знатоком Шекспира и знал эту пьесу так хорошо лишь потому, что когда-то встречался с актрисой, играющей там Гермюю, из-за чего смотрел ее в театре много раз. Но что-то ему подсказывало, что Шекспир бы оценил паутину между ними четырьмя. И, может, смог бы написать комедию или трагедию.

С этой мыслью Марко ехал в Позиллипо. И чем ближе оказывался к галерее Лукреции, тем больше задумывался о другом. Когда после учебы она вернулась в Неаполь, то между ними сложилось довольно теплое дружеское общение. Они много разговаривали. Часто ужинали или обедали вместе. Пусть изначально эти встречи были для того, чтобы она рассказывала, как обстоят дела в ратуше, но со временем они просто стали говорить обо всем, забывая о времени.

Марко любил эти встречи.

Ему нравилось говорить с Лукрецией. Нравилось слушать, как она готовилась к открытию галереи, ища для нее картины, художников. Нравилось, что она буквально светилась, говоря об этом...

... — Ты прямо расцветаешь, говоря об этом, — заметил Марко. — Понятия не имею, кто такой этот Мондриан, но не могу перестать слушать. Увлеченность чем-то — уже половина дела, чтобы быть услышанным.

Они бродили по «Мостра д'Ольтремаре». Июльская дневная жара немного спала по вечерам, и было приятно прогуляться на свежем воздухе. Зеленые растения, множество фонтанов, шум которых позволял идти ближе обычного, чтобы лучше слышать собеседника.

Лукреция направилась туда прямо из ратуши. Юбка легкого светлого сарафана на тонких лямках с вырезом внизу играла на ветру. Как и хлопковая рубашка розового цвета, повязанная рукавами на плечах.

Санто часто говорил, что Лукреция одевается на грани приличий: тонкие ткани, вещи бельевого типа, открытые плечи или спина, всевозможные вырезы. Но на вкус Марко все было в меру открыто, но не вульгарно. Да и Санто, скорее всего, просто включал режим старшего брата, которому нужно было присматривать за младшей сестрой.

— Ты как будто бы этому удивлен, — усмехнулась Лукреция, поправляя волосы. Марко заметил, что ее пальцы испачканы чем-то темным. — Напомню тебе, что я изучала историю искусств.

— Я помню, но... часто в наших семьях подобным занимаются просто по факту. Для отвода глаз. Я и сам такой. Управляю бизнесом с оливковым маслом больше просто автоматически. Спроси меня о чем-то, что не на поверхности и... — Марко театрально развел руками. — Загораживает, что с тобой иначе.

— Что-то я всех в последнее время удивляю своим энтузиазмом, — с горечью усмехнулась Лукреция.

— Это разве плохо? — недоумевая, спросил Марко.

Лукреция как будто бы померкла после этого вопроса. Словно ушла в свои мысли. Марко внимательнее взгляделся в ее лицо, но так и не понял, хорошими были мысли или плохими.

— Ты рисовала? — Чутье подсказывало, что нужно перевести тему. Что он зашел куда-то не туда. Надо запомнить, о чем они говорили, и, может, вернуться к этому позже. — Твои руки, — пояснил он, встретившись с Лукрецией взглядом.

Она взглянула на пальцы, потом снова на Марко.

— Да. Снова тянет на это. Бывает, что рисую даже в ратуше, — ответила Лукреция. Ее голос звучал по-обычному спокойно, но что-то все равно было не так. Но понимание что именно ускользало от Марко. Но не успел он как следовало подумать об этом, как она заговорила с большим энтузиазмом: — А ты готов к притоку туристов в Секондильяно?

— Вполне, — ответил Марко. — Можешь о них не волноваться.

Лукреция продолжила говорить, что все сложилось даже лучше, чем она рассчитывала. Ремонт здания занималась бригада из Секондильяно. Кто-то из них даже привлек молодежь в качестве помощников. Появлялись желающие поделиться своей историей, рассказать, что Секондильяно может славиться не только преступностью.

Марко слушал, с каким энтузиазмом говорили Лукреция, и на миг расслабился. Хотя мысль, что что-то в ратуше шло не так, навязчиво крутилась в его голове...

Марко доехал до галереи и сразу направился туда. Сколько он не был тут? Наверное, с открытия. Почти год. Хотя чему удивляться, если и самой Лукреции пришлось уехать в Тоскану буквально через пару месяцев после открытия, оставляя за главного управляющего.

Марко толкнул дверь и прошел в просторный светлый зал. Людей внутри было немного. Те, что были, столпились около одной стены, но на что они там смотрели Марко понять не мог. Он проходил мимо стен и прямоугольных постаментов, на которых стояли непонятные ему конструкции, планируя направиться прямо в кабинет Лукреции, но вдруг услышал знакомый голос из-за угла:

— ... нарисовать лучше, — Дарио говорил со смесью насмешки и удивления.

Пойдя на голос, Марко увидел, как он стоял рядом с Лукрецией, смотря на две картины, стоящие на полу.

— Так нарисуй, — по-доброму усмехнулась Лукреция. — Я бы посмотрела.

— И выставишь это у себя? — посмеявшись, уточнил Дарио.

— Может, даже продам. Зависит от результата, — немного подумав, ответила Лукреция. — В Секондильяно мы занимались подобным. Устраивали курсы, мастер-классы для всех желающих. Люди приходили, выплескивали наблевшее на холсты... Было интересно.

Дарио хмыкнул. Марко продолжал стоять в стороне. В этой части галереи был легкий бардак: в углу лежали рабочие инструменты, некоторые картины стояли на полу, покрытые пленкой, везде лежала каменная пыль. Светлые штанины Лукреции, ее волосы, завязанные в хвост красной лентой, рубашка поверх короткого топа без лямок, были запачканы этой пылью, но, кажется, ей не было до этого дела. Как и до всего вокруг, пока она наводила порядок после долгого отсутствия.

— Считаешь глупостью, что в бедных районах разворачивают программы с арт-терапией? — серьезнее спросила Лукреция, подходя к одной из картин.

— Нуу... — снисходительно протянул Дарио. — Скажу, что там обычно мало бесплатного законного развлечения. Мне еще повезло, у меня был дядя, который увлек меня кухней и готовкой. Может, каких-то неприятностей мне это помогло избежать. Так что почему нет?

— Раз так, то мне ждать от тебя картину? — с вызовом в голосе спросила Лукреция.

Дарио засмеялся, подошел ближе к полотнам на стене. Марко рассмотрел их — странная смесь из линий, брызгов и букв, которая не поддавалась объяснению.

— Вербуешь моих людей, Лукреция? — усмехнулся он, решив дать о себе знать.

Дарио и Лукреция обернулись почти одновременно.

— Зависит от решения Дарио, — лукаво ответила Лукреция, обернувшись к нему.

Дарио так и стоял у картины, а потом вскинул руки с несвойственной ему театральностью.

— Тут понять бы перед этим! Хоть убейте, не доходит до меня. Я понимаю картины с пейзажами, с людьми, с животными, со святыми, картинки из Библии, но это... — указал на картину. — Шлепок краски, абракадабра кисточкой, словно машешь волшебной палочкой. И на стену? В чем смысл? С утра тут торчу, слушаю людей, но все мимо.

Марко согласно хмыкнул и сосредоточил все внимание на Лукреции. Та стояла, смотря на картину, а потом перевела взгляд на Дарио.

— Был двадцатый век, когда это направление появилось, развивалось. Люди пережили

две мировые войны и перестали верить, что красота спасет мир. Им пришлось стать честными с самими собой. Какой смысл в пейзажах, Мадоннах и сценах батальей, когда вы оправляетесь от подобного? Какой смысл следовать канонам? Люди заново строили жизнь, пытались оправдаться после войн, и это привело к новому витку в искусстве. Человек сам решает, что им является, а что нет. Главное идея, которую можно выразить любым способом: цветом, формой, фигурами.

Дарио многозначительно закивал.

— И от людей из Секондильяно ты ждешь подобного? Идею, — уточнил он, похлопывая себя по карману джинсов.

— Вроде того. Выплеска, — подтвердила Лукреция. — К сожалению, там есть для этого почва, — и более оптимистично добавила: — А еще есть люди, готовые это купить.

— Понятно, — протянул Дарио, словно узнал информацию, с которой теперь не знал что делать, какую оценку ей дать, а потом как будто бы сам себе ответил: — Ладно, сам спросил. С вами, конечно, очень интересно, — доставая сигареты из кармана, по-доброму иронично продолжил он, — но я схожу покурить.

Марко кивнул, Лукреция по-доброму усмехнулась, а потом заговорила:

— И пришли, пожалуйста, сюда кого-нибудь убрать все это, — указала на инструменты.

— Ага, — крикнул Дарио и скрылся за поворотом.

— Я смотрю, вы поладили, — констатировал Марко, когда Дарио скрылся.

— Он с головой на плечах и предложил помощь здесь. Я не стала отказываться, раз уж ты приставил его ко мне, — ответила Лукреция.

В ее голосе послышались холодные нотки. Марко подумал, что не стоило этому удивляться. Ссылка, отрыв от семьи и любимого дела, теперь еще и присмотр Дарио. Может, Лукреция и понимала причины этого, поэтому и не поднимала тему, но явно не собиралась делать вид, что ее это не задело.

— Дарио здесь, чтобы присматривать за обстановкой. У нас проблема с журналистами, — спокойно сообщил Марко.

— Он говорил. Присматривается к ремонтникам, посетителям, — сухо заметила Лукреция и более серьезно продолжила: — Что тебя привело? Не тяга же к современному искусству.

— Все те же журналисты, — ответил Марко и посмотрел наручные часы. — Мыждемся кое-кого, и я все расскажу.

Лукреция нахмурилась, но ничего не стала спрашивать. В зал вошел мужчина в рабочем комбинезоне и направился к инструментам. В образовавшейся тишине его действия казались еще более шумными. Почти оглушительными.

Марко вдруг стало немного не по себе. Никогда в жизни его разговоры с Лукрецией не строились так тяжело, и от этого чувства захотелось избавиться. Вырвать эту часть и растоптать, чтобы не мешала на пути к будущему.

Вдруг в галерее послышался цокот каблуков, и Марко, даже не оборачиваясь, знал, кому он принадлежал. Сандра была пунктуальна. На фоне немного потрепанной от уборки Лукреции она смотрелась более эффектно. И, кажется, быстро это поняла. Марко смог объяснить себе так эту победную ухмылку на ее губах, стоило ей лишь кинуть взгляд на Лукрецию.

— И... как это понимать? — Стоило отдать Лукреции должное — ее голос не дрогнул, ни один мускул на лице не показал удивления. Она приняла Сандру с холодностью хозяйки,

которая встречала неприятного непрошенного гостя: спокойно, но явно демонстрируя свое отношение.

— Марко? — обратилась Сандра, видимо, имеющая тот же вопрос.

— Можем поговорить у тебя в кабинете, Лукреция? — спросил Марко, чувствуя, как две пары глаз прожигали его насквозь.

Они перешли в кабинет. Светлые стены, белый минималистичный стол, два кресла и офисный стул, обтянутые бежевой кожей. Несколько картин на стенах, изображение на которых Марко даже не хотел понимать, бросались в глаза. Как и ваза с розовыми тюльпанами.

Марко указал Лукреции и Сандре на кресла, стоящие перед столом, а сам присел на край столешницы, собирая мысли, чтобы с первого раза сказать все четко и максимально понятно.

— Как я говорил обеим из вас, у нас проблемы с журналистами, — начал Марко, внимательно следя за реакцией на свои слова. — Мои люди с этим разбираются, но и нам не нужно давать лишний повод для сплетен. Скоро выйдет статья, где вспомнят работу Витторио в ратуше. Путь к кандидату. Волонтерство Лукреции. Дальше все это собираются показывать в грязном русле, поэтому нам следует держать лицо. Показать, что между супругой нашего кандидата и молодой помощницей нет никаких обид и ссор. Напротив, теплая дружба.

Сандра хмыкнула. Лукреция приподняла брови. Марко и самому казалось все сюрсом, но такова политика. Ему снова вспомнилась пьеса «Сон в летнюю ночь». Все любили не тех, все делали не то. Чары руководили людьми, порой делая ситуацию опасной, а лесной лабиринт казался театром абсурда.

— В музее будет мероприятие. Вы все будете там. И вы обе как хорошие подруги.

Марко произнес максимально твердо. Почти приказным тоном. Лукреция и Сандра молчали. Первая понимала, что это часть ее работы на семью, вторая — желала быть женой мэра. Наверное, поэтому не было никаких комментариев. Поэтому его слова были встречены кивками. Но Марко смотрел на Лукрецию и Сандру и понимал, насколько их безоговорочное послушание обманчиво.

3.2. Лукреция. Прошлый год. Август

Лукреция чувствовала себя дурно. Август в Неаполе быть чуть менее жарким, чем июль, но все равно невыносимым. Казалось, что температура в городе хочет добить ее, наказать за то, что она позволила отношениям с Витторио так далеко зайти. Неаполь казался ее личным котлом в аду, в котором она горела за свои грехи. Медленно сгорала и от страсти, и в наказание за нее.

Совесть внутри кричала, что она поступала неправильно. Но долго избегать Витторио не получалось. Как сильно она пыталась не оставаться с ним наедине, он искал предлоги, чтобы они оказались вдвоем. И противостоять этому было бы проще, не тяни ее к нему.

Улыбчивый, доброжелательный Витторио казался солнцем. Теплым, согревающим, ласковым. Хотелось прижаться к его груди, почувствовать, как длинные пальцы скользят сквозь волосы, поглаживая ее, как чувственные губы целуют шею, плечи, ключицу, постепенно спускаясь все ниже.

Но как Икар увлекся полетом, забыв наставления отца, она увлеклась Витторио. Интуиция подсказывала, что это лишь вопрос времени, когда она подлетит к солнцу слишком близко, потеряет крылья и рухнет вниз, но уже ничего не делала, чтобы это избежать.

— Когда ты пригласила меня на завтрак, Лу, то я ожидал не этого...

Голос Нико даже напугал Лукрецию. Вздрогнув, она сжала кулаки сильнее и вспомнила, что сжимала вешалки с платьями, а брат у нее в гостях.

— Напомню тебе, что я священник, а не стилист... Для этого могла бы пригласить маму. Она бы не была против помочь тебе выбрать платье на открытие музея.

От мысли, что мать окажется у нее дома, Лукреция почувствовала холодок по коже. Казалось, что квартира бережно хранила все воспоминания о ее отношениях с Витторио. Лукреция осматривала спальню и, словно в кино, видела, как они занимались сексом у нее в постели. Как, оказываясь сверху на Витторио, она любовалась его телом, напоминающим «Давида» Микеланджело. Как делала наброски с обнаженным Витторио, ругалась на него и при этом смеялась, стоило ему шевельнуться и начать дурачиться.

Казалось, что, как все эти картины возникали перед ней, они возникнут и перед матерью, которая роман с женатым мужчиной точно не одобрит.

— Но я же тебя кормлю за это, — в свою защиту сказала Лукреция. — Сварила тебе кофе, сходила за чамбеллой. С апельсинами. Как ты любишь.

— За это спасибо, — поблагодарил Нико.

— И мама бы стала расспрашивать о Марко. А я этого не хочу, — призналась Лукреция, по очереди прикладывая к себе два платья. — Это или это? Хочу выглядеть элегантно, но в меру сексуально.

Ей снова вспомнилась Сандра — одна из самых роскошных женщин, которых Лукреции довелось видеть. Витторио говорил, что это типичный политический союз. У него было все, чтобы стать мэром: чистая репутация, ум, желание, располагающая внешность и добрая улыбка, которой верили люди. У нее — уважаемая обеспеченная семья, которой не хватало лишь политического влияния, и все знания и навыки, чтобы выжить в светской среде любого уровня.

Критерии, по которым Витторио подходила и Лукреция, не занимайся ее семья

организованной преступностью.

— Нуу...

Нико даже перестал жевать, смотря на платья. От того, как он растерялся, Лукреция искренне улыбнулась. Он напомнил ей героя из мультфильмов «Дисней». Большие карие глаза, пушистые длинные ресницы, ямочки на щеках, мягкие черты лица и черные кудрявые волосы. Нико определенно был красавцем. Он сидел перед ней в черном брючном костюме, закрывающем все тело, но все равно можно было оценить складность его фигуры, высокий рост, широкие плечи. Если бы не белая колоратка, то, наверное, и сама Лукреция забыла бы, что перед ней падре, искренне преданный делу в свои всего-то двадцать восемь лет.

— Черное, мне кажется, слишком открытое для музея. Наверное, лучше то... темно-красное...

— Бордовое, — поправила Лукреция, смотря на платья.

Черное было восхитительным: длинное, по фигуре, две тонкие лямки были на плечах, а третья шла от груди за шею, проходя через открытую спину. Платье держалось на теле надежно, но создавало противоположный эффект.

Бордовое было скромнее. Тоже длинное, широкие лямки на плечах, скромные разрезы по бокам. Красиво, но не цепляло, как первое.

— Бордовое, — исправился Нико и, усмехнувшись, добавил: — В следующий раз приглашай маму. Рано или поздно, тебе все равно придется с ней говорить. Даже я заметил, что ты много общаешься с Марко в последнее время.

— Ты это заметил, потому что в церкви постоянно сплетничают, — ответила Лукреция, положила платья на кровать и села с ее другой стороны рядом с Нико.

Тяжелые мысли в голове вспыхнули с новой силой. Женатый Витторио, свободный Марко, которого она знала всю жизнь. Который был ей приятен во всех планах. Отношения с которым осчастливили бы всех. Наверное, даже ее.

— Ты в порядке, Лу? — Вопрос Нико снова вернул Лукрецию в реальность из плена собственных безрадостных мыслей. Не совершает ли она самоубийство, пытаясь познать солнце? Или это то, что ей надо прежде, чем она выйдет замуж за Марко или кого-то вроде него? — Что у тебя происходит?

«Сплю с женатым ставленником Марко и пытаюсь договориться с совестью», — про себя ответила Лукреция.

Она потянулась за чамбеллой и оторвала себе кусок. Как объяснить это Нико? Брат казался ей существом с другой планеты. С самого детства он был самый тихий, скромный. Просто жил в своем мирке, читая книги и ухаживая за лошадьми. Никто не удивился, когда он решил изучать богословие в «Папском Григореанском университете», а потом пошел в семинарию. Она даже не удивилась, когда он признался, что у него никогда не было секса. Физическая сторона чувств просто не вызывала у него интереса. Милый, застенчивый, добрый, всегда готовый помочь. Как будто бы Цветочка из «Бэмби» рисовали с него.

— Если не готова говорить, то все в порядке, — мягко продолжил Нико, — но я вижу, что тебя что-то гложет. Если хочешь поговорить, то я здесь. И это останется между нами.

Его голос звучал мягко, спокойно, словно укрывал одеялом. Лукреция смотрела в наполненные искренней заботой глаза брата и все отчетливее понимала, что Нико, возможно, единственный человек, которому она могла открыться и чувствовать себя в безопасности.

— Как тайна исповеди? — уточнила Лукреция.

— Предполагалось, что как разговор с братом, но если тебе будет спокойнее, то можешь исповедаться, — мягко заметил Нико. — Господь да будет в сердце твоём, чтобы искренно исповедовать свои грехи от последней исповеди...

— Боюсь, что не помню, когда ходила на исповедь в последний раз... — заметила Лукреция, виновато улыбнувшись.

— Говори уже, — протянул Нико, потянувшись за чамбеллой.

Лукреция взяла свою чашку с прикроватного столика, сделала глоток и поняла, что кофе остыл. Проглотив неприятную жижу, она рассказала о первом поцелуе в Витторио в ратуше, о ее попытках избегать его, о том, как в летний вечер все вышло из-под контроля прямо в музее в Секондильяно. И как все продолжалось до сих пор.

Нико внимательно слушал, периодически кивая, а Лукреция продолжила пить холодный кофе. Чем ближе оказывался момент, когда брат начнет говорить, тем волнительнее становилось Лукреции. Словно чья-то рука уже схватила ее внутри и вот-вот сожмет в кулак грудную клетку, сердце и легкие.

— И тебя это устраивает? — неожиданно для Лукреции спросил Нико. — Прятаться, врать и... так строить отношения.

Вопрос, о котором она не хотела думать, но который постоянно витал в воздухе. Лукреция поставила чашку на блюдце и внимательнее взгляделась в брата, пытаясь найти оттенки хоть каких-то эмоций на его лице. Но Нико сидел невозмутимо, смотрел все с той же братской любовью, с которой смотрел с самого детства. И как не быть с ним откровенной?

— Я... не знаю. Последний месяц-полтора я вся на нервах большую часть времени, — призналась Лукреция. — Эти тайные встречи, работа в ратуше, Сандра, риски и... планы Марко на него. Я начинаю дергаться от звонков, от пауз в разговоре. Начинает казаться, что именно сейчас что-то произойдет. И самое печальное, что нельзя в любой момент встретиться, созвониться, выговориться. Но когда мы остаемся вдвоем, то все хорошо. Я успокаиваюсь. А потом начинаю думать, куда это приведет, и...

Речи о разводе с Сандрой даже не шло. Да и дочь дона Монтенелли не лучшая кандидатура в жены политику. Оставалось лишь порвать отношения или идти по стопам Мэрилин Монро. Но оба варианта одинаково не хотелось использовать.

Лукреция вдруг почувствовала, как Нико обнял ее, и с охотой прижалась к нему, обнимая в ответ.

— Я так рада, что наконец все рассказала кому-то, — призналась Лукреция. — Мне нужно было выговориться. Спасибо.

— Всегда к твоим услугам, Лу, — тише произнес Нико и поцеловал ее в затылок. — Думаю, что очевидных советов мне давать не стоит? — Лукреция кивнула, не отрывая головы от груди брата. — Тогда возьми паузу: без встреч, свиданий, разговоров. Съезди куда-нибудь на неделю-другую. Позаботься сначала о себе, своем состоянии, а потом сможешь принять правильное решение. Ты знаешь, как нужно поступить. Просто пока не находишь сил для этого. И лучше рассказать Марко. Может, он что-то предпримет.

Лукреция отстранилась от Нико и согласно хмыкнула. Может, правда послушать его совет? Проект с музеем завершен. Лето подходит к концу. Наверняка Санто и Марко отнесутся с пониманием к ее просьбе немного отдохнуть. Но как отнесутся к роману? Даже от мысли, что они узнают, стало не по себе.

С этими мыслями Лукреция ехала в музей. В выборе платья она тоже решила послушать Нико. Пусть бордовое нравилось ей меньше, она надела его, босоножки в тон и завила кудри, уложив распущенные волосы на одну сторону. Вечер не обещал быть долгим. Возможно, она сможет поговорить с Санто и Марко после приема, утром собрать чемодан, а в обед уже поехать в Монтальчино.

Оказавшись на месте, Лукреция с интересом и улыбкой стала осматривать людей. Их оказалось много. Служащие в ратуше смешались с местными из Секондильяно. Кажется, были даже туристы.

Лукреция наблюдала, как коллеги общались с людьми, как местные принарядились для открытия, и улыбнулась шире. Экскурсоводы, готовые рассказывать обо всем, комнаты для мастер-классов для детей и взрослых. Если кто-то захочет чем-то себя занять, то у него будет для этого возможность.

Смотря на ажиотаж, Лукреция поубавила пыла в своем стремлении уехать. Захотелось увидеть, как будет реализовываться их план, будет ли такой же интерес спустя пару недель.

— Лукреция...

Голос Витторио вывел ее из мыслей.

— Я уже волновался, что ты не приедешь, — продолжил он. — Прекрасно выглядишь.

— Спасибо. Ты тоже, — ответила Лукреция, осматривая темно-синий костюм, наверняка сшитый на заказ: брюки и расстёгнутый пиджак, сидящее идеально, гладко выбритое лицо и волосы чуть небрежно зачесанные назад. — Затянулся завтрак с Нико, сдвинулись все дела.

— Понятно, — с улыбкой ответил Витторио.

Лукреция чувствовала, как его взгляд гулял по ней: ненасытный, жадный, от которого ее снова бросало в жар, а тело натягивалось как струна. Перед Лукрецией снова возникли слишком яркие образы, от которых перехватило дыхание.

— Поздоровуюсь со всеми, — слишком резко произнесла Лукреция, делая шаг вперед.

Она шла, аккуратно обходя людей, но поняла, что предпочла бы сейчас вино, а не общение. Официанты подавали лишь шампанское, но Лукреция была уверена, что в комнате отдыха персонала есть что-то еще.

Коробки с шампанским, городская одежда на стульях, сумки. Лукреция вспомнила, что обслуживающий персонал для открытия расположили тут, и поняла — она вряд ли найдет тут приличную выпивку.

Выйдя из комнаты Лукреция оказалась в коридоре и вдруг снова увидела Витторио.

— Быстро ты со всеми поздоровалась, — беззлобно усмехнулся он.

— Решила сначала выпить что-то приличное, — ответила Лукреция.

Витторио сделал шаг вперед, от чего Лукреция попятилась и оказалась прижатой к стене. Горячие ладони легли ей на талию, обжигая голую кожу в разрезах по бокам. Она положила руки ему на плечи, немного отстраняя, и огляделась по сторонам. Коридор пустой. Кажется, здесь действительно только они. Из шумов только дыхание Витторио.

— Не волнуйся, — целуя Лукрецию в шею, прошептал он: — Сюда никто не придет.

Не успела Лукреция ответить, как Витторио поцеловал ее в губы. Жадно, словно ждал этого момента годы. Бесцеремонно проникая языком ей в рот, время от времени покусывая губы.

Лукреция ощутила, как температура ее тела поднялась. Слово она в один момент

взмокла от корней волос до кончиков пальцев на ногах.

— Я так скучал по тебе, — в губы прошептал Витторио и резко развернул Лукрецию спиной к себе.

Она оказалась зажата между ним и стеной. Руки Витторио спустили лямки платья с ее плеч, в ягодицы упирался стояк. Лукреция чуть шире расставила ноги и наклонилась вперед, чувствуя, как Витторио задирает ей юбку. Как поглаживал бедра, избавляясь от ненужного белья, пока она послушно поднимала по очереди ноги, чтобы он снял с нее трусы.

Упершись ладонями в стену, Лукреция искала за что ухватиться, но ничего не было. Каблуки компенсировали разницу в росте, и было почти удобно. Но первый резкий толчок все равно заставил ее скрести ногтями стену, словно кошка.

Лукреция нагнулась сильнее, Витторио вошел глубже, от чего она не сдержала сон. Одна рука ухватила ее за грудь, пролезая в вырез, другая — коснулась головки клитора. Мимолетно, словно случайно. Словно в противопоставление члену, который входил-выходил во все более бешеном ритме.

Лукреции стало жарко от платья. От волос. Дурно из-за нехватки воздуха. В руках ощущалась слабость. Ей казалось, что она сползала вместе с ладонями по стене, теряя все точки опоры. Витторио сжимал грудь, сдавил пальцами клитор, начав двигать им вверх-вниз.

Ноги казались ватными. Тело воздушным. Все ощущения сконцентрировались лишь на одном. Чавканье. Стоны. Рваное дыхание. Невыносимая жара. Почти пламя, словно на месте, где они стояли, вспыхнул костер, от еще более неистового темпа Витторио.

Словно пламя было внутри нее. Горел внизу живота. Расходился по всему телу, чтобы устроить взрыв, уносящий за собой все живое в радиусе нескольких километров.

Лукреция почти закричала, но вдруг впечаталась лицом в стену, ощущая на себе тяжесть тела Витторио.

— Тише, мое солнце, тише.

Губы Витторио касались мочки, раковины уха. Легкие укусы смешались с влажными поцелуями, по внутренней стороне бедра неприятно текло. Лукреция попыталась задрать лямки платья, но пальцы дрожали. Как и колени. Наверное, не держи Витторио ее за талию, она бы и вовсе уже сидела бы на полу.

— Как же я по тебе скучал...

Лукреция улавливала обрывки фраз, которые Витторио произносил в бреду. Казалось, что все ощущения были сконцентрированы лишь на физическом. Она не сопротивлялась, когда она снова обернул ее лицом к себе. Когда нежно поцеловал сначала в скулу, потом в щеку, потом в губы.

Легко. Трепетно. Ласково. Словно извинялся за возможную грубость.

— Мне пора вернуться в зал.

Еще один поцелуй в губы. Шаги. Лукреция как в замедленной съемке наблюдала за его уходом, вспоминая, принимала ли сегодня утром противозачаточные таблетки и осматриваясь в поисках трусов.

Прошло несколько минут. Лукреция успокоила себя, что пила таблетку прямо перед приходом Нико, но трусы так и не нашла. Видимо, Витторио унес их с собой, наверное, засунув в карман пиджака, как это бывало ранее.

Он уже стоял с Сандрой и говорил с какой-то парой. Мужчина, кажется, тоже был из ратуши. Немного старше. Его жена блекла на фоне Сандры, но в целом была ничего. Беседа

шла легко и непринужденно. Вскоре Сандра подняла бокал шампанского, видимо, предлагая тост. Витторио засмеялся и поцеловал ее щеку.

Луcreция наблюдала за этим со стороны и снова вспомнила, что хотела выпить что-то крепче шампанского. Ее ждут безлюдные коридоры, а не разговоры в открытую на приемах с друзьями и коллегами. И сейчас эта мысль в голове пронеслась особенно ядовито.

Марко казалось, что, когда он вел переговоры по бизнесу, даже когда лично присутствовал на казнях неугодных семье, в помещении было меньше напряжения. Лукреция и Сандра сидели спокойно. Говорили спокойно. Даже спокойно восприняли, что какое-то время им придется общаться. И это «спокойно» делало атмосферу невозможной. Марко внимательно следил за их реакцией, опасаясь что-то упустить. Чтобы что-то неожиданно не вспыхнуло, как при утечке газа, когда ты сначала не заметил, а потом — одна искра, и стало слишком поздно.

— В таком случае увидимся завтра, — повелительно произнесла Сандра и, поднявшись, продолжила: — Провожать не нужно.

Марко тихо хмыкнул на эту попытку показать свою власть, но промолчал, позволив выйти из разговора на ее условиях. Цокот каблуков. Хлопок двери. Марко повернулся, перевел взгляд на Лукрецию и заметил, что она как будто бы побледнела после этого разговора. Даже оцепенела. Возможно, из-за воспоминаний, возможно, из-за столь стремительного погружения в события сразу после возвращения в Неаполь.

Надо было что-то сказать, но что именно не было мыслей. Комментировать ситуацию нет необходимости, как и напоминать, что Лукреция сама виновата в последствиях. Пусть ссылка прошла жестко, говорить что-то о том, как ему жаль, что все закончилось так, просто смешно.

Марко снова вспомнилось, как они легко общались прошлой осенью, сколько разговаривали, не подбирая слова, не имея таких тяжелых пауз. Хотя чего еще ждать после перерыва в год?

— Ты готова к этому? — мягче спросил Марко.

Лукреция будто немного оживилась, услышав вопрос, расправила плечи и поднялась со стула. Ее шаги, пока она шла к своему креслу за столом, были почти бесшумны. Наблюдая за ее движениями, Марко убедился, что правильно выбрал говорить на ее территории. Мелочь, но свои стены всегда придают больше уверенности.

— Не волнуйся. Я усвоила урок, — заговорила Лукреция, начав перебирать на столе папки. — На самом деле мне было это нужно. В день открытия музея я и сама думала уехать в Монтальчино подумать о происходящем. Хотела поговорить с тобой и Санто после приема, но...

Лукреция замерла с папкой. Марко казалось, что в ее голове разблокировались еще какие-то воспоминания, которые лавиной сейчас обрушились на нее. Выбираясь из которой, она хваталась за знакомые вещи в интерьере, напоминая себе на что можно переключиться.

— Но... не смогла, — договорила Лукреция.

Марко кивнул. Лукреция шумно кинула папки на стол и села в кресло, сосредоточившись на нем.

Не смогла...

Хотел бы Марко не знать, что вкладывалось в это «не смогла», но он слишком хорошо познакомился с ситуацией, когда узнал о видео и о романе с Бартоло.

— У нас у всех были романы не с теми, Лукреция, — мягче, чем ожидал, заговорил Марко. — Ты наделала проблем, но не вини себя слишком сильно. Никому это не нужно. И мне не нравится эта натянутость между нами. Понимаю, что по щелчку пальцев ничего не

вернуть, но можно начать двигаться в этом направлении.

Лукреция продолжала смотреть на него, но на этот раз с подозрением. Словно искала подвох в его словах. Марко сел на кресло для посетителей, закинул ногу на ногу и откинулся на спинку. Сейчас был тот редкий момент, когда он не держал в голове много, не играл на психике собеседника, не преследовал своих целей.

Наверное, это была одна из причин, почему он любил общаться с Лукрецией. Не надо казаться страшнее, добрее или лучше. Не надо убеждать, что он хороший или плохой. Она знала, на что он способен как дон, как человек и принимала это. Не нужно масок и притворства. Спокойствие, которое он и хотел получать у себя дома. От своей жены. Атмосфера, к которой хотелось возвращаться. Особенно после дерьмового и сложного дня.

— И с кем был твой роман? — по-дружески усмехнувшись, спросила Лукреция.

— Я был студентом. И встречался с актрисой. Раз шесть, если не больше, смотрел «Сон в летнюю ночь», где она играла. Мне казалось, что это романтично — приходиться на каждое ее выступление, — усмехнулся Марко.

— Это не то же самое, — мягко возразила Лукреция.

— Разный масштаб, — не согласился Марко: — но одно настроение. Когда я учился на юрфаке, то вокруг было довольно уныло. И хотелось чего-то противоположного, яркого, не такого сухого, как законы и документы. Чего-то волнующего. Нормально хотеть узнать другую сторону жизни. И лучше сделать это по молодости, а не почувствовать жажду новизны, когда тебе сорок, ты в браке, с детьми и обязанностями другого уровня. У меня была эксцентричная актриса, из-за которой меня чуть не отчислили за неуспеваемость. У тебя же свой опыт. Бартоло — воплощение доброго честного парня. Я не зря *выбрал* его. И роль ему удалась лучше, чем я думал.

Пока Марко говорил, к нему пришло необъяснимое спокойствие, что теперь все встанет на свои места. Он пережил бурю, и теперь оставалось лишь разобраться с ее последствиями, заново выстроить быт и жить дальше.

— Пообедаем вместе? — предложил Марко и, увидев, что Лукреция смотрела на него более дружелюбно, добавил: — Мне не хватало общения с тобой этот год. И все вышло плохо, но мне жаль, что тебе было больно.

Лукреция улыбнулась краешками губ. Взгляд стал более виноватый, а сама она вдруг показалась уязвимее, чем когда-либо. Марко убедился, что определенно залез в какие-то болезненные углы ее души, которые не имел желания беречь.

— Что думаешь об обеде? — повторил Марко, давая понять, что ему нужен ответ лишь на это.

— Я уже договорилась с Нико на сегодня, — ответила Лукреция, вернув невозмутимый вид. — Ужин?

— Встречаюсь с родителями, — ответил Марко и усмехнулся. Стало даже забавно от того, что не клеилось как будто бы все. Только разговор вывернул в дружеское русло, так теперь они не могут договориться о встрече. — Тогда после музея, — предложил Марко.

— Можно, — кивнула Лукреция.

Услышав ответ, Марко почувствовал большее воодушевление. Разговор, от которого он не ожидал много, приятно его удивил.

— Тогда встретимся в музее. А после поужинаем. Я всем займусь, — поднимаясь, произнес Марко. — Хорошего дня, Лукреция.

— И тебе, — пожелала она.

Марко направился к выходу и, закрывая за собой дверь, обернулся. Лукреция снова как будто бы застыла, сидя за столом. Словно так глубоко ушла в свои мысли, что забыла обо всем вокруг.

Тихо закрыв за собой дверь, Марко устался на коридор впереди. Снова думая о романе Лукреции и Витторио, он понял, что его больше злил не сам факт отношений между ними, а то, что он не предугадал такой исход.

И если природа увлечения Лукреции была ему понятна, то чем руководствовался Витторио, так рискуя, вызывало вопросы. Как и то, почему Сандра, желая посадить его в кресло мэра, позволила этому так далеко зайти.

Марко вышел в главный зал, понимая, что, пытаясь не допустить утечки записи, особо не думал о том, что поспособствовало ее появлению. И, кажется, настал момент с этим разобраться. Что-то во всей этой истории он явно упустил.

Дорога из галереи прошла в переосмыслении событий. И довольно быстро Марко понял, что не сможет проанализировать все, если не узнает, как вообще завязались отношения Лукреции и Витторио. Как только Марко об этом подумал, то даже усмехнулся. Меньше всего он хотел знать еще и это.

Наверняка отец имел в виду не это, говоря, что свою женщину надо изучать каждый день, а не обманываться тем, что знаешь уже все.

Лион Кастелло и Велия Адриани поженились по договору их родителей. Кастелло хотели сотрудничества, Адриани отказывались помогать не семье. Обычная уловка, когда разглядел выгодный в перспективе союз и хочешь его получить.

Все закурилось быстро: помолвка, свадьба. Все ожидали и скорого рождения первенца, но ребенка так и не было.

Марко Кастелло родился спустя почти три года после свадьбы — несвойственная медлительность для брака, который должен породнить две семьи.

Он рос, его сверстники женились, а вокруг все чаще стали говорить о его возможной женитьбе на Лукреции Монтенелли, оканчивающей школу. Марко предполагал, что через год-два и его поставят перед фактом, но отец внезапно остановил все возможные разговоры и пригласил его на ужин.

Марко не был против, что его не заставляют жениться, но причина этого его интриговала. Ужиная с отцом, он решил сразу прояснить: дело в кандидатуре Лукреции или касательно свадьбы в целом. Леону понравился такой настрой без лишних подводок и неуверенности.

— Лукреция — чудесная девушка. Как и вся ее семья. Но, — протянул Лион и тепло улыбнулся какой-то своей мысли, — это должно быть только ваше решение. Твоей матери было девятнадцать, когда нас свели, и она была не готова к браку. Весь медовый месяц мы просто гуляли, ходили по разным мероприятиям, в кино, узнавали друг друга. Мы заслужили дружбу, уважение, доверие, а уже потом полюбили друг друга. Считай меня романтиком, но брак — один. И люди в нем должны знать и доверять друг другу. Горько прожить его с нелюбимым человеком.

Леон отпил вина из стакана и отцовской теплотой посмотрел на Марко.

— Ты скоро станешь главой семьи, сын, поэтому это будет только твое решение, кто будет рядом. Но помни, что это большая ответственность. Делай выбор мудро. И не только сердцем. Ты хорошо разбираешься в людях. Думаю, ты поймешь, кто сможет разделить с тобой ношу, а для кого она окажется непосильной.

Разговор, который Марко помнил до сих пор. Который с каждым годом понимал все лучше. Казалось, что если он с Лукрецией благополучно переживут предвыборную кампанию и Бартоло, сделают все нужные выводы о жизни после этого, то все дальнейшее покажется ерундой.

Вечер приближался. Марко с охотой ехал в дом родителей, понимая, что его ждет несколько часов спокойствия в родных стенах. И это сейчас было ему нужно. Спокойно поговорить с отцом, поесть материнской поркетты за семейным ужином.

Марко подъезжал к дому и уже чувствовал, что на душе становится немного спокойнее. Сейчас он не будет думать о Бартоло, записи, грязных играх и интригах. Он отведаст свиной рулет с начинкой из пряной зелени с цедрой, выпьет вина и немного отдохнет. Прекрасное завершение дня, когда все разговоры казались пыткой.

Отец, отошедший от дел, говорил в основном о недавно купленном винограднике, куда они с Велией планировали перебраться. Мать воодушевленно рассказывала о том, как будет обустраивать его.

Марко смотрел на родителей, живущих душа в душу, и почувствовал легкую зависть. Казалось, стоило отцу передать ему роль главы семьи и уйти на пенсию, они с матерью даже помолодели. Пусть в их волосах белела седина, а лица избороздили морщины, в них ощущался какой-то юношеский задор, который самому Марко сейчас был очень далек.

Направляясь на следующий день в музей, Марко был в странном состоянии. Его не покидало чувство, что что-то должно произойти. Что-то должно пойти не так, как бы он этого не хотел. Иррациональная неприятная мысль, шипящая в его голове, как масло на сковороде. Тем не менее, Марко ехал по Секондильяно и уже видел музей.

Ему не хотелось привлекать внимания. Нужно было лишь взглянуть на обстановку, а потом забрать Лукрецию. Марко припарковался, вошел в зал, осматриваясь в поисках Сандры и Лукреции, но заметил Дарио, разговаривающего с парой девиц. Кажется, тот почувствовал на себе взгляд, поскольку сразу прекратил разговор и направился к Марко.

— Тут все нормально, — сразу заговорил Дарио. — Если бы не знал всю историю, то поверил бы, что они лучшие подружки.

Марко кивнул. Мелочь, но без внимания простых людей явно не останется.

— Где Лукреция?

— Она говорила с директором. Кажется, пытается выбить больше денег или типа того. Они отошли, — быстро ответил Дарио, показывая направление. — И мои парни предупредили журналиста. Если не идиот, то должен все понять. Мы дали понять, что достанем его в любом месте.

— Хорошо. Держи меня в курсе. Без тебя нет проблем? — кивнув, чтобы Дарио шел за ним, спросил Марко.

— Все нормально. Киро знает, когда вовремя остановиться, а когда устроить полную жуть. И я с ним на связи, — заверил Дарио.

Марко хмыкнул, понимая, к чему вел Дарио.

— Значит, Киро. Если не передумаешь, — уточнил он, повернув голову к Дарио.

Тот слегка опешил, но быстро вернул самообладание и кивнул. Марко не стал развивать тему, помня, что у Дарио странное суеверное отношение к разговорам о его планах, когда он выполнит свою часть договора. Трепетный страх, что если он будет говорить слишком много, то все сорвется.

— Понятно, — твердо ответил Марко и, пройдя вперед, наконец увидел Лукрецию.

Она стояла боком к нему в углу комнаты, напротив был Витторио. Они явно стояли слишком близко, настолько, что между ними едва бы поместился кулак. Марко почувствовал, как его накрыло жгучее раздражение, когда Витторио протянул к Лукреции руку, пытаясь притянуть еще ближе. Лукреция отшатнулась и отдернула от Витторио руку словно от кипятка. Раздражение Марко из-за сцены близости сменилось гневом на Витторио: Лукреция явно усвоила урок, что нельзя сказать о Бартоло. Неужели ему не хватило одного скандала, произошедшего в стенах этого музея?

— Найди Сандру и приведи ее в кабинет директора. Мы будем там. И захвати шампанское и четыре бокала, — отчеканил Марко и, не дожидаясь ответа, направился к Лукреции и Витторио.

Лукреция вдруг врезалась спиной в него, начала извиняться, но оборвала себя на полуслове, видимо, признав. В ее взгляде тут же появился отголосок паники, а Марко аккуратно погладил ее по плечу, давая понять, что все в порядке.

— Не для этого я ехал, но, видимо, пришел момент расставить все по местам, — заговорил Марко. — Пройдем в кабинет директора.

Лукреция с опаской посмотрела на него, потом на Витторио. Марко рукой пропустил ее вперед, сконцентрировавшись лишь на Витторио, смотрящего на него с недоверием, и указал, чтобы тот тоже шел.

Вскоре они оказались в кабинете. Марко усадил всех за длинный стол, примыкающий к рабочему, а сам остался стоять. Через пару секунд дверь открылась. Дарио держал ведро с шампанским, в котором были и бокалы, пропустил Сандру. Ее взгляд моментально сменился на более уставший. Кажется, она без объяснений понимала, что муж снова что-то сделал не так.

— Ты тоже останься, Дарио. Закрой дверь. И, пожалуйста, поухаживай за дамами.

Сандра села рядом с мужем, напротив Лукреции. Марко прошел к Дарио, который, судя по слегка растерянному взгляду, тоже не мог сложить все, чтобы до конца понять ситуацию. Марко забрал один из бокалов и направился к рабочему столу.

— Мне кажется, что вы, синьор Бартоло, стали забываться, — расстегивая свой ремень, подчеркнуто вежливо заговорил Марко. — Я выбрал вас. С помощью меня вы получили место в ратуше. Я оплачиваю большую часть предвыборной кампании, — продолжил он, доставая член из ширинки. — Разбираюсь с проблемами, способными уничтожить кампанию, и продолжаю их от вас получать.

Казалось, что в кабинете никто не дышал. Что все звуки исходили лишь от Дарио: грохот от ведерка, когда он поставил его на стол, звук выскакивающей пробки шампанского, шаги.

Вскоре стало так тихо, что Марко отчетливо слышал журчание мочи, которой наполнялся его стакан. Покончив с этим, он поставил его на стол и застегнул брюки.

Когда Марко повернулся, то заметил, что замерли все. Дарио стоял с открытой бутылкой, Лукреция и Сандра сидели с бокалами шампанского, а сам Витторио неотрывно смотрел только на него и даже побледнел. Марко взял бокал с мочой со стола и подошел ближе к Витторио.

— Ты *мой*, Бартоло. Я могу тебя возвысить, а могу уничтожить. Все, что ты имеешь, было получено при помощи меня. И ты сделаешь все, что я тебе прикажу, чтобы это не потерять, — тише заговорил Марко и, протянув бокал, приказал: — Пей. До конца.

Марко вдруг почувствовал себя на сцене во время напряженного акта. Интересно, так

чувствуют себя актеры, когда перед ними разворачивается что-то, дальнейшие события чего они не могут предугадать?

Витторио забрал бокал и медленно поднес его к губам. Сандра стыдливо отвела взгляд, Лукреция же смотрела на Витторио со смесью сочувствия и удивления. Когда Витторио сделал первый глоток, то все как будто разморозились.

Витторио продолжал пить, а Марко вернулся к рабочему столу, наблюдая за ним. Если не весь, то часть фасада хорошего мужчины, которому нечего скрывать, разлеталась у него на глазах. Витторио Бартоло — обычный политик, готовый на все ради влияния: продать себя, душу и достоинство. Жалкий слизняк, неспособный держать свою жизнь под контролем. И переведя с него взгляд вперед, Марко невозмутимо спросил:

— Готова поужинать, Лукреция? Или у тебя остались здесь какие-то дела?

4.2. Лукреция. Прошлый год. Сентябрь

Лукреция лежала на кровати, пялилась в потолок и слушала, как Витторио говорил по телефону с женой. Казалось, что стены квартиры теперь запомнят и это. Что в будущем будут изводить еще и этим малоприятным воспоминанием. Есть что-то унижительное в том, чтобы лежать голой после секса и слышать, как мужчина, который еще двадцать минут назад был на тебе и в тебе, обсуждает с другой женщиной их совместную жизнь.

Лукреция накрылась одеялом с головой, чтобы заглушить голос Витторио. Надо было действовать по плану, который она наметила после завтрака с Нико в прошлом месяце — уехать в Монтальчино после приема. Неужели она правда добровольно вступила в отношения с мужчиной, с которым даже не может открыто поужинать в городе? Просто пройтись по парку и поцеловаться?

Сотни мелочей, о которых обычно даже не задумываешься, сразу же возникли перед глазами, как будто бы дразня одновременно своей простотой и недоступностью.

— Ты чего спряталась? — вдруг по-доброму усмехнулся Витторио.

Лукреция не ожидала, что он уже закончил разговор, и удивилась, когда Витторио стянул с ее головы одеяло.

— Думала, что не найду? — игриво продолжил он, залезая на кровать.

Лукреция не сопротивлялась тому, что Витторио оказался сверху. Она почувствовала, как он залез под одеяло, тяжесть его голого тела на себе и развела ноги, закинув их на него, чтобы Витторио удобнее устроился. Вдруг он поднес руку к ее лицу и аккуратно убрал с него пряди волос, нежно касаясь кожи, поглаживая, словно хотел запомнить это ощущение.

Даже взгляд Витторио изменился. Он смотрел со смесью нежности и горечи, от чего Лукреции стало не по себе.

— Что-то случилось? — спросила она, поглаживая Витторио по спине. Пальцы медленно скользили по его позвонкам вниз, а он все молчал.

Первый. Второй.

Витторио криво улыбнулся, с большей горечью смотря на нее.

Третий. Четвертый. Пятый.

Лукреция поняла, что начала считать позвонки, просто чтобы отвлечься от тревожности, все сильнее охватывающей ее.

— Нам придется что-то поменять, Лукреция, — наконец заговорил Витторио. — Марко сообщил, что начал подготовку к предвыборной кампании и...

Он не договорил. Провел рукой по волосам: нежно, трепетно, заботливо. После чего поцеловал в губы все с той же теплотой.

— Мне нельзя себя подставлять, — оторвавшись, тише продолжил Витторио. Его губы касались губ Лукреции, дыхание опаляло кожу. На миг он показался драконом, огонь которого сейчас распространялся по всему телу.

— Ты разве не с Сандрой сейчас говорил? — вдруг опомнилась Лукреция.

— С ним тоже, — быстро ответил Витторио и поцеловал ее в шею. Обжигаяще, более страстно, заставляя вцепиться в его спину крепче и думать только об этом моменте. — Не представляю, как буду без тебя, Лукреция.

Она почувствовала стояк Витторио и шире развела ноги. Если их ждет перерыв, то

почему не насладиться друг другом еще раз?

— Мне уже пора идти, но как от тебя оторваться?

Лукреция через слово разбирала, что Витторио бормотал ей в пылу страсти, касаясь губами кожи, целуя, куда придется. Она чувствовала движение его члена в себе и пыталась попасть в ритм, насаживаясь глубже, почувствовать каждой клеточкой момент. Запомнить. Напитаться.

Одеяло слетело. Витторио ускорился. Лукреция неожиданно для себя выпала из процесса, задумавшись над тем, что она делала, для чего ей это. Чтобы дальше мучить себя воспоминаниями, смотря на идеальную супружескую пару в обществе? Настроение проникло в тело и, кажется, осталось Витторио незамеченным. Лукреция лежала, постанывая что-то в ответ, но больше уже ждала, пока он кончит.

Дни летели. Лукреция решила потратить это время на обдумывание всего происходящего. Про Неаполь часто говорят, что это город-хаос. Самый многоликий из всех городов Италии. Одновременно и прекрасен, и опасен. Поражал и своей красотой, и грязью. Особенно осенью, когда лето отступало, а осень постепенно приходила, раскрашивая город в угоду себе.

Лукреция сидела перед холстом у себя в квартире, смешивала краски в палитре и не могла понять, что хотела нарисовать. Прогулка по городу оставила много образов: на Сант-Анджело распивали просекко, радуясь жизни, недалеко группа, видимо, туристов, собралась в кучку, не зная, как перейти дорогу со слишком хаотичным движением. Лукреция дошла до улицы «Сканнакаполи» и невольно улыбнулась, увидев магазинчики с красными ладошками и перчиками — от сглаза, мужского бессилья и неудач. Рядом стояли вертены, в которых были фигурки святых и политиков.

Если бы кто-то спросил, чем пропитан дух Италии, то Лукреция бы, не задумываясь, ответила — властью, сексом, семейными узами и кровью. Время шло, но Италия так и держалась на связи политиков, мафии, церкви и проституток. Проходят столетия, а связи между ними становятся только запутаннее и сложнее.

Хотя преступно еще не отметить местную кухню и искусство.

И как изобразить на небольшом холсте весь хаос и противоречивость Неаполя? Может, поэтому абстрактные экспрессионисты в Штатах стали использовать такие большие холсты? Не только, чтобы воздействовать на зрителя, но и уместить свои чувства? Потому что размер холста перед ней казался Лукреции преступно малым.

Думая обо всем этом, она мешала краски, надеясь получить какой-нибудь цвет, от которого бы можно было оттолкнуться, но вдруг задумалась: когда в последний раз рисовала? Первые месяцы отношений с Витторио, кажется, постоянно. Но когда перестала? И почему?

Звонок в дверь вывел Лукрецию из мыслей. Не ожидая гостей, она направилась посмотреть, кого к ней занесло, и удивилась, увидев Нико. Обрадовшись брату, Лукреция раскрыла дверь, но поубавила восторг, рассмотрев его серьезное выражение лица. Наверное, впервые в жизни она видела Нико таким.

— Что-то случилось? — сразу спросила Лукреция, пропуская брата в квартиру.

— Да, — ответил Нико. — Отец хотел послать за тобой своих людей, но я вызвался сам отвезти тебя, Лу, — продолжил он, осматривая ее. — Переоденься и поехали, пожалуйста. Мне жаль, но они узнали о тебе и Витторио Бартоло. Речь шла о какой-то записи.

Лукреция таращицалась в зеркало на топ, шорты и рубашку, испачканную краской, просто желая остановиться именно на этой мысли, а не принимать следующую. Какая запись? Что происходит?

Нико стоял в стороне, с сожалением поглядывая на нее. Продолжать разговор смысла не было. Они оба понимали, что за нечто подобное она получит сполна.

Лукреция думала, что будет переживать, но ехала в родительский дом удивительно спокойно. Нико вел машину медленно, плавно, словно плыл. Словно выигрывал для нее больше минут спокойствия. Лукреция смотрела в окно, терла на руке засохшую краску и, так и не вспомнив, когда в последний раз рисовала, вдруг стала вспоминать детство.

Нико так и ассоциировался у нее с конюшнями и лошадьми. Пока семнадцатилетний Санто проводил время с отцом за бесконечными партиями в шахматы, начиная свою подготовку главы семьи, они развлекались на конюшне. Четырнадцатилетний Нико, наверное, знал о лошадях не меньше конюха. По крайней мере, Лукреция помнила, с каким восторгом слушала его в свои десять-одиннадцать лет, когда он говорил об уходе, кормлении и водил лошадь, на которой она сидела.

Запах сена, яблок, дерева. Даже вонь навоза не портила атмосферу там. Лукреция вдруг как будто бы снова оказалась среди деревянных загонов, красивых животных в солнечный день. Конюх — синьор Грассо — добродушный коротышка средних лет всегда приносил им с Нико персики или апельсины, а они ели их, сидя на лавочке и предвкушая, как будут кататься верхом. Как все безмятежно было тогда. Как вернуться в это состояние хоть частично?

— Я так жалею, что не уехала тогда, — заговорила Лукреция. — Каталась бы на лошадях в Монтальчино. Нашла бы себе дело. Я была почти готова, но увидела его и...

Нико отвлекся от дороги и мимолетно взглянул на нее, видимо, выражая поддержку. Последние месяцы забрали слишком много сил. И к апофеозу всего этого Лукреция была не готова.

В кабинете отца был не только он. Санто, Марко и Леон Кастелло сидели за одним столом, грозно смотря на нее. Лукреция ощутила себя грешницей на Страшном Суде и решила просто принять все то, что на нее обвалится. Ее судьбу уже расписали, и нет смысла унижаться еще больше, прося о чем-то или устраивая сцену.

— Я даже не могу найти слова, чтобы описать весь этот позор, Лукреция, — начал отец, поднявшись из-за стола. — О чем ты думала? Тебе доверили дело, а ты закрутила роман с Бартоло!

С каждым новым предложением голос отца был все громче и эмоциональней. Лукреция продолжала молчать, потупив взгляд.

Роман...

Может, это действительно был просто роман? Интрижка перед предвыборной кампанией, а не отношения, в которые она наивно поверила.

— ... не хватило ума, чтобы это скрыть!

Отец разошелся, отчитывая ее, как ребенка. Хотя, может, в этом он был прав, учитывая, что теперь существует запись ее секса с женатым политиком, собирающимся баллотироваться на пост мэра.

Глупо.

Пошло.

И почему она не последовала своему плану тогда? Хотя спас бы ее отъезд в Тоскану,

если все случилось на приеме?

Лукреция рассмотрела присутствующих. Отец негодовал, Санто был чем-то озадачен и, кажется, через слово слушал воспитательную тираду для нее, Леон больше наблюдал за сыном, видимо, интересуясь, как тот будет реагировать, и только Марко буквально просверливал ее странным взглядом, которому она не могла дать объяснение.

Лукреция задержала взгляд на нем, пытаясь понять степень гнева, недовольства, но прочитать Марко не получалось. Наверное, действительно, как говорил Нико, нужно было прийти к нему, все рассказать, пока она не совершила еще большую глупость. Но какой смысл уже об этом думать?

Марко напоминал Фебрууса — бога подземного царства, где обитают души мертвых. Не зря он всегда ассоциировался у нее с землей и скалами. Чем-то темным, сильным и неведомым. А Секондильяно вполне подходило под описания владений Фебрууса. Район потерянных душ, с которыми она ощущала связь, как никогда прежде в своей жизни.

Как и Фебруус, Марко был податель и богатства, и смерти. А, возможно, даже очищения. Может, через наказание и она сможет сейчас очистить душу? Не зря же все религии на этом и построены. Мысль, которая вдруг принесла спокойствие. Видимо, и воскресные мессы, которые она посещала с детства, наложили свой отпечаток.

— Мы решили, — возмущенный голос отца вдруг сменился спокойным тембром Марко, — что вечером ты уедешь из Неаполя. Пока в Монтальчино. Позже тебе сообщат, когда ты сможешь поехать, куда захочешь. Но не в Неаполь. Сюда до разрешения въезд тебе закрыт.

Лукреция про себя усмехнулась. Все-таки дороги приведут ее в Монтальчино. Жаль, что при таких обстоятельствах.

— Думаю, что понятно — общение с Бартоло, любое, нужно разорвать.

— Более чем, — ответила Лукреция, смотря прямо на Марко. — Я могу идти собирать вещи?

Кажется, ее спокойная реакция удивила присутствующих. Но Лукреция уже об этом не думала. Она продолжала прожигать Марко взглядом, испытывая странное чувство, что и ее душа на время этого разбирательства переходит под его власть.

— Да, — твердо ответил он.

Не дожидаясь продолжения, Лукреция отправилась к двери. Наверняка вскоре она пожалеет о столь стремительном отъезде, заскучает по жизни здесь, по Неаполю, но сейчас хотелось уехать, не оглядываясь.

— Лукреция! — вслед раздался голос Санто.

Развернувшись, она увидела, что брат быстрым шагом догонял ее. Лукреция остановилась.

— Что еще? — устало спросила она. — Я виновата. Я уеду.

Санто продолжал смотреть на нее, и с каждой секундой его взгляд менялся. Негодование сменялось сменялось жалостью и заботой. Неужели она сейчас выглядит настолько плохо?

— У нас проблема с цыганами, — серьезнее заговорил Санто. — Лезут на нашу территорию. Нападают. Пока не знаем, с чем связана такая активность, чего ждать, поэтому дождись охраны. Торе тебя сопровождает и довезет.

Лукреция удивилась, что снова услышала про цыган. В последний раз о проблемах с ними говорили, когда она была еще ребенком. Люди отца поносили их настолько грязными

словами, что она не решилась даже спрашивать, за что их так презирали.

Позже выяснилось, что как чужаков итальянские кланы их просто не принимали, считая выскочками и отребьем, покусившимся на их земли и пытающимся диктовать свои правила.

— Но это не твоя проблема, — закончил Санто и мягче добавил: — Будь осторожна. И позвони, как доберешься.

— Хорошо, — согласилась Лукреция и направилась в гостиную.

Дорога до квартиры. Сборы. Бокал вина. Лукреция настраивалась на дорогу в Тоскану и с грустью смотрела на мольберт.

— Погрузите и его в машину, пожалуйста, — показав в его сторону, попросила Лукреция.

Торе кивнул, направился к нему. По тому, как он с разных сторон несколько секунд осматривал мольберт, чтобы сложить его, Лукреция поняла, что раньше дел с ним он не имел. К счастью, Торе быстро во всем разобрался.

Оставшись в квартире одна, Лукреция села на кровать. Спальня так и была полна фантомов то ли отношений, то ли интрижки. Запутавшись во всем этом, она решительно поднялась и услышала звонок мобильного. Неизвестный номер.

Поколебавшись несколько секунд, Лукреция подняла трубку. Ей ответил женский голос, который она не узнала.

— Кто это?

Вопрос вызвал усмешку собеседницы. Лукреция стала перебирать в уме знакомых женщин, но голос никак не совпадал с чьим-нибудь лицом.

— Мы не часто виделись, — продолжил голос. — Ты была гораздо ближе с моим мужем.

Лукреция даже замерла, поняв, что с ней говорила Сандра Бартоло.

— Спишу твоё молчание на удивление. Решила пожелать тебе хорошей дороги и поделиться маленьким секретом. Может, это даже облегчит тебе отъезд, Лукреция, — с нескрываемой насмешкой продолжила она. — Витторио неслучайно оказался в том кафе в твой первый день. Как и стал общаться с тобой. Я поделилась с ним соображениями, что это будет полезно, учитывая для чего ты была в ратуше. Как ты видишь, мой муж увлекся. Глупо. Грязно. Но уже ничего не поделать.

Лукреция снова села на кровать, чувствуя, как все внутри стянулось в узел. Словно ее саму завязали, туго перевязали, поломав все кости.

— Это... — начала Лукреция, но поняла, что вызов завершился.

Сандра положила трубку. Лукреция уставилась в одну точку, переваривая весь этот день. И прошедшие три с половиной месяца ее жизни.

Витторио допил до конца и со смесью стыда и гнева смотрел на присутствующих. Сандра, ядовито усмехнувшись, покинула кабинет, громко хлопнув дверью. Лукреция так и сидела, смотря на Витторио так, словно не верила, что он это сделал. Марко казалось, что только на него сцена не произвела никакого эффекта. Как он и ожидал, Витторио исполнил приказ. И его жалкий вид вскоре стал утомлять.

— Думаю, нам лучше оставить синьора Бартоло одного, Лукреция, — с легкой иронией, подчеркивающей важность, произнес Марко, переведя взгляд полностью на нее.

Она, кажется, даже не пошевелилась, продолжая, как замороженная, смотреть на Витторио. У Марко появилась мысль, что между ними сейчас происходил немой разговор, понятный лишь им на интуитивном уровне. Лишнее напоминание, что что бы между ними ни произошло в прошлом, в настоящем это оставило некую связь, которую просто так не разорвать. Как у людей, переживших вместе нечто травмирующее.

Звук отодвигающегося стула вывел Марко из мыслей. Лукреция поднялась, подошла к нему и выжидающе посмотрела.

— Пойдем, — спокойно произнес Марко, открывая перед ней дверь.

Внутри зародилось гадкое чувство, что пусть Лукреция и уходила сейчас с ним, часть ее осталась в кабинете с Витторио.

Они миновали людей, вышли на улицу. Прохладный вечерний воздух показался приятным после зала с толпой. Марко даже не захотелось возвращаться в машину. Он взглянул на Лукрецию, собираясь предложить ей прогуляться, но увидел, что она рассматривала здание музея.

В нем не было ничего примечательного. Каменное, коричневый цвет, который в лучах солнца порой приобретал желтоватый оттенок. Часть района без многоквартирных бетонных домов, сохранившая очарование старого города.

— Лукреция? — позвал Марко, всматриваясь в ее выражение лица.

Она стояла, замерев, словно перед ней что-то необычное. Словно не видела это здание много раз.

— Ты что-то спросил? — опомнилась Лукреция. — Извини, я задумалась. Было приятно вернуться сюда. Я и забыла, как мне нравилось заниматься этим проектом.

Интонация Лукреции значительно потеплела. Она осматривала здание, словно пыталась запомнить каждую деталь, запечатлеть и сохранить в памяти.

— Признаться, я тогда скептически относился к этому, — заговорил Марко. — Я понимаю музей как музей. Картины, экспонаты — просто ходишь и смотришь. Тут же должен был быть какой-то хаос: люди, вступающие с тобой в разговоры, мастер-классы, какое-то постоянное движение, но все вышло хорошо. Как будто проживаешь жизнь с местными.

— И хочется возвращаться, потому что люди меняются, программа не повторяется, — с улыбкой продолжила Лукреция и с тоской добавила: — Я говорила тебе, что не смогла уехать тогда. Частично еще из-за того, что хотела увидеть, как все здесь будет работать. Какая будет атмосфера. Мне правда нравилось заниматься этим.

Лукреция словно напоминала об этом сама себе и удивлялась тому, как могла это забыть. За секунды она оживилась вновь и стала казаться еще привлекательнее, смотря на

плод своих стараний с таким трепетом.

Марко вдруг и сам почувствовал тепло на душе. Неаполь несправедливо пользовался слишком дурной славой. В сознании многих туристов он был чуть ли не самым преступным городом Италии с грязными улицами, исписанными граффити и бандами, готовыми убить любого, кто сунется на их территорию.

Раньше, когда речь заходила о подобном, Марко пытался объяснить, что во многих городах есть районы, куда лучше не соваться. В которых находиться не менее опасно, но быстро перестал это делать. Как показывало общение с людьми, Неаполь либо любили, либо ненавидели. Не было человека, которого бы он оставил равнодушным. И не было надобности кому-то навязывать любовь к нему.

— Я планировал поужинать в другом месте, но, как смотришь на то, чтобы прогуляться и поесть в том ресторанчике, где мы встретились? Там кухня не хуже.

Внезапно не захотелось ехать в более презентабельный ресторан, нежелание садиться в машину увеличилось. Захотелось прогуляться по знакомым улочкам, смотря на небольшие здания. И пусть Марко прекрасно знал, что они скрывали, что творилось в менее благоприятной части района с бетонными многоэтажками, это не волновало, не беспокоило.

Как и в музее, в Секондильяно — хаос из людей, разборок, шумных разговоров, но этот хаос для кого-то — привычный порядок для него.

— С удовольствием, — с улыбкой ответила Лукреция, отвернувшись от здания.

Ресторанчик был в минутах пятнадцати пешей прогулки. Марко казалось, что лед в их общении трогается, но он все равно ощущал нечто сдерживающее их сближение. Возвращение в то русло, по которому он скучал.

Лукреция, кажется, снова ушла в свои мысли, задумчиво глядя себе под ноги. Трепет, легкость, безмятежность, с которыми она говорила, улетучились, оставив вместо себя что-то беспокойное.

Марко наблюдал за Лукрецией и невольно задумался, что может так встревожить ее. Видимо, его взгляд был слишком тяжелый, поскольку она тут же обернулась и чуть нахмурилась, словно проникала в его мысли, как это показывают в фантастических фильмах.

— Я все возвращаюсь мыслями в кабинет директора, — без лишних вступлений заговорила Лукреция. — Если честно, то это я с ним заговорила. Мне нужно было узнать кое-что. Правда это или нет.

Ее голос стал тише, с нотками вины. Даже стыда. Лукреция опустила голову, но из-за убранных в низкий пучок волос, профиль ее лица все равно можно было разглядеть.

— Бартоло сам виноват в своих бедах. И их последствиях, — отрезал Марко, заметив оправдательные виноватые нотки в голосе Лукреции, и серьезнее продолжил: — Что именно узнать?

Марко почувствовал, что сейчас лучшая возможность узнать об ее отношениях с Витторио все, что было ему нужно. Главное выдержать баланс и не превратить беседу в допрос.

— Ты доверяешь Сандре? — неожиданно спросила Лукреция.

Марко хмыкнул и от вопроса на его вопрос, и из-за его сути.

— Нет. Никому из них. Витторио слаб, а вот Сандра — акула, чующая кровь. Она своего не упустит. — Он продолжал неотрывно смотреть на Лукрецию, начав понимать, в чем дело. — Что она тебе сказала?

— Что это она посоветовала Витторио сблизиться со мной. Но он увлекся. — Голос

Лукреции стал едва слышен. Казалось, что она не хотела произносить это вслух. Признать. Верить. Она обернулась к Марко, смотря так растерянно, что он и сам потерял все слова, чтобы это как-то прокомментировать. — Чувствую себя идиоткой.

— Он подтвердил? — поинтересовался Марко.

— Нет. Сказал, что это ложь. Ее попытка отыграться, сделать больно. Что она любит такое, игры на психике, манипуляции, поэтому у них все... — Лукреция заговорила более сбивчиво, а потом отвернулась и замолчала, не договорив. — Я не хочу снова во все это лезть, если честно, — спокойнее продолжила она. — Мне просто хотелось прояснить ситуацию.

— Чтобы прояснить ситуацию, нужно понять вероятно ли такая версия событий, — заметил Марко, чувствуя, как подбирается к сути. Как чует ее, словно хищник добычу.

— В первый день мы встретились в кафе около ратуши. Поговорили о меню, еще о чем-то. Она сказала, что встреча была неслучайна. А потом... мы работали вместе. Сложно работать над подобным проектом, не общаясь...

Лукреция звучала так, словно говорила сама с собой, напоминала прошлое, в чем-то себя убеждала и заодно пыталась в этом разобраться. Марко и самому стало интересно. Он ожидал, что Сандра будет что-то плести. Видел смысл в попытке подобраться к Лукреции в ратуше, но зачем вредить мужу?

— Долго еще идти? — Вопрос Лукреции вывел его из мыслей. — Я проголодалась.

«И не хочу об этом говорить», — продолжил про себя Марко.

Впрочем, нужды в этом уже и не было. Ему не пришлось начинать этот неприятный разговор, он узнал нужную информацию и сейчас вкусно поужинает в приятной компании. Можно считать, что вечер удался.

— Почти пришли. Только повернем за угол, — с улыбкой сообщил он.

В ресторанчике Томаzza бурлила жизнь. Люди ужинали, что-то обсуждали. Между столиками носился молодой парень, умудряясь попутно со всеми поддерживать беседу. Через несколько секунд показалась и тучная фигура дяди Дарио — Исая, выплывающая из-за прилавка.

— Добрый вечер, — протянул Исая, пробираясь к ним.

Пышные усы, фартук, слегка потрепанный внешний вид и широкая улыбка. Исая Томаzza всегда напоминал Марко героя детских сказок. И смотря на него, порой становилось странно, что по молодости он занимался тем же, чем и Дарио.

Исая проводил их к столику рядом с окном, перед этим придирчиво его осмотрев, и громко хлопнул в ладоши, видимо, пытаясь обратить на себя внимание.

— Если позволите, сегодня хочу предложить на ужин мясо в стиле пиццайола, — заговорил Исая, дождавшись внимания к себе. — Свежая мягкая телятина, спелые помидоры. Тонко нарезанные соленые и поперченные ломтики телятины обжаренные на сковороде с очищенными помидорами. Посыпаны чесноком и орегано. Политы прекрасным оливковым маслом и потушены на слабом огне. С бокалом «Альянко» — просто удовольствие для желудка, — с жаром заговорил Исая.

Марко уже привык к Исаяе и к его трепетным описаниям блюд, словно он описывал только что родившегося у него младенца, но на Лукрецию, кажется, его манера произвела впечатление. Она, не отрываясь, смотрела на него, видимо, представляя все, что слышала.

— Я согласна. Звучит очень аппетитно. И я очень голодная, — призналась Лукреция.

— В таком случае, — наклонившись чуть ближе, заговорил Исая, словно делился

секретом, — могу предложить еще баклажаны под маслом. Да-да, обычно это добавление к пасте или ризотто, но моя дорогая супруга, моя Ромола, готовит их так, что к мясу будет еще лучше. Как брускетта. В прошлом месяце она весь день провела на кухне: резала баклажаны, доводила до кипения, сушила, закрывала в банки, поместив между ними кусочки острого перца и чеснока. Каждый посыпала солью и орегано и залила маслом. Мы только начали открывать эти банки. Вкус просто невероятный.

— Даже в этом не сомневаюсь, — словно замороженная, ответила Лукреция. — С удовольствием попробую.

— Мне то же самое, — ответил Марко.

— И на десерт торт Капрезе, — как само собой разумеющееся продолжил Исая. — Вы же не уйдете без десерта? Кусочка шоколадного торта?

— Мне уже кажется, что я вообще отсюда не уйду, — по-доброму усмехнулась Лукреция.

— Ничего. Вас никто не гонит, — простодушно продолжил Исая. — Сидите, общайтесь, ник... Святая Дева Мария! Мадонна мия! — внезапно громче сказал Исая и перекрестился. — Призрак Сан-Лоренцо!

— Что? — Лукреция посмотрела в окно, Исая перекрестился еще два раза, а Марко вздохнул, разглядев в окне девушку в летящем белом платье, которую Исая, видимо, и принял за призрак. — О чем вы?

— Местная байка, — усмехнулся Марко.

— Какая? — с интересом спросила Лукреция.

— Девушка покончила с собой, выйдя замуж за нелюбимого, — сухо произнес Марко. — Такие истории о призраках в каждом районе.

— Более ста лет назад, — заговорил Исая, — во дворе дворца на Корсо Секондильяно был большой праздник, устроенный в честь свадьбы двух молодоженов: Милены и Козимо. Как сказал дон Кастелло, свадьба была не по любви. Когда наступило время молодожёнам уединиться, она нашла какой-то предлог, чтобы удалиться на минутку. И позже на глазах у многочисленных гостей, в своём белом свадебном платье, освещаемом светом луны, бросилась в пропасть.

Голос Исая стал тише, более томным и загадочным. Марко невольно усмехнулся и признал, что рассказывать легенды у него выходит не хуже, чем описывать свои блюда.

— Десятого августа многие видят, как она повторяет этот поступок, — закончил Исая.

— Но сейчас же сентябрь, — заметила Лукреция.

— Поэтому я и перепугался, — как само собой разумеющееся произнес Исая. — Подумал, что недобрый это знак. Женщины, загнанные в угол, способны на многое.

А вот с этим Марко был согласен.

Вскоре Исая опомнился, что они пришли есть, а не слушать истории, и удалился на кухню.

Марко смотрел на повеселевшую Лукрецию перед собой, которая, видимо, высматривала Исая с блюдами, слушал ее восторги насчет его манеры рассказывать и немного расслаблялся. Он и сам глянул в окно и вдруг увидел Дарио. Тот стоял с телефоном, а потом кивнул головой, прося выйти.

И Марко совсем не понравился его хмурый и серьезный вид.

5.2. Лукреция. Настоящее

Лукреция не могла избавиться от мысли, что пусть она была рада вернуться в Неаполь, это ее пугало. Предстоящее воссоединение с семьей, встреча с Марко, лицо Витторио, которое наверняка будет смотреть на нее с предвыборных плакатов по всему городу.

Стоило об этом подумать, и Лукреция ощущала, как ей становится не по себе.словно она оказалась в тесном темном сарае, как однажды в детстве, когда ее случайно закрыли в таком, пока она пряталась от Нико, играя в прятки.

Когда брат не смог ее отыскать, к поискам присоединился чуть ли не весь город.

Лукреция не помнила, сколько просидела там, даже смутно помнила, как ее нашли. В памяти осталось лишь, как она заплаканная, напуганная и грязная прижималась к отцу, крепко обнимая его и рассказывая, как никак не могла найти выход, как усердно его искала, как испугалась.

В пять лет это было простительно. Но спустя еще двадцать — все эмоции необходимо держать при себе. И пусть все пространство вокруг Лукреции с тех пор было всегда просторным и светлым, порой избавиться от ощущения, что она снова взаперти, в тесной комнате, не получалось. Как в последние месяцы отношений с Витторио.

И как сейчас.

Лукреция наблюдала за гостями в музее, пытаясь найти среди них Витторио. Говорить с ним, наверное, плохая идея, но кто знает, когда ей еще представится шанс? Представится ли вообще? Гоняла эти вопросы в голове и будто задыхалась, чувствуя, как сжимаются стены.

Снова видеть его спустя все это время оказалось странно. Тут же лавиной на нее обрушились воспоминания всего скверного, что вышло из их отношений. Ей пришлось уехать, жить вдали от близких и любимых мест, а он продолжил жить с женой, строить карьеру, жить в своем доме, словно ничего не произошло. И от этого проснулась обида. Жгучая. Неприятная. Бурлящая.

И пусть сцена в кабинете была мерзкой, даже привела в легкое оцепенение, часть Лукреции радовалась, что и Витторио заставили почувствовать себя униженным. Пусть другая часть все еще и сожалела ему.

Лукреции удалось выдохнуть только на улице. И окончательно расслабиться в ресторане Томацца. Пространство было меньше, люди — более шумные, но удивительным образом на нее это не давило.

Как же все на самом деле просто. Ужин. Общение. Прогулки.

Лукреция снова вспомнила, сколько усилий ей стоило выследить Витторио в музее, попытаться поговорить с ним наедине, чтобы никто не услышал, и ощутила холодок по телу. Все не должно быть так. Особенно по сравнению с той простотой, с которой она сейчас ужинала с Марко.

Не ожидая от себя, Лукреция забылась. Атмосфера ресторанчика, харизма Исаяи подействовали на нее опьяняюще. Ей казалось, что она готова слушать его с открытым ртом и уже готовилась попробовать еду. Казалось, что уже ничего не могло испортить настроение, но она услышала:

— Извини, Лукреция, я сейчас подойду.

Голос Марко прозвучал серьезнее. Лукреция кивнула и, когда Марко поднялся, обернулась к окну. Дарио стоял около ресторана, а Марко направлялся к нему.

Дарио что-то долго говорил, Марко, не перебивая, слушал. Лукреция наблюдала за ними, понимая, что случилось что-то серьезное, раз пришлось прервать ужин, и напряглась. С каждой секундой казалось, что напряжение только росло. Охватывало ее своими щупальцами, как морское чудовище.

Марко начал говорить. Дарио кивал, вскоре развернулся и ушел. Марко вернулся в ресторан и как ни в чем не бывало сел на свое место. Лукреция заметила, что даже замерла, ожидая, когда он заговорит. Вдруг она поняла, что не хотела уходить, не хотела, чтобы вечер подходил к концу. После нескольких месяцев тайных отношений и года изгнания даже такой простой ужин казался глотком свежего воздуха. Напоминал, как просто все это на самом деле.

— Все в порядке? — поинтересовалась Лукреция.

Глупый вопрос. И так ясно, что нет, но другое начало разговора так и не пришло в голову.

— Что вообще происходит в городе? — с большим интересом спросила Лукреция. — Что я пропустила?

Марко чуть нахмурился. Ему явно не хотелось отвечать на вопрос. Лукреция подумала, что он сейчас переведет тему, но Марко заговорил:

— Все обычно. Только обострились проблемы с цыганами, Испанскими кварталами. Пытаются выйти за его пределы: шлюхи, наркотики, обворовывание туристов. Ваши районы лучше, люди обеспеченнее, можно больше получить. На время затихли и, видимо, набрались сил. Может, нашли союзников, — сухо ответил Марко и более ободряюще добавил. — Уверен, что Санто с вашим отцом во всем разберутся. Вам принадлежит четверть недвижимости Неаполя и почти половина зданий в районах. Тут при желании особо не разгуляться.

Лукреция вспомнила, как говорила с братом о цыганах перед отъездом, но ничего полезного вспомнить из разговора не смогла. Да и, наверное, это было не нужно. Зачем портить вечер, во время которого впервые за долгое время она почувствовала себя живой? Тем более, что с Марко всегда было о чем поговорить.

— Вспомнив работу над музеем, я теперь снова хочу заняться чем-то таким, — заговорила Лукреция.

Марко оживился, видимо, поняв, что продолжение темы ее не интересовало. Исайя принес вино и баклажанную брускетту. У них есть все, чтобы провести вечер хорошо. И очень глупо не воспользоваться шансом.

Потеряв счет времени, Лукреция слушала о жизни без нее: работе музея, семейных праздниках. Все горячо любимое продолжало жить, пока она вела одинокое существование в Монтальчино.

Говоря о семье, близких, Марко как будто бы становился мягче. Словно скала превращалась в античную статую с искусно проработанными деталями, из-за чего лицо казалось более человеческим. Мелочь, но подобное изменение вдруг показалось Лукреции интимным. Они годами общались, говорили и, наверное, только сейчас она окончательно поняла, что все это время они оставались собой. Показывали другую сторону, которую не принято демонстрировать, чтобы удержать власть.

— Я хорошо провела время, Марко. Спасибо, — поблагодарила Лукреция, выходя из ресторана.

Ей самой казалось странным, что, смотря сейчас на Марко, она не думала о Витторио.

Она вдруг вспомнила, как после быстрого секса смотрела на него украдкой из-за угла. Он стоял с женой в окружении друзей и коллег, и Лукреция осознала, что видит жизнь, которую не сможет с ним прожить.

А сейчас она вдруг поняла, что с Марко может быть все иначе.

Ужины в милых местах. Разговоры о делах клана. О проектах. О семье. Никаких страхов, унижений, тревожных мыслей.

— Взаимно, — с улыбкой ответил Марко и серьезнее продолжил: — Тебя отвезут домой. Извини, что ухожу, но мне нужно быть в другом месте.

— Конечно, — отозвалась Лукреция, продолжая думать над тем, что между ними могло быть.

Они дошли до машины. Марко открыл дверь. Лукреция продолжала смотреть на него в освещении фар и поцеловала в щеку на прощание, решив, как следовать подумать об этом завтра, когда будет больше сил.

Лукреция вернулась домой около полуночи. Душ. Пижама. Желание лечь спать. Она уже шла к кровати, когда обратила внимание на мольберт. Чемодан так и стоял еще не распакованным, зато мольберт вернули на прежнее место. Рядом стоял небольшой сундучок, где хранилось все для рисования.

Подвинув табурет, Лукреция достала уголь и устала на белый лист. Как давно она не рисовала? Год? Или меньше, если считать неудачные попытки что-то изобразить в Монтальчино?

И что она хочет нарисовать?

Лукреция провела линию вдоль листа и наклонила голову, прикидывая, что из нее можно сделать. Если нарисовать параллельно еще одну, то будет что-то похожее на ствол дерева. Сухие ветки. Темный фон. Глупо, но почему бы и нет?

Удобнее взяв уголь, Лукреция принялась рисовать незатейливое дерево, походившее на большое на каком-нибудь заброшенном участке. Пусть ужин с Марко прошел хорошо, в голове так и крутилась сцена в кабинете директора, а на душе была странная смесь отвращения и жалости.

Лукреция невольно задумалась, как все это время жил Витторио: думал ли о ней, пытался ли как-то связаться, хотел ли этого, скучал ли?

— *Мне пришлось все рассказать Сандре и Марко. Она знала, как мы встретились, где проводили время. И она просто решила сделать тебе больно. Отомстить. Я бы никогда не стал тебя использовать, Лукреция...*

В голове зазвучал бархатный голос Витторио, перед глазами снова возник образ, как он протягивал к ней руки, пытаясь коснуться ладоней. Как это бывало обычно, несильно сжать их, погладить.

— *Ты дорога мне, Лукреция. И я никогда тебя не о чем не просил. Разве не так?*

Все так. И от этих слов путаница только усилилась. Может, это действительно просто игры обманутой обиженной женщины? Хотя какая разница? Разве это что-то меняет? Разве мало у нее проблем из-за этих отношений? Стоит ли думать об этом, если она разглядела нечто, что может быть более настоящим?

Лукреция вырисовывала мелкие сучки на ветке, вспоминая лицо Витторио: обезоруживающая улыбка, трепетный взгляд. Он всегда смотрел на нее так, словно она лучшее, что было в его жизни.

И только сейчас она подумала и том, что с таким же светлым взглядом и искренним

интересом слушал жалобы и предложения по работе, о которых потом не вспоминал.

Устав физически и морально, Лукреция легла спать с первыми лучами восходящего солнца. Занавески были не задернуты, кровать тонула в ванне из света, но маска для сна позволила уснуть. Ей снилась жуткая галиматья с Витторио и Марко: улыбки, летающие по воздуху, голоса, звучащие из всех углов, сухие деревья со зловещими пустыми ветками, улицы Секондильяно и ратуша, по которым она бродила, словно не знала дороги.

Резко открыв глаза от громкого стука, Лукреция села, сняла маску и удивилась, когда стук повторился наяву. Кто-то настойчиво стучал в дверь. Часы показывали начало десятого утра. Не ожидая никого в гости, Лукреция поплелась проверить, кого к ней принесло. Дарио. Она открыла дверь.

— Либо это еще один стиль, который я не понимаю, либо в галерею ты не собираешься, — прокомментировал Дарио, по-доброму усмехнувшись.

— Проходи, — зевнув, ответила Лукреция. — Поедем туда позже.

Дарио зашел. Закрыв за ним дверь, Лукреция посмотрела на себя в зеркало: рубашка с короткими рукавами, шорты, легкая лохматость на голове и след подушки на щеке. Вполне приемлемый вид для завтрака в обществе Дарио.

— Будешь кофе?

Дарио стоял посреди гостиной и Лукреция показала рукой, чтобы следовал за ней на кухню. Ей вспомнилось, что он вырос в Секондильяно, и, прежде, чем снова начать думать о Марко и Витторио, она решила спросить другое в надежде оттянуть более тяжелые размышления:

— Что не хватает Секондильяно и подобным районам? На твой взгляд.

Дарио явно не ожидал услышать это. Он сел за стол и удивленно взглянул на Лукрецию.

— От кофе не откажусь, — ответил он, — а районы... Там много чего не хватает.

Лукреция поставила гейзерную кофеварку на стол и потянулась за молотым кофе.

— А конкретнее? Хочу снова чем-то заняться, но не могу решить чем, — продолжила она, заливая внутрь кофеварки воду. — Что будет полезно местным?

Вскоре Лукреция поставила кофеварку на плиту, полезла за чашками, а Дарио так и молчал. Обернувшись, она увидела, что он сидел слишком серьезный, явно задумавшись о чем-то.

— Не ожидала, что мой вопрос так тебя напряжет, — усмехнулась Лукреция, доставая бискотти, купленное накануне.

Дарио как будто бы оживился после ее слов. Лукреция забыла про кофе и бискотти, наблюдая, как меняется его выражение лица. Оно так озарилось, словно он решил проблему, которая долгое время не давала ему покоя.

— Что у тебя на уме? — с нескрываемым интересом спросила Лукреция. — Такой вид, словно над твоей головой вот-вот загорится лампочка, как в мультике.

— Девчонки из борделей, — ответил Дарио. — Ты, наверное, знаешь, что произошло вчера?

— Не особо. Что-то с цыганами, — ответила Лукреция, вернувшись к наблюдению за кофеваркой.

— Да. У цыган публичные дома в Испанских, по которым готовят удар. Десятки девчонок останутся на улице. Это в лучшем случае, если на улице. Их можно куда-то деть...

Лукреция даже нахмурилась, анализируя слова Дарио и удивляясь горячности, с которой он об этом говорит.

— Звучит, конечно, хорошо, но... давать приют проституткам конкурентов на своей земле — ход, который не оставят без ответа, — ответила Лукреция, доставая тарелку для бискотти.

— Да, но, во-первых, мы обговорим это с твоей семьей, с Марко. А, во-вторых, цель — лишить их прибыли. Домов не будет — найдут помещение, но найти новых девок, приносящих доход, уже сложнее, потребует времени. Да и в таких местах у клиентов уже есть любимые, в которых они уверены, которые не будут мутить что-то против них. К новым такие часто относятся с опаской. И, в-третьих, ты все равно остаешься пассивным участником. Не отдаешь команды, не участвуешь на поле боя. Просто занимаешься приютом с разрешения семьи. После удара по их бизнесу это уже не будет играть большой роли.

Лукреция услышала шипение в гейзерке и выключила огонь. В словах Дарио была логика, хотя такую горячность она все еще не объясняла.

— Можешь рассчитывать на любую мою помощь, — серьезнее продолжил Дарио.

Лукреция разлила кофе и внимательнее посмотрела на Дарио. Слишком серьезный разговор для человека, который только что встал и еще не пил кофе, но отступить уже было некуда. И она сама начала этот разговор.

— Только ответь мне честно: откуда такая трепетная забота о проститутках?

Лукреция смотрела на Дарио, не отводя взгляд, зафиксировала, словно боялась потерять из виду.

— Моя сводная сестра занималась проституцией в Испанских. Ее подставили. А потом убили. Хочу сделать и что-то хорошее в память о ней, пока могу. Там долгая история.

Лукреция отпила из чашки кофе, пережевывая, с какой болью и тоской Дарио произнес это. Каким горячим взглядом смотрел на нее, ожидая ответа. Может, это то, что ей сейчас и нужно, чтобы отвлечься, внести свою лепту в семью и искупить вину? Предстать перед отцом не грязной любовницей политика, на которого у них свои планы, а достойным членом своей семьи, с которым можно вести дела? Снова окунуться в проект, который будет интересен?

— Думаю, мы можем это хотя бы обсудить, — ответила Лукреция. — И мне жаль, что все так сложилось.

Дарио хмыкнул то ли тоскливо, то ли глумливо, отпил кофе из чашки. Лукреция потянулась за бискотти, но, взяв его, передумала есть. Отец не говорил с ней с отъезда. И перспектива встречи с ним встревожила до потери аппетита.

У Марко была очередная ночь без сна. Уже такая привычная, что он не обращал на это внимания, сидя в кабинете Санто, разговаривая с ним и неспеша попивая коррето.

Нападение на подпольное казино в Позиллипо стало новым витком в конфликте с цыганами. Раньше те просто обворовывали клиентов на выходе, а сегодня в ход пошло огнестрельное оружие.

О перестрелке рядом с «закрытым клубом» уже трубили по всех новостях, списывая ее на разборки мафиозных кланов. И пока Санто успокаивал клиентов и готовил ответные действия, Марко думал, как все это отразится на ситуации с выборами. К подобным новостям из неблагоприятных кварталов уже давно привыкли, но процветающие и богатые вроде Позиллипо...

Журналисты, цыгане, предвыборная кампания, Витторио, интриги Сандры — список проблем в голове Марко рос слишком быстро. Он снова пригубил коррето, решая с чего лучше начать и продолжая наблюдать за Санто.

Тот явно злился. Обычно его выражение лица было крайне спокойно. Санто вообще часто выглядел довольно флегматично, пусть и не обладал подобным темпераментом в полной мере, но сейчас его глаза горели нехорошим пламенем.

Марко знал, что Санто вложил слишком много сил в проект, чтобы показать отцу на что он способен. «Закрытый клуб» был идеальным прикрытием для игорного бизнеса. Членство. Жесткий отсев. Придирчивый выбор клиентов. Принятие нового члена только через приглашение.

Со временем туда стало приходить много полезных людей, с которыми завязывалось партнерство, и Санто очень этим гордился. «Аврора» была его детищем. И как любящий отец Санто был готов заступиться за своего ребенка.

Марко был готов поддержать при необходимости. Хотя сейчас понимал, что Санто больше держал его в курсе дел из-за предвыборной кампании.

Верхушка и низы Неаполя под их контролем. Первым всегда мало того, что есть, вторые готовы на все, чтобы получить чуть больше. На первый взгляд, казалось бы, такие разные слои населения, но, присмотревшись, понимаешь, как они похожи. Неважно все у тебя или ничего, все равно всегда есть что-то, что надо получить. В такие моменты Марко всегда вспоминал отца, заключившего такой крепкий союз с Монтенелли. Лучше дополнять друг друга, выступать единым фронтом против врага и властвовать на своей территории, а не грызться между собой.

— А что у тебя с журналистами? — вопрос Санто прозвучал неожиданно. Марко даже не сразу понял, что тот обратился к нему.

— В процессе. Дарио доложил, что журналиста припугнули. Не поймет, то уберем в назидание другим, — ответил Марко, вдруг почувствовав усталость от этого дня. Захотелось смыть ее холодной водой, вывести из кожи, но он продолжал сидеть в кабинете. К счастью, кресло было удобным, а коррето еще приятным на вкус. Мелочь, но миг от этого становился явно лучше, способствуя большей ясности ума. — Продолжим каждый заниматься своим. Ты — цыганами, я — Лучиано и Бартоло. Утром созовем пресс-конференцию, пусть что-нибудь пылко повещает о том, как важно нам быть обществом и бороться с подобными разборками кланов.

Санто усмехнулся. Марко допил корретто, продолжив развивать мысль в голове. До выборов осталась лишь пара недель. И если все пройдет гладко, то перед ним откроются еще большие перспективы.

В партиях есть свои мелкие чиновники, способные поддержать нужный проект. И скоро должен появиться ручной мэ́р, с помощью которого можно будет избавиться от цыган на законодательном уровне.

Главное лишь правильно разыграть партию, чтобы его фигура оказалась в выигрышном положении. И мысли Марко вернулись к Сандре. Интуиция подсказывала, что если он хочет такого исхода, то от нее пора избавляться. Но перед этим еще немного понаблюдать за ситуацией.

Марко пил кофе дома, просматривая досье на Сандру и слушая пресс-конференцию Витторио по телевизору. Стоя на крыльце ратуши, тот с жаром говорил об ужасе, который произошел в Позиллипо.

— ... сожалению, подобное всегда было частью Италии. Частью Неаполя. Но, думаю, пора установить рамки. Показать, что мы, добропорядочные граждане, не потерпим такого в нашем доме, на улицах, по которым мы ходим на работу, на которых играют, гуляют наши дети. Для этого потребуется много сил, ожидает большая работа, но вместе мы смо...

Марко отключил звук, увидев, что звонит Санто. Приняв вызов, он снова устался на Витторио, продолжающего что-то говорить.

— Мне кажется, все идет неплохо, — сразу заговорил Марко. — С этим можно начать вытеснять цыган, не дожидаясь, пока он сядет в кресло.

— Да, я смотрю, но звоню не за этим, — ответил Санто. Его голос прозвучал озадаченно, из-за чего Марко невольно напрягся. — Я говорил с Лукрецией. Она хочет что-то предложить в связи со вчерашним нападением.

— Интересно, — усмехнулся Марко, невольно снова взглянув на разглагольствующего Витторио. — Во сколько?

— В полдень. У отца, — сообщил Санто и громко выдохнул, после чего с неприкрытым интересом уточнил: — Вы же ужинали вчера?

— Да, — подтвердил Марко и, понимая, к чему вопрос, продолжил: — Она спрашивала о ситуации в городе, и я кратко обрисовал. Никакими планами Лукреция со мной не делилась. Мы больше говорили о музее, кухне и байках Секондильяно.

Санто продолжал молчать, Марко сделал плоток кофе и заметил, что пресс-конференция Витторио сменилась ведущим новостей.

— Ладно, — хмыкнул Санто, — до встречи.

— Хорошо, — согласился Марко, после чего Санто завершил вызов.

Марко выключил телевизор, вспоминая вчерашний ужин, разговоры, и усмехнулся. Ничто из вчерашнего не навело его даже на предположение того, что он мог услышать сегодня.

— Что же ты надумала за эту ночь, Лукреция? — вслух спросил Марко, крутя телефон в руке.

Хотя тот факт, что Лукреция проявила инициативу в делах семьи, порадовал и воодушевил. Возможно, она наконец дошла до полного принятия той роли, которая ей отведена семьей. Возможно, пора проявить инициативу, чтобы завязать романтические отношения.

Марко посмотрел на часы. Стрелки показывали начало одиннадцатого утра. И,

наверное, впервые в жизни его пожирало такое любопытство перед собранием.

Марко приехал раньше, сам от себя такого не ожидая. Словно Неаполь был на его стороне, заинтересован, чтобы он добрался максимально быстро. Светофоры всегда показывали зеленый, пешеходы не создавали преград. Марко легко добрался до виллы Монтенелли и, не увидев машину Санто, решил, что приехал раньше него. Зато автомобиль Лукреции стоял припаркованный.

Марко направился в дом. В доме родителей, неважно его или кого-то близких, всегда окутывало странное чувство. Время там как будто бы останавливалось. Словно внутри ничего не менялось с тех пор, как он бывал тут мальчишкой, подростком, студентом. Словно стены так бережно и хранили все семейные воспоминания об их взрослении. А, может, это дело рук самих родителей. Если дети все равно намеревались покинуть родной дом, то пусть сохранится хотя бы дух их присутствия.

Пройдя в гостиную, Марко увидел Лукрецию. Она стояла около стены, на которой висел групповой портрет всей семьи, нарисованный красками.

Лукреции на нем было лет пять. Детские пухлые щеки, темные кудрявые локоны, нарядное платье цвета свежей травы. Она сидела на коленях у отца, мило улыбаясь и смотря больше на него, чем вперед.

— Привет, — поравнявшись с ней, поздоровался Марко.

— Привет, — повернувшись к нему, ответила Лукреция и более озадаченно продолжила: — Мама так любила этот снимок. Смотрю и не могу вспомнить, на какой праздник отец подарил ей картину, нарисованную с него.

Голос Лукреции звучал так серьезно, что Марко и сам попытался вспомнить, когда этот портрет появился у них в доме. Но быстро понял, что даже если когда-то он это и знал, то уже давно забыл.

— Это важно? — поинтересовался он.

— Он рассказал мне о своих планах на подарок ей по секрету. Я боялась спать одна после того, как меня закрыли в сарае, а съемка была через несколько дней после этого. Он тогда сидел со мной каждый вечер, пока я не засну. У него была книжка с мифами, но он никогда не читал ее, просто листал, показывал картинки и рассказывал все своими словами. Потом мы вместе искали на иллюстрациях подтверждение его слов. И однажды он принес это фото и сказал, что заказал для мамы большой портрет красками, потому что оно ей очень понравилось. Ей особенно понравились мы.

Марко снова взглянул на картину. Пусть он не помнил снимок, о котором говорила Лукреция, художник явно проделал хорошую работу. Трепет в глазах Лукреции, любовь в глазах ее отца. Казалось, что для них обоих существовали в этот миг только они. Было передано даже то, как маленький кулачок сжимал ткань пиджака, словно боялся его отпустить.

— Ты его единственная младшая дочь. Он всегда тебя обожал, — напомнил Марко.

Лукреция продолжала смотреть на картину почти с тем же трепетом, какой был изображен у нее на полотне. Но вскоре ее лицо как будто бы утратило все краски, жизнь, делая из нее призрака самой себя.

— Он не говорил со мной с того дня, как уехала в Монтальчино в том году, — тише призналась Лукреция. — Не отвечал. Или мне сообщали, что он занят.

Договорив, она обернулась к Марко. Он заметил ее выжидающий взгляд, но не знал, что на это ответить.

— Он стыдится, — резюмировала Лукреция.

— Он остынет, — заверил Марко и мягче продолжил: — Я не могу этого обещать, но я знаю Бруно. И, как я говорил, он любит тебя. Это возьмет свое.

— Я не сомневаюсь в его любви, Марко, — возразила Лукреция. — И одно другому не мешает. Странно говорить с ним о проститутках после этой тишины.

— Проститутках?

Марко сам заметил, что его голос прозвучал слишком громко и удивленно. Даже немного иронично. Поворот оказался для него неожиданным. Лукреция кивнула. Ее выражение лица приобрело будничную деловитость. И это произошло так быстро, что Марко невольно усомнился, что действительно услышал вспышку откровения.

— А еще, — серьезнее продолжила Лукреция, — я так и не поблагодарила тебя, что ты все уладил в тот раз. Спасибо. Мне жаль, что это все еще остается проблемой.

Даже ее голос сменился на более деловой, прохладный, пусть в искренность благодарности Марко и поверил. Вероятнее всего, Лукреция уже настраивалась на предстоящую встречу, для которой лишние сантименты были лишними.

— Пожалуйста, — ответил Марко и, поняв, что сейчас хороший момент, чтобы до конца прояснить все, немного жестче продолжил: — Надеюсь, ты понимаешь, что нечто подобное не должно повториться. Ты, отношения с тобой — дороги мне, но второй раз я не спущу так просто. Пусть это и будет мне горько.

— Понимаю, — смиренно ответила Лукреция. — Если честно, то я не думала, что ты и тогд...

— Отец ждет, — вдруг перебил Санто, показавшись на пороге гостиной. — Пошли.

Марко оглянулся в его сторону, подавляя раздражение. Почему он не мог появиться на пару минут позже?

Лукреция, не мешкая, пошла за братом, а Марко направился за ней, перестраиваясь в более деловое русло.

Сев за переговорный стол в кабинете Бруно, Марко ощутил дежавю. Год назад они обсуждали за ним же судьбу и наказание Лукреции, а теперь внимательно слушали, как она говорила о цыганах, публичных домах, проститутках и способе перекрыть прибыль еще больше.

Когда Лукреция закончила говорить, Марко посмотрел на мужчин Монтенелли. Бруно перевел взгляд с дочери на сына, видимо, дожидаясь его мнения на услышанное. Санто с интересом смотрел на Лукрецию, видимо, это мнение составляя, чтобы еще раз показать отцу профпригодность.

— Думаю, что в этом есть смысл, — заговорил Санто. — И не потребует очень больших затрат. Здание у нас есть. Лукреция давно в общественной и благотворительной жизни Неаполя. Сможет все устроить.

Марко выдержал паузу, ожидая, заговорит ли Бруно, но тот продолжал молчать.

— С точки зрения механизмов влияния на прибыль — звучит разумно. Но люди вряд ли будут в восторге от подобного соседства. Особенно женщины с мужьями, сыновьями. Да и девицы не всегда готовы уйти из профессии. Лишние волнения сейчас не нужны. И так все спокойно, — с расстановкой заговорил Марко, смотря на Лукрецию.

Закончив, он снова поймал себя на азартном настроении и желании услышать ее ответ. И, судя по появившемуся задорному блеску в глазах Лукреции, она была к этому готова.

— Главное правильно представить. Сделать акцент на помощи женщинам. Место, куда

они могут уйти из дома, из разрушающих отношений. Где могут получить ночлег, помощь, консультацию. Что касается неготовности уйти из профессии, то Санто может забрать их в «Аврору». Тогда прибыль не только просто уйдет от цыган, но и пойдет нам.

— Звучит приемлемо, — заметил Марко, обернувшись к Санто и Бруно. Последнее слово оставалось за ними.

На миг в кабинете воцарилась тишина. Марко вернул взгляд на Лукрецию, наблюдая, как она переносила это ожидание. Стоя около стола, она выжидающе смотрела то на брата, то на отца.

— И ты готова этим заняться? — уточнил Санто.

Обманчивая простота вопроса. Лукреция делала шаг вперед по лестнице семейного дела, принимая большую ответственность, уходя из более безопасного положения. Понимала ли она это? Марко верил, что да. И начало казалось неплохим. Если их брак все-таки состоится, то в его случае жена должна быть готова продолжить дело мужа. Братьев, сестер и детей у него нет.

— Да, — уверенно ответила Лукреция.

— Тогда займись местом, а потом мы обсудим детали, — твердо произнес Санто. — Думаю, что на этом все.

Лукреция кивнула, мимолетно взглянула на отца и, ничего не дождавшись, покинула кабинет. Следом зашевелился и Санто. Марко понял, что и его ничего больше не держало. Он шел к машине, когда увидел Лукрецию вновь. Она стояла на подъездной дороге, смотря на виллу.

У Марко не было желания лезть в семейные отношения Монтенелли. Более того, он прекрасно понимал, что это то, в чем они должны разобраться сами. Но один взгляд на Лукрецию вернул его воспоминаниями в разговор в гостиной.

— Знаешь, — подходя ближе к ней, заговорил Марко, — перед тем, как отец передал мне власть, он тоже отмалчивался на подобных встречах. Просто наблюдал за мной, слушал, когда я говорил. Если он ничего не сказал, значит, согласен с решением Санто. И твоим.

Подул ветер, поднимая немногочисленные опавшие листья. Лукреция обернулась, наблюдая за их полетом, а потом посмотрела на Марко. Перед его глазами все еще стоял образ навеянный воспоминанием о беседе, и Лукреция вдруг показалась ему гораздо старше.словно с того дня прошел не один год, а намного больше времени.

Словно тот год, который она провела вдали от Неаполя, был для нее целой маленькой жизнью, которая что-то в ней поменяла, взрастила.

— Спасибо, — поблагодарила Лукреция и, подойдя ближе, почти вплотную, поцеловала его в щеку.

Поцелуй вышел легким, мимолетным, как листья, пролетевшие ранее, но Марко успел почувствовать мягкость и теплоту губ. Он обернулся к Лукреции, когда она была совсем близко, смотря то на ее чуть приоткрытый рот, то в зеленые глаза, смотрящие на него со смесью нерешительности и ожидания чего-то, и понимал, что хотел владеть ею безоговорочно. И, наплевав, что сейчас не самое подходящее для этого место, поцеловал понастоящему, тем самым заявив о своих намерениях.

Рука переместилась на талию, прижимая Лукрецию ближе, другая прильнула к затылку. Пальцы скользнули между волос, теребя горячую кожу. Не встречая сопротивления.

Лукреция сильнее ухватилась за пиджак, то ли пытаясь устоять на ногах, то ли прижимая ближе к себе. Как будто, будь это «ближе» сейчас возможно, он бы не сделал

это сам. Марко казалось, что он готов зарычать, как голодный зверь, дорвавшийся до добычи. Что готов взять здесь и сейчас, не сдерживая звериные инстинкты.

Рука на талии смяла ткань блузки, нащупала кружево белья, блуждая по спине, ощупывая, изучая.

Укусы губ. Смазанные поцелуи в подбородок, шею. Сладкий стон. Танец языками, от которого горело все тело. Прожигало каждую клеточку. От которого в голове возникали слишком яркие образы. Слишком соблазнительные. Слишком манящие. Складывающиеся в конечном итоге лишь в одну картинку: обнаженное тело, мягкая кожа, трение телами, становящимися все более горячими, влажными, возбужденными. Рваное дыхание. Недолгое раззадоривание, чтобы максимально возбудить. Чтобы почувствовать его внутри стало единственным желанием Лукреции.

Марко стоило невиданных усилий оторваться от губ Лукреции. Напомнить себе, где он находится. Отогнать собственные фантазии. Но получалось плохо. Его руки все еще прижимали ее к себе, а она не предпринимала попыток что-то изменить, восстанавливая дыхание, чуть туманно смотря на него и комкая рукой лацкан его пиджака. И внимательно наблюдая за реакцией Лукреции, решил спросить то, вопрос о чем витал вокруг них в воздухе с самого детства:

— Может, пришло время нам уже попробовать?

6.2. Лукреция. Настоящее

Лукрецию лихорадило второй день. Напряжение с отцом, большее вовлечение в семейное дело, поцелуй с Марко и его вопрос...

После тихой и размеренной жизни в Монтальчино ритм Неаполя казался необычайно бурным. В голове строились планы, тело пребывало в возбуждении после поцелуя, ласки, удивления. Лукреция смотрела на Санто, слушала его, но стоило отвлечься хотя бы на миг, то вспоминала, как руки Марко прижимали ее к себе, как его губы опаляли поцелуями, как в нее упирался возбужденный член.

Ее все больше окутывало непонятное ощущение. Странно всю жизнь знать человека, предполагать, что когда-нибудь вы можете быть вместе, но все равно не ожидать всерьез нечто подобное.

Но поцелуй был приятен.

Марко тоже.

Лукреция не жалела, что согласилась, но неприятное беспокойство внутри постоянно давало знать о себе. И учитывая, что все казалось правильным, природа страха оставалась загадкой.

Отгоняя тревожные мысли, Лукреция снова сосредоточилась на разговоре с Санто.

— ... решили, что лучше где-нибудь в седьмом. На территории Марко. Может, не Секондильяно. Он позже даст знать.

Лукреция кивнула. Чего-то такого она и ждала, но против не была. А упоминание Марко снова вернуло воспоминаниями в поцелуй. Не считая пары свиданий в Монтальчино, которые ни к чему не привели, после Витторио она близко не общалась с мужчинами. Да и после отношений с ним поцелуй на улице, на виду у всех, без прятков, казался чем-то необычным.

— Хорошо, — кивнула Лукреция и услышала детский лепет.

Вскоре послышался стук в дверь. Слабый, тихий. Санто даже теплее улыбнулся, и Лукреция расценила это как повод действовать. Поднявшись, она направилась к двери и раскрыла ее. На пороге стоял племянник, и к нему уже подбегала Элоиса.

— Габриэле! — строго произнесла Элоиса. — Извините.

Лукреция лишь махнула рукой, смотря на племянника. Двухлетний малыш улыбался уже, как опытный сердцеед, и тянул к ней руки, лепеча «Лу». В такие моменты, смотря на очаровательную улыбку Габриэле и озорной взгляд, Лукреция невольно задумывалась, в кого он такой из своих родителей.

— Проказник! — поднимая Габриэле на руки, нарочито строго поругала Лукреция. — Мама носит в животике сестренку, а ты заставляешь ее ловить тебя.

Габриэле потянул ее за прядь волос. Лукреция лишь рассмеялась на это и поцеловала племянника в щеку. Элоиса прошла в кабинет и села на диван, Санто сразу направился к ней.

— Лу, не хочешь побыть с племянником? — предложил Санто. — Мы все обсудили.

Лукреция усмехнулась на это предложение, звучащее больше утверждением, и кивнула. Смотря сейчас на брата с женой, Лукреция невольно подумала о жизни, которая ее ждет, которая может через пару лет стать вполне реальной, если с Марко получится построить отношения.

Она определенно хотела семью.

Хотела детей.

Хотела, чтобы дети ладили так же, как она с братьями.

Учитывая, как сложно было мечтать о подобном в отношениях с Витторио, стало даже не по себе от того, как просто это получить с другим мужчиной. От того, что она даже забыла, насколько это не сверхъестественные мечты.

Мысль настолько поразила Лукрецию, что казалось ее необходимо обдумать как следует. В спокойной обстановке, с правильным человеком. И претендент на подобный разговор был лишь один.

Добравшись с племянником до детской, Лукреция тут же позвонила Нико, чтобы предложить съездить в конюшню и вспомнить детство.

— Проведешь воскресную мессу, поедем туда. Я договорюсь на время сестры. А потом верну тебя в церковь, — воодушевленно говорила Лукреция, придерживая телефон плечом и рассматривая, что протянул Габриэле — игрушку, где в определенную ячейку пролезал предмет определенной формы.

— От такого предложения я не могу отказаться, — усмехнулся Нико. — Странно, но мне недавно снились лошади.

— Мы хорошо проводили там время в детстве, — протянула Лукреция, перебирая рукой формочки, которые Габриэле предстояло рассортировать. — Помн...

В телефоне запищало, оповещая о звонке. Лукреция глянула на экран и увидела имя. Марко.

— Я тебе перезвоню, ладно? — вернув телефон к уху, спросила Лукреция. Нико не возражал.

Приняв вызов, Лукреция вдруг даже шире улыбнулась, а потом задумалась: надо ли кому-то сообщить, что они с Марко решили попробовать? Или, может, стоит подождать, пока она убедится, что все достаточно серьезно? Почему простые вещи кажутся такими сложными?

— Привет, — протянула Лукреция и заигрывающе продолжила: — хочешь рассказать о своем решении, спросить, как прошла встреча с Санто или просто что-то предложить?

— Вариант, что я просто хотел услышать тебя, ты даже не рассматриваешь? — лукаво, с чуть ленивой интонацией спросил Марко.

Лукреция вдруг представила, как он сидит у себя в кабинете или за стойкой в каком-нибудь кафе. В такие моменты Марко всегда выглядел расслабленно, но ты продолжал наблюдать за ним, не теряя бдительности.

— Ты не звонишь просто так, — заметила Лукреция, невольно вспомнив встречи, когда работала в ратуше. Беседы всегда затягивались, время не замечалось, но повод для встреч и звонков всегда был неизменен.

— Тогда привыкай, что буду, — твердо произнёс Марко.

Интонация, словно тягучий воздух, окутала Лукрецию. Как будто бы свежело, а к ней приближалась гроза, от которой не хотелось прятаться. Летняя. Спокойная. Сбивающая зной.

— Увидимся сегодня? — спросила Лукреция. — Все нужное я заказала, осталось только сообщить адрес доставки. Санто сказал, что это спрашивать у тебя.

— И ты говоришь, что я звоню только по делу, — усмехнулся Марко.

— Я собираюсь готовить выставку «арте повера» в галерее, — чуть с вызовом протянула Лукреция, рассказывая, о чем еще они могут сейчас поговорить. — Могу рассказать про нее

при встрече. В Тоскане познакомилась со множеством художников, чьи работы показались интересными. Или рассказать, каким очаровательным растет Габриэле.

— Прекрасная альтернатива разговору о проститутках, — по-доброму усмехнулся Марко, затем серьезнее продолжил: — Но не сегодня. Нужно разобраться кое с чем. Не знаю, сколько времени займет. Завтра?

Лукреция почувствовала, как Габриэле пытался забрать у нее из руки фигурку, и разжала ладонь, улыбнувшись ему.

— Если только с утра. После мессы... — продолжила Лукреция, сосредоточившись на Габриэле, который закончил сортировать и, с грохотом перевернув игрушку, заново начал собирать формочки. В голову пришла неожиданная мысль: — Или можешь сходить со мной и на мессу в церковь Нико. Он умеет говорить. Мне даже не хватало его мессы в Монтальчино. К счастью, я могла говорить с ним по видеосвязи, — Лукреция заметила, что отвлеклась и вернулась к теме: — В обед мы с ним поедem в конюшню. Уже договорились.

В церкви будет Санто, Элоиса. Возможно, даже родители. Если она хочет что-то понять для себя, то, может, стоит для начала просто появиться в общественном месте? Где соберутся все, но где ничего не надо будет объяснять?

— Хорошо, — согласился Марко. — Я за тобой заеду и поедem в церковь.

— Договорились, — ответила Лукреция, представляя завтрашний день, и со смехом продолжила: — Прихожане будут в восторге, когда мы приедem вместе.

— До встречи, Лукреция, — мягче произнес Марко. Почти нежно.

— До встречи.

Проснувшись утром, Лукреция поняла, что предвкушала мессу в Сан-Страто-а-Позиллипо. С необъяснимым детским восторгом, она собиралась в церковь, прислушиваясь к телефону. Надев бело-бежевое платье-рубашку, Лукреция зачесала волосы назад и, придирчиво рассмотрев отражение в зеркале, расстегнула первую пуговицу. Выглядело все еще скромно и изысканно, но уже не по-монашески.

И, не дожидаясь звонка Марко, Лукреция взяла Библию и направилась на улицу. Утром воскресенья как всегда кипела жизнь. Большинство людей, наверное, как и она, спешили в церковь. Лукреция обратила внимание на молодую семью. Мужчина и женщина шли в обычной одежде: он в джинсах и льняной рубашке, она — в длинном сарафане. Между ними шла девочка, держа каждого из них за руку. Темные кучерявые волосы собраны в высокий хвост и повязаны бантом, платье казалось новым: ярко-голубое, с пышной юбкой. Наверняка, если бы она покружилась, то юбка бы красиво разлетелась.

Когда-то мама тоже наряжала ее в церковь, а она представляла, как будет делать то же самое, став старше. Все-таки время в доме Санто и возня с племянником пробудили в ней какую-то тягу к простой семейной жизни, мысли о которой она с таким упорством хоронила.

Видимо, во всем должен быть баланс. Если ты от чего-то бежишь, то придет день, когда тебя это нагонит.

Лукреция отвлеклась от девочки и заметила машину Марко. Сев в салон, она расправила юбку, поправила волосы и аккуратно положила на колени сумочку и Библию.

Марко смотрел на нее по-доброму иронично и даже усмехнулся, потянувшись ближе. Поцелуй в губы вышел мимолетным, но Лукреция все равно улынулась, почувствовав приятную теплую волну по телу.

— Ты сегодня выглядишь, как добропорядочная католичка, — усмехнулся Марко, выезжая на дорогу.

Лукреция хотела заявить, что она и есть добропорядочная католичка, но от этого звания она была слишком далеко.

— Надо же с чего-то начать, — протянула она, удобнее устроившись в кресле.

Марко бросил на нее одобрительный взгляд, а потом сосредоточился на дороге. Наверное, они оба подумали об одном, но не видели смысла копошиться в этом. Прошрое в прошлом, главное — настоящее, которое ведет к будущему. Как сейчас.

Блекло-желтый цвет церкви всегда напоминал Лукреции яичную скорлупу, но в целом ей нравился ее вид. Две небольшие башни с часами, красивый крест посередине, а ниже окна с витражом из разноцветных квадратов. Она не выглядела помпезно, но было в ней некое уютное домашнее очарование.

Это не та церковь, куда приходили туристы, не та, где играли пышные свадьбы. В основном тут все были местными и друг друга знали. Наверное, поэтому проходя с Марко вдоль скамеек, Лукреция кожей чувствовала на себе каждый взгляд.

— Санто уже здесь, — увидев брата на привычном месте впереди, сказала Лукреция и, подойдя ближе, продолжила: — Привет.

Санто обернулся и потянулся, видимо, чтобы поцеловать в щеку, но удивленно взглянул на Марко. Лукреция невольно усмехнулась и перевела взгляд на Элоису. Ей и брату быстро удалось вернуть самообладание, но заметить это все равно было забавно.

— Привет, — почти хором поздоровались Санто и Элоиса.

— Я пригласила Марко присоединиться. Надеюсь, вы не против? — продолжила Лукреция, по очереди целуя брата и золовку.

— Конечно, нет, — заверил Санто.

Лукреция села около Элоисы. Рядом с ней сел Марко, покончив со всеми поцелуями и приветствиями. Слова Санто не удивили. Да и не было поводов усомниться в искренности. Возможность ее отношений с Марко одобрена всеми главами семей и ее членами так давно, что это уже наверняка никто не обсуждал. Просто разрешено по умолчанию, если они все-таки соберутся двигаться в этом направлении.

Марко заговорил с Элоисой и Санто об их делах. Обсудив это все вчера, Лукреция оглядела зал. Люди постепенно собирались, рассаживались. В церкви стоял привычный шум голосов, разговоров, шагов. Лукреция вновь увидела девочку с бантом, усаживающуюся на скамейку, и вдруг за ее спиной разглядела Витторио.

Лукреции показалось, что это галлюцинация. Витторио никогда не ходил в эту церковь. И никогда не должен был, как и она в ту, в которую он ходил с женой. Но вот он сел позади девочки с бантом и продолжал смотреть на нее через весь зал.

Отвернувшись к алтарю, Лукреция попыталась избавиться от мысли, что он тут. Забыть. В попытке отвлечься, открыла Библию. Получилось даже вовремя, учитывая, что Никс вышел проводить мессу.

Его голос снова действовал успокаивающе. Нико читал псалмы, но Лукреция не могла сосредоточиться на смысле.

Когда по окончанию все засуетились, Лукреция захлопнула Библию слишком громко и поднялась.

— Подождешь? Я подойду к Нико на пару минут. Договорюсь, и поедем завтракать, — попросила Лукреция, осторожно осматривая людей. Вряд ли Витторио подойдет к ней, если

она будет с Марко или кем-то из братьев. Не увидев его на прежнем месте и поблизости, она и вовсе решила, что он пришел к тому же выводу и ушел.

— Да. Пока объяснюсь с Санто касательно намерений, — по-доброму усмехнулся Марко, глянув в сторону того, разговаривающего с незнакомым мужчиной, и нарочито важно добавил: — Порепетирую разговор с твоим отцом.

— Мы, конечно, немного застряли во времени, — со смехом заметила Лукреция. — Но не до такой степени.

— Какие-то приличия соблюсти не помешает, — полусерьезно ответил Марко. — Я буду на улице.

Лукреция кивнула, повернулась в поисках Нико. Быстро все решить с ним и спокойно провести день за приятными занятиями. Мысль даже принесла долгожданное спокойствие. Заметив, что Нико разговаривал с кем-то из прихожан, Лукреция села на одну из скамеек, дожидаясь, пока они закончат, и вдруг услышала из-за спины:

— Лукреция...

Узнав голос Витторио, Лукреция почувствовала, как напряглись лопатки. Может, стоит сделать вид, что она его не заметила?

— Ты слышишь, я знаю, — уверенно продолжил Витторио. — Нам нужно нормально поговорить. Пожалуйста.

Лукреция продолжала посматривать на брата. К нему подбежала девочка с бантом. За ней без спешки шли родители. Лукреция не слышала о чем они говорили, но, видимо, о чем-то детском, поскольку Нико тут же шире улыбнулся и снова еще больше напомнил персонажа «Дисней».

— Знаешь, — не оборачиваясь, заговорила Лукреция, — ты не давал знать о себе целый год, пока меня тут не было. Не спросил, как я после всего этого. Что происходит у меня в семье. И я не хочу возвращаться к этим тайным встречам и подобным разговорам...

— Значит, Марко? — ядовито усмехнулся Витторио. — Решила порадовать семью?

От вопроса стало не по себе. Лукреция продолжала тарашиться на Нико, девочку и ее родителей. Как все просто: прийти всей семьей на воскресную мессу. Как сегодня. Без сложностей. Без прятков.

— С тобой я на воскресную мессу к брату не приду, — заметила Лукреция. — И не приведу детей. У тебя будет будущее: выходы с женой, политическая карьера. А что будет у меня?

Витторио молчал. Лукреция продолжала наблюдать за братом. За спиной как будто бы разгорелось пламя, которое обжигало ее. Как будто бы все уничтожало. Неприятный голос внутри напоминал, что первое время им было хорошо. Что им нравилось общество друг друга. Что они вместе строили планы на преобразование Неаполя.

Словно в подтверждение мысли перед глазами возникли образы Витторио. Ясный взгляд, добрая улыбка. В голове как будто бы раздались пламенные речи, которые она когда-то слушала.

— Я не могу сейчас оставить Сандру, — тише ответил Витторио.

— Марко тебе и не позволит, — заметила Лукреция. — Ты наглядно показал, как крепко он тебя держит.

— Дело не в нем, — резко произнес Витторио, словно выплюнул слова. Лукреция вспомнила случай в музее и невольно задумалась: если Витторио пошел на такое унижение, то явно не осмелится сделать что-то, что не понравится Марко. Просто факт. — Сандра

беременна. Хотел, чтобы ты узнала от меня, а не из новостей.

Лукреция хмыкнула.

— Поздравляю, — ответила она и заметила, что девочка уже махала Нико. — И не думаю, что нам следует что-то обсуждать, — закончила Лукреция и поднялась.

— Но мне нужна ты...

Лукреция уже шла к Нико, когда до нее долетела реплика Витторио. И она произвела эффект лезвия, которое полоснуло ее вдоль всего тела. Зачем снова эти встречи? Эти слова, с которыми не знаешь, что делать?

Мысль крутилась в голове, пока она договаривалась с Нико. Пока шла к машине Марко. Сев в салон, Лукреция уставилась вперед и почувствовала на себе взволнованный взгляд Марко. И быстрый взгляд на свое отражение в зеркале заднего вида ясно дал понять, что выглядела она слишком встревоженно.

— Все в порядке? — коснувшись ее руки, спросил Марко.

Лукреция повернулась к нему. Он смотрел тяжело, напряженно, но при этом с заботой. Его пальцы осторожно поглаживали ее кожу, несильно сжимая ладонь. За считанные секунды в голове пронеслись все воспоминания с Марко, когда он поддерживал, говорил, улаживал последствия ее ошибок. И пусть у него был и свой интерес, Лукреция поняла, что так будет и дальше, пока он доверял ей, дорожил. Пока она совершала ошибки по наивности и юношеской страсти, а не целенаправленно водила его за нос.

— Витторио был в церкви, — призналась Лукреция и кратко пересказала разговор. — Между нами все, но... встречи, подобные разговоры порой ворошат прошлое. Нужно время, чтобы это затихло.

— Понимаю, — мягче, чем ожидала Лукреция, произнес Марко.

— Злишься? — уточнила она, наблюдая за чуть свирепым выражением лица Марко, которое не подходило его интонации.

— Не на тебя, — твердо произнес он. — Спасибо, что рассказала. Теперь выбросим это из головы и позавтракаем уже?

Голос стал более невозмутимым. Машина двинулась. Лукреция с энтузиазмом кивнула, желая уже уехать из церкви и действительно выкинуть это из головы, но понимала, что предложение больше относилось к ней. На миг она задумалась, что Марко собирается предпринять в отношении Витторио, но спрашивать не стала.

Один раз она уже рухнула, приблизившись к Солнцу. Будет глупостью снова поддаться этому влечению, зная, что будущего у этого не будет. И Марко заслуживал честности, раз уж она согласилась попробовать.

К удивлению Лукреции, завтрак прошел хорошо. Простые разговоры о делах, простая близость, о которой она не задумывалась. Поцелуи, прикосновения. Раньше Лукреция и не догадывалась, что Марко — настолько тактильный человек. Хотя, может, дело было в ней. И эта мысль доставляла удовольствие.

Катаясь сейчас верхом по территории конюшни, Лукреция вдруг подумала, что впервые за долгое время она идет в правильном направлении. День был приятен, в меру ветреный, лучи осеннего солнца ласково освещали деревянные постройки вокруг. Она провела рукой по гриве коня и взглянула на Нико, пытающегося усесться.

— Уже забыл каково это? — по-доброму усмехнулась Лукреция, слегка сжав ногами тело лошади. Та сразу двинулась вперед.

— Тело все помнит, Лу, — уверенно произнес Нико, беря поводья по-английски, и дал

команду двигаться. И как только они поравнялись и без спешки двинулись вперед, мягко спросил: — Что тебя тревожит теперь?

— Вот так сразу? — усмехнулась Лукреция. — Не ожидала такой прямолинейности.

Нико задорно улыбнулся, по-детски обрадовшись, что смог ее удивить. Лукреция не смогла сдержать улыбку.

— Марко, — пожав плечами, ответила Лукреция. — Мы решили попробовать. И... он мне нравится. Приятен во всех планах. Даже очень, — снова вспомнив о поцелуях, продолжила Лукреция, но, подумав, что для Нико эта информация будет лишней, спокойнее продолжила: — Что-то меня в этом пугает. Быть с ним. И это странно. В принципе мне не придется делать что-то, что я и так не делаю сейчас. Или чего делать не хочу.

— Тебе стоит обсудить это с ним, — мягко произнес Нико. — После боли прошлого нормально чего-то бояться. Нужно быть открытыми друг другу, тогда истина станет немного ближе. Это тяжело. Может, заставить почувствовать себя уязвимой. Но перед некоторыми людьми не стоит этого бояться. Думаю, что Марко один из них.

— Не помню, чтобы ты много общался с Марко, чтобы так уверенно заявлять из какой он породы людей, — заметила Лукреция, повернувшись к брату, но, увидев на его лице еле заметную хитрую улыбку, поняла: — Вы общались, пока меня не было?

— Немного, — ответил Нико.

— О чем? — с еще большим интересом спросила Лукреция.

— Не могу тебе сказать, — твердо произнес Нико и только Лукреция подумала о тайне исповеди, продолжил: — Рысью? Или сразу галопом наперегонки?

Лукреция усмехнулась. Нет смысла спрашивать дальше. Нико не выдает секреты, особенно если услышал их как падре.

— Догоняй! — Не дожидаясь ответа, крикнул Нико.

Лукреция уже наблюдала, как он приподнимался и опускался в седле в такт движения, скача вперед. Она отвела ногу, чтобы пустить лошадь легким галопом, но вдруг услышала громкий звук, похожий на выстрел.

Звук повторился. Лошадь замотала головой, громко заржала, начав метаться на месте.

— Тише, милая, тише, — крепче ухватив поводья, затараторила Лукреция, оглядываясь назад, прислушиваясь к звукам. — Что за черт...

Увиденное впереди, заставило ее замолчать. Конь Нико несся вперед, а сам он лежал на земле. Вдалеке показалась чья-то быстро отъезжающая машина. И все-таки пустилась галопом к брату, вспоминая все молитвы, услышанные за жизнь.

Марко ненавидел человеческую глупость. Ненавидел, когда кто-то пытался его провести. И сейчас гнев все сильнее нарастал, когда он все больше убеждался, что и Лукрецию замешивали в эти интриги. Но какова конечная цель? Зачем, избежав скандала, дальше так упорно себя подставлять?

Витторио явно хотел власти. Другой причины так унижаться в присутствии жены и любовницы Марко не видел. Да и вряд ли страсть к Лукреции так слепила его, что он был готов к подобным рискам. Марко казалось, что настоящая причина ускользала от него, как песок сквозь пальцы. Что он был близок к ее пониманию, но, затерявшись в песчинках, она пыталась остаться незамеченной.

— Мне нужно знать все, что делает, куда ходит, с кем говорит Сандра Бартоло, — отдал распоряжение Марко. — Усилить наблюдение, чтобы я знал все.

После церкви и пастичерии порт «Миано» казался спокойнее. Шумы природы, вроде чаек и воды, были для слуха в разы приятнее суеты людей и их разговоров. Порт давно стал одним из любимых мест Марко, где он порой встречался со своими капо с улиц. На первый взгляд он казался бесконечным, словно занимал все побережье. По факту был не больше пяти километров береговой линии. Словно аллюзия на людей, с которыми он порой имел дело. Особенно в политике.

Но главным достоинством было разделение на пассажирскую и грузовую зону. Машины, корабли прибывали, итальянские вина и дорогие автомобили грузили на судна, отправляя по всему миру, а Марко просто смотрел из доков, приводя в порядок мысли, когда ему не мешала суматоха туристического порта и суета людей. Во время сиесты это было особенно спокойно.

Обернувшись к капо, Марко внимательно всех осмотрел, думая, кого назначить ответственным. На Дарио были журналисты и частично цыгане, на Чиро и Аурелиано — наркотрафик. Из шестерых он рассматривал троих, самых способных, как ему казалось, главарей.

— Дай команду своим, Аурелиано, — в итоге выбрал Марко и жестче продолжил: — Остальные тоже будьте наготове. Выборы близко. Ситуация с цыганами накаляется. Скоро будет жарко. Поэт...

У кого-то зазвонил мобильный, перебив его. Парни переглянулись, Дарио полез в карман, извиняясь.

— Киро, — сообщил Дарио. — Наверное, что-то с Лучиано.

— Ответь, — разрешил Марко.

Дарио принял вызов, Марко сосредоточил взгляд на нем. Не прошло и полминуты, как Дарио напрягся. Он сжал челюсти, со смятением посмотрел на Марко и, кажется, сильнее сжал трубку. Не нужно было дожидаться слов, чтобы понять — новости будут плохие.

— Что? — жестко спросил Марко, как только Дарио убрал телефон от уха.

— На конюшне была какая-то потасовка. Выстрелы напугали лошадей. Нико Монтенелли упал с лошади. Кажется, что-то серьезное. Его с Лукрецией везут в больницу Паусилипон. Киро с парнями ищут ублюдков. Один из них ранен. Удрали, как только услышали, что лошади испугались, — доложил Дарио.

Все затихли. Кажется, даже порт. Марко смотрел на Дарио, который, видимо, был не

в восторге от роли гонца с плохими новостями, и с нажимом спросил:

— Лукреция?

— Она поехала с братом в больницу, — ответил Дарио, видимо, передавая, что услышал, и стараясь не делать собственных прогнозов.

Марко глубоко вздохнул, наводя в мыслях порядок.

— Поезжай к своим. Выясни, что там было, что было нужно. Что с ними делать, пусть решают Монтенелли. Приоритет — Сандра Бартоло и предвыборная кампания. Все приводят своих в боевую готовность. Меня держать в курсе всего. Свободны.

Марко добрался до больницы достаточно быстро. Телефон все еще молчал. Никакие новости не поступали. Идя по коридору к комнате ожидания, он наметил четкий план действий: узнать о состоянии Нико, найти Лукрецию, связаться с Санто, а потом со своими людьми.

Завидев нескольких парней в кожаных куртках и джинсах, слоняющихся по коридору, Марко понял, что Монтенелли где-то неподалёку. И оказался прав. На длинной скамье сидели Элоиса и Фелиса, мать Нико. Отсутствие Санто и Бруно было ожидаемым, но Лукреции — усилило беспокойство.

— Марко, — первая на него отреагировала Фелиса. Поднявшись со скамьи, она медленно направилась к нему и, приобняв, поцеловала в щеку. — Рада тебя видеть даже при таких печальных обстоятельствах.

— Взаимно, Фелиса. — ответил Марко и, подходя к Элоисе, спросил: — Как они? Что говорят врачи?

— Нико еще не приходил в себя. Вероятно у него черепно-мозговая травма, перелом ключицы, подозрения на травму позвоночника. Подробнее, пока не знаем, ждем результаты анализов. Но врач говорил, что наличие шлема обычно снижает тяжесть травмы головы. Лукреция в порядке. Она отошла, чтобы поговорить с Санто, все рассказать. — Голос Фелисы звучал словно в трансе. Словно она говорила не о своих детях, а пересказывала события нудного фильма.

Необходимость держать лицо, эмоции под контролем даже в самый страшный миг — навык, который воспитывали с детства. Нельзя показывать слабость врагу. Нельзя показывать страх перед своими людьми. Особенно если ты во главе семьи или его близкий родственник. Нужно сохранять чистый разум и быть готовым принимать решения, вступить в бой.

— Она пошла туда, — тверже произнесла Фелиса, указывая направление.

— Спасибо, — поблагодарил Марко и, высказав слова сожаления, направился в указанную сторону.

Идя по коридору, он стал искать место, где можно было бы спокойно поговорить, и дошел до больничной часовни. Тихо заглянув внутрь, Марко сразу увидел Лукрецию, сидящую на скамье возле Девы Марии.

Кроме Лукреции, в часовне никого не было. Марко вошел и направился к ней. Поравнявшись, понял, что она не обратила внимания на шаги, и аккуратно коснулся ее плеча. Лукреция повернула голову и улыбнулась уголками губ. Она все еще была в легинсах, свитере, жилетке и сапогах для верховой езды. И сидела с тем же выражением лица, которое было у ее матери.

— Ты в порядке? — сядь рядом, спросил Марко.

— Да, — повернувшись к нему, ответила Лукреция. — Когда раздались выстрелы, я еще

стояла, поэтому лошадь лишь засустилась на месте, а Нико уже мчал галопом...

Взгляд Лукреции сменился. Она смотрела лишь на Марко с нетерпеливым ожиданием. Он понимал, что она хотела сейчас от него услышать и от осознания этого гнев из-за ситуации разгорелся с новой силой:

— Я понимаю: ты хочешь услышать, что с Нико все будет в порядке, но я не хочу обещать, заверять тебя в том, над чем не имею власти, — с горечью ответил Марко, наблюдая, как взгляд Лукреции тускнел на его глазах. — Могу лишь гарантировать, что в любом случае буду рядом. И что виновные будут наказаны.

Лукреция несколько секунд сидела неподвижно, а потом придвинулась ближе и положила голову ему на плечо. Марко приобнял ее, уткнувшись подбородком ей в затылок. Вскоре он понял, что ее била мелкая дрожь, и прижал к себе чуть сильнее.

Деньги. Политические игры. Власть и борьба за нее. Даже удивительно, каким все бессмысленным кажется в подобные моменты.

— У меня из головы не выходят слова одной женщины, — вдруг заговорила Лукреция. Голос стал тише, ее дыхание ощущалось где-то на уровне шее даже через ворот водолазки, а рука потянулась к его рукаву пиджака. — Я тогда училась в университете и услышала ее разговор с кем-то. Кто-то погиб. Молодой, хороший. Другая женщина так быстро говорила о нем. Перечисляла все, где он преуспел, кому помог. А та ответила, что в этом нет ничего удивительного. Господь порой забирает добрых и светлых людей рано, когда впереди что-то страшное и злое, чтобы их это не затронуло. Их душу. И как я поняла, в семье того человека действительно началась черная полоса.

Марко слушал, наблюдал, как Лукреция теребила пуговицу у него на рукаве, и, дослушав ее, удержал усмешку при себе.

— После смерти близких жизнь часто переворачивается. Дело в людях, не в Божьем промысле. Не все могут пережить утрату. Вовремя взять себя в руки, — мягче заговорил Марко, коснувшись руки Лукреции, которой она игралась с пуговицей.

Лукреция не сопротивлялась, отстала от пуговицы и шумно втянула воздух носом.

— Витторио, эта кампания, цыгане, грызня за территорию, перестрелки... Ему всегда это было не по душе, поэтому он ушел от этого в церковь. И... меня пугает мысль, что это действительно попытка уберечь его от всей этой грязи, в которой мы находимся. К которой идем.

Лукреция выпрямилась, Марко чуть отстранился, чтобы видеть ее. Лицо приобрело более человеческий вид, больше не походило на маску. Невольно Марко порадовался, что смог выстроить отношения, в которых Лукреция ему доверяла, открылась и показывала уязвимую сторону. Пусть и обстоятельства были печальными.

Он снова вернулся к тупику с обещаниями, которые не мог дать. Не хотел переубеждать Лукрецию, видя, что эта мысль придавала смысл происходящему, если с Нико произойдет самое страшное. Это был тот редкий момент, когда Марко не мог подобрать слов. И когда зазвонил телефон, то он даже расслабился, поняв, что можно перевести тему.

— Извини, я отвечу, — доставая смартфон из джинсов, произнес он. — Слушаю, Дарио.

Услышав обращение, Лукреция явно оживилась и внимательнее стала наблюдать за Марко.

— Парни Монтенелли взяли ублюдков. Те понимали, что могут возникнуть проблемы и были с пушками. Начали стрельбу. Признались, что журналистам назначили неплохую награду за любую грязь с доказательствами, которые помогут очернить Бартоло. Но самое

интересное: взяли не просто журналюг, а шестерок какого-то детектива. Мы еще выясняем, но клиент — женщина. Красотка. Рыжая. Богатая. В общем, по описанию подходит под Сандру.

Услышав Дарио, Марко даже хмыкнул, переваривая все услышанное. Телефон запищал. Звонил Санто. Неудивительно раз дело коснулось Бартоло.

— Разберись с журналистами показательно. Чтобы больше к нам не лезли, — жестко произнес Марко. — Скоро буду. — Завершил вызов и принял звонок Санто. — Знаю. Где вы?

— Доки «Мерджеллина», — ответил Санто. — Ждем тебя.

Голос прозвучал воинственно. Пусть Марко ожидал, что скоро станет жарко, не ожидал, что началом этого послужит воскресный день. Он завершил вызов, сунул смартфон в карман и взглянул на Лукрецию, продолжающую прожигать его взглядом.

— Виновные будут наказаны даже раньше, чем я думал, — усмехнулся Марко, потянувшись к лицу Лукреции и серьезнее продолжил, поглаживая ее по щеке: — Мне надо ехать. Но звони, если захочешь поговорить.

Лукреция кивнула, накрыла его ладонь на ее лице своей. Марко хотел уйти, но что-то во взгляде Лукреции приковало его на месте, не отпускало.

— Что? — спросил Марко, чувствуя, что и за руку она держала его сильнее.

— Не убивайте их, — попросила Лукреция. — Подождите, пока станет ясно, что с Нико. Пусть тоже ждут. И пусть получают то, что заслужили.

Она просила мягко, как озвучила просьбу, но холодно. Марко невольно хмыкнул, отмечая включение столь рационального размышления после размышлений о Божьем промысле.

— Я передам, — пообещал он.

Кризисные моменты всегда показывали многое. Помогали лучше разобраться в людях, сделать выводы. Сейчас Марко видел, убеждался в собственной правоте, что Лукреция Монтенелли определенно была готова к той роли, которую он отвел ей в своей жизни. Оставалось лишь сделать так, чтобы и она хотела ее принять.

Марко ехал в доки с неуместно приподнятым настроением. И пожирающем его пылом. Всеми своими инстинктами он чувствовал, что совсем скоро получит все, что хотел. Осталось пройти лишь последние трудности. И пусть они обещали быть жаркими и кровавыми, это лишь подстегивало быть начеку.

Запах Тирренского моря уже проник в салон автомобиля. Марко сделал глубокий вдох, подъезжая к месту встречи и посмотрел на свое отражение в зеркале заднего вида. Ни к чему Монтенелли видеть, какой пожар все сильнее расходится по нему в преддверии предстоящей борьбы.

Марко припарковался, снял пиджак и кинул его на сиденье, решив, что без него будет удобнее. Как только он вошел в доки, то сразу услышал звуки ударов, лязганье цепей, мужские голоса.

Санто и Бруно сидели за столом, совершенно не обращая внимания на происходящее позади них. Трое парней были подвешены за руки так, что их ноги еле касались пола. Все уже сильно избиты, судя по разбитым лицам и запачканной кровью одежде, но все еще живы.

— Ты быстро добрался, — удивленно заметил Санто.

— Был недалеко. В больнице, — ответил Марко, подходя к свободному стулу и опережая слежующий вопрос, продолжил: — Все еще ждут результатов. А у вас что?

— Твой по центру, — кивнув головой в сторону парней, ответил Санто. — Выясняй что надо и покончим с этим.

Марко заметил усталость в его голосе и отлично понял его природу. Подобные исполнители всегда знают слишком мало. Самую верхушку. Но порой, чтобы докопаться до нее, нужно приложить слишком много усилий.

— Лукреция просила их оставить, — по очереди смотря сначала на Санто, а потом на Бруно сказал Марко, внимательно следя за их реакцией. — Подождать новости из больницы. Чтобы почувствовали ожидание. Пусть наказание соответствует преступлению.

Санто еле заметно усмехнулся. И Марко понял, что не услышанному, а каким-то своим мыслям. Обернувшись, он еще раз посмотрел на пленников, а затем кивнул, когда они встретились взглядами.

— Хорошо, — согласился Санто. — Она была там — пусть решает.

Марко перевел взгляд на Бруно. Но не успел даже попробовать прочитать его, как тот встал из-за стола.

— Оставляю тебя, Санто, — заговорил он. — Вы вдвоем сможете все решить. А я поеду в больницу.

Голос Бруно с годами стал звучать тише, но из-за этого не казался слабее. Напротив, приходилось напрягаться самому, чтобы не пришлось его о чем-то переспрашивать. И так просел он за последний год. Бруно сам как будто бы стал тише.

Марко не размышлял об этом ранее, но после разговоров с Лукрецией к нему вдруг пришла мысль, что ссылка единственной младшей дочери далась ему тяжело. Перед глазами вдруг возник семейный портрет в гостиной, в голове — слова Лукреции о детстве.

— Конечно, отец, — ответил Санто.

Марко заверил в том же, попрощался. Решение Бруно было обоснованным. Марко сам

давно заметил, что, принимая решения, Санто перестал смотреть на отца, что его голос звучал без оттенка вопросительной интонации. С каждым днем, совещанием, решением он становился увереннее в себе. Дела постепенно переходили к нему. Сейчас то же настроение он прослеживал и в Лукреции. И, видимо, не только он.

Как только шаги затихли, внимательно посмотрел на Санто, пытаюсь понять, думали ли они об одном и том же.

— Кажется, у меня только что сняли вспомогательные колеса, — усмехнулся Санто.

— Похоже на то, — подтвердил Марко, поднимаясь из-за стола и отгоня мысли о Бруно и причинах его решения сейчас, тверже продолжил: — А теперь займемся делом.

Он направился к пленникам. Парни расступились, а он встал напротив того, о ком говорил Санто. Кажется, человек перед ним ощутил, что опасность стала серьезнее. Приподняв голову, он осторожно посмотрел на Марко.

После побоев было сложно дать точную оценку, но, кажется, парень перед ним был лет двадцати пяти. Как и те, что были рядом.

— Женщина, — объявил Марко, по очереди посмотрев на каждого пленника, — кто расскажет о ней больше, тот облегчит себе жизнь. Ее остатки.

Марко ждал. Помещение погрузилось в нехорошую тишину, финал которой предугадывали уже все. Все притихли. Все как будто замерли в ожидании. Лишь звон цепей напоминал, что какое-то движение внутри сохранялось.

— Ладно, — спокойно отозвался Марко, отходя в сторону, чтобы пропустить своих парней: — Продолжайте. И переходите на следующий этап. Центральный должен жить. Ему лучше молиться за здоровье Нико Монтенелли.

Не требовалось объяснений, что при еще более трагичном исходе дела с ним будут разбираться иначе. Эта тревожная мысль проникла в воздух, словно ядовитый токсин, отравляя большим страхом. Один из парней достал гарроту и подошел к пленникам сзади, играясь с ней так, что отчетливо слышался скрип кожаной веревки.

— Это был несчастный случай, — пробормотал «центральный». Парень с гарротой уже растянул ее перед собой, но Марко поднял руку и дал знак остановиться. — Нам дела не было до падре.

— Тогда какого черта вы были там? — жестче спросил Марко.

— Мы следили за политиком, — продолжил «центральный», пытаюсь повернуться и осмотреться позади. Цепь неприятно звенела, словно пыталась сбить его с мыслей, которые начали активнее выстраиваться в ряд. — Он был там. Мы думали, что у него там свидание.

Марко услышал приближающиеся к нему шаги и вскоре увидел, что Санто с ним поравнялся, видимо, заинтересовавшись темой.

— Упрямый ублюдок, — выругался Марко и обернулся к Санто, чтобы прояснить ситуацию: — Он был и в церкви. Пытался поговорить с Лукрецией. Видимо, узнал с ее планах. Эти ублюдки поехали, чтобы сделать снимки, решив, что что-то достанут. Заказчик — Сандра. Только ей зачем компромат на мужа? — Обернулся к пленникам. — Кто ответит?

Марко по очереди смотрел на пленников, продолжая думать о Сандре. Хорошая уважаемая семья, изучение политологии в университете, честолюбие, желание власти. И зачем такой женщине быть примерной женой в тени мужа, находящегося на поводке у клана, если можно занять его место без обязательств перед семьей? Рейтинги Бартоло высоки, кампания строилась успешно.

Скандал с изменой.

Обманутая жена, которая была с ним все это время, которая помогала кампании, которая сама разбиралась в политике.

Неужели Сандра могла попробовать провернуть такое?

Подумав об этом Марко даже усмехнулся. С самого начала он понимал, что эта женщина способна на многое.

— Мне кажется, я уже и сам понял, в чем дело, — смотря на Санто, произнес Марко, продолжая варить мысль в своей голове. — У тебя остались люди в партиях?

— Да, — кивнул Санто, внимательнее смотря на Марко. — Ты думаешь, что она хочет протолкнуть другого кандидата?

— Эта сука хочет протолкнуть себя, — усмехнулся Марко. — Если она выдвинет свою кандидатуру как независимая партия, то вряд ли получит голоса для поста мэра, но может получить достаточно, чтобы обеспечить себе место в Совете. Ей нужно три процента голосов. И я думаю, что беременная обманутая женщина сможет их набрать.

Марко буквально почувствовал, как шестеренки в его голове закрутились. Все встало на свои места. Почти все стало ясно.

— Кампания — это дела не на неделю, — возразил Санто.

— У нее есть кампания Бартоло. Очернить его с помощью Лукреции, предложить то же, кто-то из людей перейдет. Денег у нее достаточно. Свою роль она сыграет, я уверен. Но это все равно надо проверить. Сможешь осторожно через своих?

— Да, — кивнул Санто. — Я займусь этим.

— А я всем остальным, — подытожил Марко и, обернувшись к своим людям, продолжил: — От этих двоих избавиться. А этот, — указал на центрального, — пусть ждет решения Лукреции. — Посмотрел на Санто. — Ты согласен?

— Да, — без раздумий ответил Санто.

Не успели они сделать шаг, как услышали чью-то безуспешную попытку сделать вдох. Но Марко уже не обращал внимания. Внутри него все пылало. Настоящая война началась.

8.2. Лукреция. Настоящее

Лукреции хотелось кричать. Сильно. Долго. До срыва голосовых связок. Эмоции, которые она долгое время сдерживала в себе, стали высвобождаться. Выливаться через край, не поддаваясь контролю. Несчастный случай с Нико переполнил чашу.

Поддавшись уговорам матери, Лукреция ехала домой. Ей действительно надо принять душ. Снять с себя уже одежду для верховой езды. Смыть этот день. В этом есть смысл. Кажется, на это даже были силы. Но сдерживать крик с каждой секундой казалось все сложнее.

Казалось, что на нее обрушились все неприятные воспоминания сразу. Лавиной. Перед глазами как будто бы появились кадры того, как она в одиночестве ужинала в Монтальчино. Как пыталась поговорить с отцом. Как проводила время в обществе малознакомых людей. Как ждала, пока Витторио даст о себе знать.

Но время шло. Интересные люди находились, но заменить ими семью было нельзя. Витторио так и не давал о себе знать, а она с каждым днем чувствовала себя все более униженной и жалкой и пыталась захоронить эти чувства. Притупить. Желательно вообще перестать чувствовать все: и обиду, и презрение к себе, и тоску по дому. Только общение с Нико помогало держаться.

И вот сейчас, когда она только начала налаживать жизнь, возвращаться к ней, случилось нечто подобное. Приспичило же ей покататься верхом! Поговорить о своих отношениях!

Лукреция смотрела на вечерний Неаполь, городской пейзаж, быстро сменяющийся в окне машины, и вдруг поняла, что напугана, как никогда. Что сердце разрывалось от боли на мелкие ошметки. Что горло будто кто-то сжимал гарротой.

Лукреция опустила стекло и вдохнула прохладный воздух. Помогало мало. Но лучше мало, чем никак.

Оказавшись около дома, Лукреция думала только об одном — скорее оказаться в своей квартире, скинуть одежду и встать под прохладную воду. И она почти заскулила от раздражения, когда ее окликнул консьерж.

— К вам приезжал курьер, синьорина, — вежливо обратился он, протягивая большой букет синих гортензий.

Принимая охапку цветов, Лукреция почувствовала словно на нее напал еще один призрак прошлого. Въехав в эту квартиру после университета, она наняла экономку Пину. Помимо порядка та следила, чтобы в квартире всегда были свежие гортензии. Почему-то именно тогда они радовали ее.

— Спасибо, Орсо, — поблагодарила Лукреция. — Он что-то передал?

— Там карточка, — отозвался Орсо.

Лукреция не могла разглядеть карточку, но решила разобраться с этим дома. Оказавшись у себя, она сразу направилась в спальню. От цветов пахло приятно, но держать их в руках все равно не хотелось. Казалось, что даже такая мелочь отсылает ее снова туда, к той, которой она больше не хотела быть.

Увидев карточку, Лукреция медленно ее достала. Словно погружала руку не в лепестки, а в муравейник. Небольшая прямоугольная открытка, скромный дизайн. Лукреция откинула букет на кровать и распахнула открытку.

Мне очень жаль, что я не могу сейчас быть рядом с тобой. Надеюсь, что с Нико все

будет в порядке. Молюсь за его здоровье. Скучай по тебе.

Лукреция прочитала текст несколько раз и вдруг засмеялась. Описание всего ее романа в одной открытке, словно гадкое напоминание и насмешка.

Лукреция бросила открытку в дальний угол спальни. Стянула с себя сапоги и одежду. Оставшись лишь в белье, она расстелила на полу холст, потянулась за красками и осмотрела спальню. Взгляд снова упал на цветы, и в венах будто вспыхнуло пламя.

Резким движением Лукреция скинула их на пол и начала топтать ногами, пожалев, что уже сняла сапоги для верховой езды. Лепестки под ногами превращались во влажное месиво, в нос ударила цветочная вонь. Лукреция уселась на холст и, выдавив из тюбика краску на ладонь, окунула в нее пальцы. Подушечки окрасились в голубой цвет, Лукреция провела ими линии прямо по растоптанным цветам. Сначала медленно, словно опробовала. Потом резче, словно хищник, раздирающий добычу.

Плана что-то рисовать не было.

Как и вдохновения.

В голове так и крутились слова врача, что состояние Нико тяжелое, но его удалось стабилизировать. Что в ближайшие дни, после более тщательных анализов, он сможет дать более точные ответы.

Лукреция водила пальцами по холсту, пока не истратила всю краску, и, кажется, вместе с ней закончились и силы.

В углу под креслом виднелась открытка.

Мне очень жаль, что я не могу сейчас быть рядом с тобой...

Текст возник перед глазами, вызвал усмешку. Витторио всегда был рядом лишь тогда, когда мог сам, а она закрывала на это глаза, соглашаясь на правила игры. Нащупав стебель, Лукреция подняла цветок, по которому не прошла, и швырнула его к открытке.

Воспоминания об одиночестве в Монтальчино снова дали о себе знать. И Лукреция вдруг поняла, что не просто не хочет быть сейчас одна, ее пугала эта перспектива. Пугали собственные мысли.

Подобные одинокие ночи всегда рождали слишком много горьких мыслей, от которых не получалось спрятаться. От которых, наверное, и не существовало укрытие. Лукреция потянулась к телефону и ненадолго зависла.

Позвонить Марко — довольно логичная мысль, учитывая все происходящее между ними.

Лукреция нашла его контакт, ткнула пальцем на «позвонить» и вновь уставилась на растоптанные цветы. Вновь ругала себя, что специально заставила себя забыть, как просто все на самом деле в нормальных отношениях.

Привыкнет ли она уже когда-нибудь к этому?

Не пожалеет ли об этом?

— Лукреция, — сразу обратился Марко, — собирался написать тебе немного позже.

Его голос прозвучал мягче обычного, но Лукреция почувствовала большую неуверенность. Где грань между тем, чтобы быть жалкой, и проявлением допустимой доли слабости?

— Не хочу сейчас быть одна, — тише обычного заговорила Лукреция, удивляясь, как просел ее голос.

Слабость в их семьях презиралась. Считалась недопустимой. Но где черпать силу тоже никто не объяснил. Она держала все в себе во время отношений с Витторио, достойно

покинула Неаполь и плакала лишь глубокой ночью, уткнувшись в подушку, в Монтальчино. Она не устраивала сцен на конюшне и в больнице.

И, осматривая хаос после себя в спальне, просто признала, что дальше так быть не может. Если долго наполняешь сосуд, не сливая из него воду, то рано или поздно она начнет из него вытекать. Нельзя надеяться, что вода просто испарится.

Марко шумно выдохнул. Напряженно. Молчал. Лукреция сильнее сжала телефон, ощущая давление в груди.

Тесный сарай. Темнота. Страх.

На нее снова напали детские воспоминания, как будто бы стягивая тугими веревками.

— Мне надо закончить кое-что, — заговорил Марко. — И я приеду.

Лукреция улыбнулась уголками губ и немного расслабилась. Это просто одна ночь, в которую она даст выход чувствам, чтобы завтра снова быть сильной, рассудительной. Той, кем должна.

— Я прилягу. Напишу Орсо, чтобы открыл тебе, — увереннее продолжила Лукреция.

— Хорошо.

Душ. Бокал вина. Расслабляющая музыка. Пара ароматических свечей.

Переодевшись в льняную рубашку и шорты, Лукреция лежала в кровати. После теплого душа стало немного лучше, но сил все равно не было. Даже потянуться за бокалом на прикроватной тумбочке казалось непосильной задачей. О том, чтобы немного прибраться за собой, не было даже речи.

Лукреция потеряла счет времени и, услышав шаги в спальне, даже не поняла, сколько прождала Марко.

Слух сосредоточился лишь на этом. Лукреция внимательно вслушивалась и вдруг поняла, что Марко остановился. Запоздало она вспомнила, что на полу так и был расстелен холст и разбросаны цветы.

— У меня немного бардак, — заговорила Лукреция. — Не обращай внимания.

Холст, краски, растоптанные цветы. Интересно, что Марко обо всем этом подумал? Лукреция приподнялась, села на кровать. Вскоре Марко присел рядом. Даже в темноте комнаты она чувствовала его взгляд, блуждающий по телу, словно пробирающийся через тонкую ткань рубашки.

Опустив голову, чтобы еще раз взглянуть на себя, Лукреция поняла, что неправильно застегнула рубашку. Что на груди между пуговицами был большой вырез, через который проглядывала ложбинка.

— Спасибо, что приехал, — поблагодарила Лукреция, заметив, что взгляд Марко сконцентрирован на ее груди.

Вскоре он перевел взгляд на лицо. На миг Лукреции показалось, что его глаза светились в темноте, разбавленной огнем свечей. Ей тут же вспомнились былые ассоциации с хозяином подземного царства, для которого бы подобное, наверное, было нормой.

— Вижу, что цветы тебе дарить не стоит, — усмехнулся Марко, смахивая лепестки с кровати.

— Стоит, — уверенно произнесла Лукреция. — Просто не гортензии.

Она потянулась за бокалом вина и, делая глоток, внимательнее осмотрела Марко. На нем была та же одежда, в которой он был в больнице. Пахло чем-то металлическим. В глазах как будто бы горел огонь.

Алкоголь. Расслабляющая музыка. Пара свечей. Она полуголая в постели. Егс

пылающий взгляд, словно ошупывающий ее тело.

До Лукреции дошло, что Марко мог неправильно расценить обстановку, которую она непредумышленно создала. Или, может, воспользоваться этим? Вдруг хотя бы физическая близость немного ее отвлечет?

Лукреция одним глотком допила вино, поставила бокал и на коленях подползла к Марко. Ей вспомнились католические картинки, которые она рассматривала с девочками в юности, где прекрасный дьявол приходит к невинной девушке в ночи, чтобы скрепить сделку и забрать душу.

Лукрецию так поразила эта мысль, что на миг она застыла. Рука потянулась к груди Марко, пальцы провели по рельефу тела, скрытому водолажкой. Вдруг Марко показался ей фантомом. И, наверное, не будь она уверена в отсутствии невинности, как физической, так и душевной, то поверила бы, что дьявол действительно узнал о случившемся, почувал миг отчаяния и пришел забрать ее душу в обмен на здоровье и жизнь Нико.

Марко не шевелился. Просто наблюдал. В нем все выглядело расслабленно, кроме взгляда, который он не спускал с Лукреции. От которого ей становилось ощутимо жарко.

Может, подземному богу нужны не только невинные девицы, но и грешницы? Со вторыми должно быть интереснее...

Лукреция положила ладони на щеки Марко и, приблизившись, коснулась его губ своими. Сперва едва ощутимо, словно хотела убедиться, что он реален. Потом поцеловала, захватывая сперва верхнюю, потом нижнюю губу Марко своими.

Он ответил. Его горячие ладони легли на ее талию под рубашкой. Лукреция углубила поцелуй, соприкоснулась языком с Марко и вдруг резко отстранилась. Что она делает?

— Не так у нас это должно произойти впервые, — Марко сказал уверенно, словно прочитал ее мысли.

Лукреция чувствовала, что внутри нее что-то происходило. Кровь как-будто бы бурлила, не давая ей покоя.

— Да, — кивнула Лукреция. — Извини. Просто... Я соберусь. Но сегодня я...

Разбитая. Сломанная. Жалкая.

В голову Лукреции пришло много слов, но не хотелось говорить Марко плохо о себе. Все плохое он и так знал.

— Почему ты так мил со мной после всей этой грязи? — увереннее спросила Лукреция, опустив руки на плечи Марко. Расслабленный. Спокойный. По-своему холодный. Только взгляд выдавал отголоски пламени, которое порой разгоралось в нем. Полная противоположность тому, какой сейчас была она.

— Потому что ты мне нравишься, — спокойно произнес Марко. — Понравилась еще на свадьбе Санто, но тогда я не мог получить от тебя, что хотел. Я имел тебя в виду, но жил дальше. Потом ты вернулась. Ратуша. Разговоры. Эти прогулки и ужины. Мы говорили о работе, потом о чем-то еще. Я любил это время. Но мне было не до отношений. Власть. Смена кадров. А потом я узнал и про него. Было неприятно, но... — Марко пожал плечами. — Я не давал тебе повода думать, что между нами что-то большее, хотя твой выбор меня неприятно удивил.

Лукреция слушала, словно замороженная. Голос Марко как будто обволакивал. Его тень в пламени свечи выглядела устрашающе. Станный контраст. Но в этом весь Марко. Мужчина перед ней казнил по мере необходимости без колебаний, при этом находил время на ее просьбы и проблемы разного масштаба.

— Потом я понял, что каждому нужен неудачный опыт, чтобы больше ценить нечто лучшее. Ты достаточно получила. Ты хочешь все исправить. Ты теперь знаешь последствия подобного на себе. Мне этого достаточно. Отношения строятся постепенно. Обычно они начинаются более легко и радостно, но, видимо, мы пошли по другому пути.

Марко поднял руку и осторожно убрал волосы с лица Лукреции, бережно зачесывая их за уши.

— Поспи. Сегодня был тяжелый день. Я никуда не уйду. А завтра мы поговорим.

Лукреция почувствовала, как Марко мягко завалил ее на спину. Как сверху на нее легло одеяло. Поверх — его рука. Лукреция не сопротивлялась, послушно подчиняясь его манипуляциям. Сил не осталось. В голове крутились слова Марко, но дать им собственную оценку тоже не было сил.

Единственное, что она четко понимала — ей хотелось быть именно с ним. Чувствовать ту спокойную уверенность в завтрашнем дне, которую почувствовала, услышав, что он сказал.

Лукреция легла к Марко под бочок, прижалась всем телом и закрыла глаза, почувствовав, как он гладил ее по волосам.

— Я с ума сойду сидеть здесь, — тише заговорила Лукреция. — Когда я смогу заняться тем местом для проституток?

— К тому моменту, как ты проснешься, я все решу и дам тебе адрес, — пообещал Марко. — А теперь поспи.

Лукреция почувствовала, как он поцеловал ее макушку, и кивнула.

— Спасибо, — поблагодарила она и, приподняв голову, продолжила: — Ты мне тоже очень дорог. Надо было прийти к этому раньше.

— Думаю, все произошло тогда, когда и должно, — заметил Марко.

Лукреция не стала возражать. Если оглянуться назад, может, в этом действительно был смысл.

Не изменяя себе, Марко не спал. Он лежал, гладил Лукрецию по волосам и вскоре услышал тихое сопение. Взглянув на нее и удостоверившись, что она действительно спит, он осторожно передвинул ее. Тело немного затекло, и, почувствовав свободу, Марко с удовольствием потянулся. После чего встал.

Лукреция завозилась, перевернулась на место, где он лежал ранее, но не проснулась. Марко посмотрел на часы. Пятый час утра.

Он ощущал себя странно. Устало. Даже немного истощенно. Словно эта ночь с разговорами и поддержкой забрала большую часть его моральных сил. Словно он поделился ими сам, чтобы Лукреция смогла почувствовать себя лучше и заснуть.

Марко дошел до кухни, желая сварить себе кофе прежде, чем займется делами, но, как только потянулся за гейзеркой, ощутил себя так, словно водолазка душила его.

После целого дня в городе, в доках, в машине, одежда казалась пыльной. Лежание в кровати лишь усугубило положение, заставляя ощущать себя в придачу и помятым. Марко стащил водолазку, оставшись в майке, и все-таки вернулся к приготовлению кофе, надеясь, что крепкий эспрессо его немного взбодрит.

Через окно пробивались розовые лучи рассвета. Марко пил кофе, смотря за восходом солнца, и ждал прекращения гудков.

Первое, что он услышал — крик и эхо от него. Следом — приказной тон Дарио, которым он велит заткнуть кого-то.

— Слушаю, Марко, — спокойнее произнес он и, судя по тишине, то ли отошел, то ли его приказ тут же выполнили.

— Что у вас?

— Успеваем к утренним новостям, — в том же тоне продолжил Дарио. — Жди выпуск про наших журналюг.

— Хорошо, — отозвался Марко и сделал новый глоток.

Невольно, наблюдая за ярко-розовыми рассветными разводами на небе, Марко задумался о радикальности мер. И почему люди не понимают все с первого раза? По-хорошему? Почему всегда приходится прибегать к показательной порке?

— В ноуте был какой-то материл, но отправить не успел, — продолжил Дарио. — Я забрал его. Уничтожить или хочешь прочесть?

— Оставь пока, — отозвался Марко. — Как закончишь с журналистами, приезжай к Лукреции. Займитесь вашими проститутками. Я отправлю тебе адрес, где это будет. И у меня будет просьба, Дарио. Завези, пожалуйста, мне чистую рубашку. Купи по дороге. Любую.

— Ладно, — согласился Дарио. — Понял.

— Спасибо, — поблагодарил Марко. — Ноутбук отдашь при встрече. Я в Позиллипо.

— Я так и понял, — усмехнулся Дарио. В его интонации проскочило что-то дружеское и мальчишеское со смесью одобрения, но, буквально миг, и он серьезнее продолжил: — Думаю, что через пару часов тут закончу.

— Хорошо, — согласился Марко и завершил вызов.

Одним глотком он допил остатки кофе. Вымыл чашку, гейзерную кофеварку, умылся и вернулся в спальню Лукреции. В свете утра беспорядок там был заметнее. Марко

внимательнее рассмотрел холст, краски, растоптанные цветы.

Печальное зрелище.

— Доброе утро, — тихо протянула Лукреция.

Марко подошел, сел на край кровати. Лукреция лежала между двух подушек, завернувшись в одеяло, и все это сильно глушило ее голос.

— Доброе утро, — пожелал Марко. — Я отправил Дарио адрес. Через пару часов он приедет, и можете заняться делом.

— Спасибо, — поблагодарила Лукреция. Ее голос прозвучал громче. Она выбралась из подушечно-одеяльного плена и села на кровать. — Кто-нибудь звонил из больницы?

— Нет, — уверенно отозвался Марко. — Еще слишком рано. Анализы наверняка будут только к утру.

— Наверное, ты прав, — протянула Лукреция, подползая ближе к нему. Она опустила ноги, видимо, собираясь встать, но замерла, разглядывая погром. — Мне придется доплачивать Пине за уборку этого бардака, — протянула она и все-таки поднялась.

Марко уже забыл про холст на полу, мазки краски и растоптанные цветы. Он смотрел, как Лукреция тянулась, выгибаясь в спине, как задралась рубашка, открывая живот, и напомнил себе, что пока не время для подобных мыслей. Что еще немного, и он спокойно позволит себе все.

Лукреция выпрямилась и вдруг внимательнее посмотрела на него с легким прищуром. В следующий миг даже чуть наклонила голову вбок, словно видела нечто странное.

— Что? — непонимающе спросил Марко.

Лукреция продолжала смотреть на него с легким недоумением. Даже чуть игриво. Марко не мог не отметить, что она явно собралась после вчерашнего раздрая. Или хорошо делала вид.

— Сколько мы друг друга знаем? — с интересом спросила Лукреция. Она даже чуть нахмурилась, словно пыталась то ли вспомнить, то ли посчитать.

— Помню твой первый день рождения, — уверенно ответил Марко.

— Неужели? — с наигранным недоверием спросила Лукреция.

— Правда. Ты спала и плакала. Плакала и спала. И так весь вечер, — усмехнулся Марко и невольно удивился, что это действительно так. Все-таки порой действительно странно осознавать, как долго ваши жизни связаны. Особенно, когда ты к этому привык и особо над этим не задумываешься.

— Смотрю на тебя и понимаю, что впервые вижу в таком непотребном виде, — дразняще произнесла Лукреция.

Марко усмехнулся, быстро глянул на майку, местами помятые брюки. Наверняка и волосы лежали так себе.

— Мы же даже на пляже никогда с тобой не были, — серьезнее произнесла Лукреция. — Всегда вижу тебя в костюмах или в джинсах с футболками...

— Когда все успокоится, то можем съездить на пляж, — предложил Марко. — Например, на Сицилию. Думаю, что после всего этого нам понадобится отдых.

Произнеся это, он ожидал увидеть немного энтузиазма, но Лукреция вдруг резко погрузилась. Даже напряглась. Наверняка подумала о Нико.

— Лукреция, — серьезнее произнес Марко и, взяв ее за руку, притянул к себе ближе.

Она не сопротивлялась и села к нему на колени, доверчиво заглянув в глаза. Марко не был против, но, почувствовав жар ее тела, прикосновение к майке, снова приказал себе

успокоиться.

Лукреция теребила хлопковую лямку майки, и Марко вспомнил, как она проделывала нечто подобное с пуговицей на его пиджаке. Нервы. Страх. Переживания за Нико. Только мысли об этом удерживали его от того, чтобы не повалить сейчас в постель. Здравое рассуждение, что даже если секс выйдет хорошим, неприятный осадок накроет позже.

— Сегодня мы все узнаем. Дарио приедет через пару часов. Как раз сможете съездить в больницу и все узнать, — увереннее продолжил Марко, надеясь заразить этой уверенностью и Лукрецию.

Невольно его ладонь легла на ее обнаженное колено, сжала его, погладила. Взгляд опустился на неправильно застегнутую рубашку. Если он не может взять, то может позволить себе хотя бы смотреть. Это явно будет не самое страшное его прегрешение в жизни.

Лукреция принимала душ, Марко снова варил кофе, слушая краем уха утренние новости. Ведущий с жаром говорил о расправе над журналистом и размышлял, что могло послужить причиной такой жестокости: личное, профессиональное?

Вдруг внимание привлекли и шаги. Лукреция вышла из душа в махровом светлом халате, без интереса глянула на репортаж и направилась к плите, у которой стоял Марко. В ее движениях появилось что-то умиротворенное-ленивое, а сама она вдруг показалась такой нежной и домашней, что захотелось прижать ее к себе как можно ближе, крепче и не отпускать.

— Какой приятный аромат, — игриво произнесла Лукреция, чуть наклонившись к гейзерке.

Марко посмотрел на нее, потом снова в телевизор, где говорили уже о предстоящих выборах. Из-за чего он снова подумал о Сандре и Витторио.

Словно две стороны его жизни пересеклись в одном месте, и каждая напоминала о своей важности.

Но сейчас нужно было сосредоточиться на деле. На последних шагах, чтобы стать в этой гонке победителем. С приездом Дарио Марко сразу переключился. Словно свежая футболка и пиджак из машины снова вернули ему более боевой настрой.

— Как узнаешь, что с Нико, — бегло глянув на Лукрецию в автомобиле в ожидании Дарио, приказывал Марко, — напиши мне. Если все нормально, то поезжайте на место. Если не очень, то либо пусть будет с матерью и Элоисой, либо вези ко мне. Не оставляй без присмотра. Этот ублюдок еще попытается либо связаться с ней, либо что-то отправить через курьера.

Дарио кивнул. Марко вспомнил растоптанные цветы и вдруг подумал, что Дарио выглядел таким же помятым. Наверное, неудивительно, учитывая, какая у него выдалась ночь, и он задумался, не подведет ли его физическое состояние.

— Я все понял, — словно прочитав мысли, уверенно заявил Дарио. — Дам знать. Могу ехать?

Марко похлопал Дарио по плечу и кивнул. Ему в очередной раз подумалось, что он — очень толковый парень. И стало вдвойне жаль, что в скором времени придется с ним попрощаться.

Марко слушал отчеты своих людей из партий, пытаясь прикинуть, какие шансы у Сандры осуществить задуманное. Как лучше с ней поступить. Как далеко и жестко придется зайти. И, к сожалению, для нее все выходило весьма неплохо.

Хотя, сама не ведая того, она могла и укрепить позицию Витторио. Обманутая верная жена, помогающая мужу, желающая сделать город лучше так же хороша как и убитый горем вдовец, который бы хотел в память об умершей супруге сделать ее любимым город лучше, красивее, безопаснее.

Возможно, без Сандры будет даже лучше.

С Витторио будет еще проще.

И пусть план казался привлекательным, Марко все равно решил оставить его на крайний случай, помня, что жена политика все-таки довольно видная фигура. Ее нельзя убирать так же легко, как шестерок и парней с улиц.

Звонок телефона вывел Марко из мыслей. Лукреция. Быстро поняв, что она наверняка получила уже все новости из больницы, Марко принял вызов.

— Привет, — поздоровалась Лукреция. Ее голос звучал достаточно радостно, от чего Марко немного расслабился. Новости явно обещали быть хорошими.

— Привет.

— С Нико все должно быть в порядке. Понадобится долгая реабилитация, физиотерапия, но анализы неплохие. С лечением мы разберемся, — радостно продолжала Лукреция. — Он спал, когда мы приехали, поговорить не удалось, но в обед заедем снова. Сейчас мы с Дарио едем на место приюта.

Марко вдруг поймал себя на мысли, что и забыл, как Лукреция могла щебетать в приподнятом настроении. Воображение быстро нарисовало ее образ: теплую радостную улыбку, горящие глаза. На миг Марко пожалел, что не находился сейчас рядом с ней, не видел все своими глазами, не мог обнять ее, прижать к себе наконец-то из-за чего-то хорошего.

— Рад это слышать, — искренне произнес Марко и не успел спросить, может ли чем-то помочь, как услышал вопрос, заставляющий его довольно улыбнуться:

— Приедешь вечером? Мы пообедаем у дяди Дарио. Я возьму что-нибудь на ужин с собой.

Интонация Лукреции стала теплее. Как будто бы родной. И от этого осознания в нем разыграло самолюбие. Он все-таки добился своего, желания Лукреции быть вместе с ним, видаться, делиться важным.

— Да, — твердо ответил Марко. — Я напишу тебе, когда разберусь здесь. Не знаю, сколько времени это займет. Случилась одна непредвиденная ситуация, с которой бы не хотелось разбираться слишком кардинально.

— Хорошо, — согласилась Лукреция, явно понимая, что ничего уточнять не стоило. — До встречи.

— До встречи, — повторил Марко и взглянул на ожидающих его членов партий.

Те без энтузиазма ковыряли еду, видимо, чтобы занять себя хоть чем-то, и немного оживились лишь по окончании разговора.

— Если ее имя хоть как-то всплывет в ближайшие дни, то я должен об этом знать, — тоном, не требующим возражений, произнес Марко и поднялся.

В VIP-комнате ресторана ему вдруг стало душно и неожиданно охватило дурное предчувствие, что случится что-то плохое. Иррациональное. Странное. Но такое сильное, что не получалось просто от него отмахнуться.

Марко вышел на улицу и сделал глубокий вдох, напоминая самому себе, что осталось немного. Он получил Лукрецию. И скоро должен получить город. Оставалось лишь

избавиться от вредителей. И сейчас мотивация была сильна как никогда.

Пока все вокруг суетились, добывая для него нужную информацию, Марко решил пройтись по улицам Секондильяно. Напомнить себе откуда он, что вокруг него, посмотреть на людей. Послушать шум города, который его никогда не раздражал. Италия сама по себе была шумной страной: итальянцы громко говорили, постоянно жестикулировали, не боялись показывать эмоции и чувства. Скандалы были громкие, примирения — страстные, радость — безудержная, горе — оглушительное.

Секондильяно казалось шумнее Италии раза в два. Словно живя в более опасном районе, люди острее ощущали жизнь, проживая каждый ее миг по полной. И, наверное, это было оправдано. Как еще жить в месте, где почти каждую ночь кто-то расплачивается за свои ошибки жизнью? Многие молодые парни были уверены, что лучше прожить несколько лет в удовольствие и сдохнуть от пули, чем влачить нищенское существование, борясь за каждый цент. Гори ярко и быстро. Так они относились к себе. Так же к ним относился и Марко. Так же им позволял жить Секондильяно. Шумно. С размахом. И отводя на это довольно короткий срок.

Секондильяно, Неаполь были жестоки. И, наверное, чтобы владеть ими нужно было быть таким же. И, остановившись около цветочной лавки, наблюдая за городской суетой, Марко окончательно убедился, что сделает все необходимое. Пусть это и будет достаточно жестко.

Направляясь вечером к Лукреции, Марко приказал себе перестать думать хотя бы этим вечером. Его ждала девушка, которую он хотел, ждали более приятные заботы. Утром он получит больше информации и уже тогда решит, что с ней делать. А пока можно позволить себе расслабиться.

В квартире Лукреции было чище, но в спальне так и был расстелен холст, на нем лежали кисти, тюбики с краской, тряпки. Даря Лукреции букет тюльпанов, Марко заметил, что ее пальцы запачканы краской. Как и шея. Как и рубаха, надетая на белье.

Рассматривая ее голые ноги, ягодицы, выглядывающие из-под рубашки каждый раз, стоило ей поднять руки, Марко ощутил жгучее желание взять ее прямо сейчас. Уложить на кровать. И наконец почувствовать всю. Овладеть. Сделать окончательно своей.

— Ничего не получается, — пожаловалась Лукреция, пристраивая тюльпаны в вазу к другим уже чуть завядшим тюльпанам. — Пытаюсь найти вдохновение, отвлечься от всего этого, но... — развела руками. — Мне это надо сейчас. Что-то красивое, со смыслом, символами. Что можно разглядывать, на что отвлечься. Как-то все выплеснуть. Но я в каком-то ступоре...

Марко посмотрел на холст, только сейчас обратил, что вся краска, которую использовала Лукреция, была синих оттенков.

— Ищешь вдохновение в оттенках синего? — уточнил Марко, подбирая одну из кистей.

— Сегодня это Ив Кляйн. Довольно эгоцентричный художник. Запатентовал свой оттенок лазури. Для него краска — не часть произведения, а лишь намек на то, что мы можем принять эту красочную поверхность за живопись. Зритель сам должен догадаться и прислушаться.

— Все равно это какая-то чушь, извини, — усмехнулся Марко, заметил, что на кисти еще не высохла краска.

Лукреция пожала плечами, наверное, не желая объяснять тему.

— Самыми интересными у него были работы с моделями. Он использовал их вместо

кисти. Лишь указывал им, каким образом нанести эту синюю краску на тело, чтобы потом они легли на холст и оставили отпечаток на холсте. Искусство делает само себя. В этом что-то есть, какая-то жизнь. Если у меня ступор, то я надеялась, что все случится само.

В конце предложения интонация Лукреции провисла. Даже показалась какой-то горькой. Марко хмыкнул, обдумывая ее слова, и снова посмотрел на кисть.

— Раздевайся, — приказал он. Может, Марко не понимал все тонкости Ива Кляйна, но явно понимал, как может использовать его техники для себя. — Посмотрим, что выйдет.

Наклонившись за тюбиком с краской, Марко заметил, как на холст упала рубашка.

Выдавлив на кисть краску, как зубную пасту на щетку, он подумал, что сделал что-то неправильно, но быстро потерял мысль и просто протянул Лукреции кисть.

Она уже сняла бюстгальтер, стаскивала трусы, а Марко просто смотрел на ее тело. Аккуратная грудь с затвердевшими сосками, небольшой животик, который ее не портил, стройные ноги, оливкового цвета кожа. Лукреция казалась и невинной, и готовой ко всему, что он ей скажет. Святая и грешница в одном лице, в одном теле, от чего Марко почувствовал еще большее желание.

Она медленно, смотря исключительно ему в глаза, приняла кисть и снова замерла, видимо, ожидая приказа. Ожидание, покорность, интерес. Марко пытался понять, что испытывала Лукреция, найти ответ в ее взгляде, но там была слишком большая гамма чувств.

— Проведи по ложбинке, вдоль живота. Медленно. Пока я не скажу тебе остановиться, — тише, но твердо произнес Марко, расстегивая пуговицы рубашки.

Лукреция повиновалась. Коснувшись кисти ложбинки, медленно повела ею вниз, оставляя на теле синий цвет. Все ее внимание было сконцентрировано лишь на Марко, от чего он чувствовал, как возбуждался еще больше, как затвердел его член.

Синяя полоса миновала грудь, дошла до живота, пупка, опускалась к лобку.

— Хватит, — в том же тоне произнес Марко, снимая рубашку. — Теперь выдави краску на ладонь и погладь грудь.

Лукреция приподняла бровь. Видимо, он уже вышел за технику Ива Кляйна, но Марко лишь продолжал ожидающе смотреть на нее, давая понять, что ему в любом случае нужно именно такое продолжение.

Лукреция подняла тюбик, отложила кисть и нанесла краску на ладонь. Коснувшись груди, она закусил губу. Вскоре на коже появились длинные линии от пальцев. Сжав грудь, Лукреция негромко застонала. И этого Марко хватило, чтобы окончательно потерять терпение.

Он преодолел расстояние между ними одним шагом и впился в губы, прижимая к себе ближе. Кажется, Лукреция от неожиданности сильнее надавила на тюбик, и он почувствовал, как холодная краска выдавилась ему на живот.

Что-то упало. Рука Лукреции коснулась его торса, размазывая краску, а потом опустилась к ремню, начав его расстегивать, опуская его вниз, на холст.

Почувствовав, что Лукреция приспустила ему брюки и трусы, Марко опустился на колени, затем сел на зад и позволил Лукреции забраться сверху на колени. Поцелуи уже больше походили на укусы, как с его стороны, так и с ее. Жадные. Неконтролируемые. Почти болезненные.

Крепко сжав талию Лукреции, Марко оторвался от губ и спустился ниже: на шею, ключицы, грудь. Во рту оказался масляный вкус краски, но он все равно продолжал целовать ложбинку, прикусывать, заливать языком. Сжимать Лукрецию еще сильнее, когда они

почти похабно терлась о его пах, прикусывала ухо и прижималась к нему всем телом.

— Я на таблетках, не волнуйся...

До Марко быстро дошел смысл ее слов и, больше не теряя времени, он уложил ее на холст спиной, забрался сверху, шире разводя ей ноги. Темные волосы Лукреции красиво смотрелись на белом полотне, сама она выглядела возбужденной, взмокшей, манящей.

Марко смотрел на нее лишь несколько секунд, окинул взглядом разгоряченное тело с размазанной синей краской и, снова припав к губам, вошел.

Лукреция застонала. Марко и сам чуть ли не зарычал от удовольствия. Начав наращивать темп, он ухватился за волосы Лукреции и сосредоточился на ритме, с которым входил выходил. На ощущение тающего тела у него в руках. На рваных стогах, приятных для слуха.

Лукреция подмахивала бедрами в такт, прогнулась в спине и одной рукой начала мять грудь. Грубо, почти жёстко. Словно дразнила этим. И, посмотрев на это несколько секунд, Марко рывком перевернул ее на живот и снова устроился между ног.

Ритм стал еще более сильным. Ему казалось, что он вбивал Лукрецию в холст, но она и не была против. На спине были синие разводы, след от тюбика. Марко поцеловал ее туда, провел рукой по волосам и просунул руку к груди.

Лукреция встала в коленно-локтевую, давая ему удобнее ухватиться за груди, и закричала, когда сжал ее. Захватил сосок пальцами. Смял, словно лист, от которого хотел избавиться навсегда.

Ему казалось, что Лукреция дрожала всем телом, пульсировала и вот-вот рухнет без сил. Вдруг так оно и произошло. Вытянув руки вперед, она легла на грудь. Марко почувствовал, как ее мышцы внутри сократились. Как она стала более мокрой. И сделал еще несколько толчков, кончая сам.

Лукреция полностью и бескомпромиссно принадлежит ему. Осталось то же самое сделать и с Неаполем.

9.2. Лукреция. Настоящее

Лукреция проснулась от навязчивого солнечного света. Казалось бы, осенью он не должен беспокоить, прерывать сон, но Лукреция все равно ощутила его и открыла глаза. На миг все вчерашние события показались ей сном. Приятным. Сладким. Сев, она рассмотрела холст на полу с синими отпечатками тел и невольно улыбнулась, осознав, что все произошло на самом деле. У нее действительно был отличный секс с Марко. И, кажется, ей хотелось еще.

Задержавшись на последней мысли, Лукреция даже закусил губу, как следует обдумывая ее. Возвращение в Неаполь сопровождалось мыслями о Витторио. От обиды жглиц изнутри, отравляя ее, превращая в существо, которым она быть совершенно не хотела. Навязчивая мысль узнать, правду ли говорила Сандра об их знакомстве, тоже заставляла гнить изнутри.

Наверное, неудивительно, что во всем этом эмоциональном болоте она не заметила, как сблизилась с Марко еще больше. И вдруг поняла, что была рада к этому прийти.

Поднявшись с кровати, Лукреция аккуратно стала продвигаться в сторону кухни, стараясь не запачкаться. Вымывать ночью краску с тела и волос казалось пыткой, хотя секс явно того стоил. И эта мысль успокаивала.

Марко стоял у окна. На нем были чистые джинсы, чистая водолазка. На одном из стульев Лукреция рассмотрела чехол для одежды и поняла, что кто-то заезжал, пока она спала.

— ... мне все равно на это, — твердо говорил Марко кому-то в телефон. — Сейчас хорошая возможность ужесточить закон. Все еще помнят перестрелку. Так будет лучше. Перебивать этих тварей по одной слишком долго и утомительно.

Его интонация казалось промозглой. Удивительно, что от дыхания стекло не покрывалось ледяной коркой. Вспомнив прошлую ночь, Лукреция вдруг задумалась, как в одном человеке может одновременно быть такой жар и такой холод.

Пока она размышляла, Марко обернулся к ней. Все его мысли явно были сосредоточены на теме, которую он с кем-то обсуждал по телефону. Брови были чуть сдвинуты, лоб напряжен, из-за чего морщины на нем казались заметнее. В следующий миг он улыбнулся ей. Тепло. Располагающе. Шагнул к ней и поцеловал в висок.

— Доброе утро, — тише пожелала Лукреция и, почувствовав, как рука Марко забралась ей под рубашку и поглаживала по спине, прижалась ближе.

Впервые за долгое время Лукреция ощутила в душе покой. От нее не спешили удрать с утра, при ней не лгали жене, она не подстраивалась под чужие семейные планы на постоянной основе. Мужчина рядом с ней принадлежал исключительно ей. И от этого становилось легко.

Кажется, прошла даже обида, с которой она ехала сюда.

И, наверное, давно прошли и чувства. Просто только сейчас хватило духа это признать, а не убеждать себя дальше, что она была с кем-то хорошим.

Ведь только этим можно было объяснить, почему ей было все равно на попытки Витторио возобновить былое. Почему она так равнодушно приняла факт его унижения в музее. Почему даже не думала о беременности Сандры. Все лишь больше подталкивало ее сюда, к новой жизни, и она, не сопротивляясь, шла. Веря, что этот путь наверняка должен

оказаться верным. Не может же она серьезно облажаться во второй раз...

День вообще обещал быть неплохим. Погода выдалась приятной. Солнечные лучи казались мягкими, а ветер теплым. Лукреция даже опустила окно в машине, желая запустить в салон и этот свет, и этот ветерок.

Дарио никак не отреагировал. Он был сосредоточен на дороге в больницу и, кажется, где-то в своих мыслях. И выглядел явно устало. Под глазами были заметны синяки. Челюсти напряжены. Он казался натянутой струной, которая вот-вот лопнет.

— Что Марко может тебе дать?

Лукреция не собиралась лезть в душу, но вопрос вырвался сам собой. Сразу пожалев, что спросила, она менее решительно продолжила:

— Можешь не отвечать, если не хочешь. Не знаю, что на меня нашло...

Просто очевидно, что здесь не только рабочие отношения дон-капо. Не только деньги. Не только власть. Но вместо того, как она договорила у себя в голове, продолжила иначе:

— Просто ты кажешься тем, кто взвалил на себя слишком много ради чего-то еще. Нечто большего, чем власть и деньги, — закончила Лукреция.

Дарио на миг отвлекся от дороги и тяжелым взглядом посмотрел на нее. Миг длился всего несколько секунд, но Лукреции он показался намного дольше. Кажется, она задала правильный вопрос. И, кажется, Дарио совсем не хотел на него отвечать.

Вернувшись полностью к дороге, Дарио шумно выдохнул. Лукреции показалось, что он даже сильнее сжал руль, как будто бы переживая в душе только ему известный ураган, который причинял ему боль.

— Извини, — тише проговорила Лукреция. — Я не хотела лезть не в свое дело. Просто мы проводим много времени вместе. И твоя личность интригует меня все больше.

— В моей личности нет ничего интригующего, — сухо заметил Дарио. — Я довольно обычный.

— А вот здесь не соглашусь, — возразила Лукреция. — Тебе нужно что-то большее, чем большинству парней при Марко или Санто. Но это не мое дело. Я поняла.

Дарио даже чему-то усмехнулся, когда она договорила. То ли быстрому темпу речи, то ли резкому скачку от интереса, с которым она начала размышлять, до ухода от темы. Остаток пути до больницы они проехали молча, слушая шум города из опущенного окна.

Лукреция всегда относилась к больницам равнодушно. Но за эти дни буквально возненавидела светлые стены, стерильность, палаты. Когда она оказывалась внутри, ей снова вспоминалось, как сюда привезли Нико, и ее снова охватывало то чувство беспомощности, где от ее действий ничего не зависело.

Дарио сообщил, что сходит покурить и поесть, попросил позвонить, как она закончит. Лукреция лишь кивнула. Идя к палате, она вдруг ощутила неприятное чувство, что за ней кто-то следил. Но Дарио уже пропал из поля зрения, охране Нико не было до нее никакого дела. Безуспешно озираясь по сторонам и никого так и не заметив, Лукреция решила, что у нее просто разыгрались нервы. И сосредоточилась на другом. Ей хотелось подольше побыть с Нико, но поменьше находиться в больнице. Желания, противоречащие друг другу. Но стоило зайти в палату, увидеть добрую улыбку Нико, как она моментально сделала выбор в его пользу.

— Привет, Лу. Отлично выглядишь. — Голос Нико звучал тише обычного, но теплая интонация как будто обволакивала ее. Словно показались лучи августовского солнца: уже не такого жаркого, как в другие летние месяцы, но все еще согревающего и уютного, под

которым хотелось находиться.

— Привет, — подходя ближе, поздоровалась Лукреция и, наклонившись, чмокнула брата в щеку. — Ты тоже.

На Нико было больно смотреть. Он лежал на койке, подключенный к разной аппаратуре. Его голова была обвязана бинтами так, что выглядывало лишь лицо. Нога в гипсе была приподнята на какой-то конструкции.

— Мне пойдет для разнообразия что-то, кроме черного, — усмехнулся Нико.

Лукреция улыбнулась попытке брата разрядить атмосферу. Но чувство вины все равно навалило с небывалой силой, расплющивая ее словно под прессом.

— Прости, что вытащила тебя туда... Я даж...

— Лу, — перебил Нико. — Не надо. Тут нет твоей вины. Случилось то, что случилось. Значит, таков мой путь. Я поправлюсь. Не переживай об этом, пожалуйста. Лучше расскажи что-нибудь. Как у тебя дела с Марко? В прошлый разговор ты была встревожена, а сейчас светишься.

Улыбнувшись услышанному, Лукреция потянулась к руке брата и нежно погладила ее. Милый добрый Нико, который даже сейчас умудрялся больше думать о ней, чем о себе. Теплый взгляд, полный интереса и заботы, обезоруживающая улыбка.

Чем-то любовь к Нико напоминала чувства к племяннику. Нечто чистое, невинное. Желание забыться в его обществе от грязи мира и хоть миг побыть в ореоле света. Согревающего. Мягкого.

Опустив все интимные подробности, Лукреция сообщила, что они теперь вместе.

— ... и Марко был рядом все это время, — рассказывала она. — И после этих дней с ним я поняла, что просто гнила изнутри в отношениях с Витторио. Наверное, хорошо, что все вскрылось. Я бы не нашла в себе силы все оборвать, так затянуло. Не знаю, как он так подействовал на меня. Наверное, первое впечатление, в которое я поверила и продолжала видеть.

— Как я и говорил, — по-детски важно заговорил Нико, — значит, таков был твой путь.

— Всегда буду тебя слушать, — заверила Лукреция и полезла за телефоном. — А теперь извини. У нас тут новый проект, и мне надо ехать туда, — продолжила, печатая Дарио, что выходит. — Я заеду к тебе вечером.

Нико кивнул и пожелал удачи, Лукреция чмокнула его в щеку и направилась в коридор. Почти дойдя до лифта, она притормозила, услышав уведомление на телефоне, и выронила его, когда кто-то схватил ее за руку и грубо увлек в тесную комнату.

Дверь закрылась. В помещении пахло чистящими средствами. Лукреция попыталась открыть дверь, но ее снова грубо схватили за руки и толкнули вглубь комнаты.

— Это я, Лукреция! Успокойся!

Вскоре до нее дошло, что голос принадлежал Витторио. Через пару секунд она разглядела и его, но спокойнее от этого не стало. Полумрак. Тесное помещение. Отсутствие окон. Невозможность пройти к двери.

Лукреция почувствовала, как в груди все сжималось, и снова двинула вперед.

— Да подожди ты! — Витторио схватил ее за плечи и вернул на прежнее место. — Что происходит? Почему твой брат и Марко собирают информацию в партиях о кандидатах? Интересуются независимыми партиями?

До Лукреции через слово доходило, о чем ее спрашивал Витторио. Но стало понятно, что о делах. И от этого она вдруг нервно засмеялась. Словно после этого вопроса все

действительно встало на свои места. Даже его глаза блестели хорошо знакомым ей блеском. А еще страхом потери. Словно что-то ускользало у него из-под носа.

— Нико лучше. Спасибо за беспокойство. И мне тоже. Спасибо за заботу. *Жаль, что не можешь быть рядом.* — Лукреция сама удивилась тому яду, которым были пропитаны ее слова. — Мог бы хотя бы из вежливости поинтересоваться этим, а уже потом спрашивать про партии.

Кажется, ее слова подействовали на Витторио как пощечина. Он на миг замер, и Лукреция решила этим воспользоваться. Оттолкнув Витторио, она снова ринулась к двери, но почувствовала, как ее снова схватили и затащили внутрь.

— Пусти меня! — громко крикнула Лукреция, чувствуя, что от одной мысли вернуться в каморку, ее сворачивало от страха. — Я не знаю про дела Марко! Он не рассказывал! Я не спрашивала! Пусти!

Оказавшись снова внутри, Лукреция почувствовала, как тело билось от дрожи. Глаза заволокла пелена слез, в которой она уже мало что различала. Очевидный минус того, что она недалеко от палаты Нико — здесь нет посторонних. Даже охрана Санто отошла, не мешая ей общаться с братом. Стены стали как будто сжиматься вокруг нее, напоминая, что она здесь одна.

— Лукреция... милая...

Голос Витторио стал мягче. Сам он попытался обнять ее, но Лукреция начала махать руками впереди себя как кошка, не давая ему приблизиться.

Вдруг каморка озарилась коридорным светом, а Витторио кто-то вытянул из нее, давая ей пройти. Дарио скрутил его и прижал лицом к стене, явно не зная, как поступить дальше. Лукреция, жадно глотая воздух, осела по стене на пол, приходя в себя.

— Что здесь произошло? — Голос Дарио показался оглушительным.

Лукреция понимала, что надо ответить. Понимала, что надо успокоиться. Но слезы так и катились из глаз, хотя дыхание стало приходить в норму.

Множество голосов. Шаги. Команды Дарио.

Какая-то медсестра помогла ей подняться и, выслушав Дарио, куда-то повела. Лукреция не сопротивлялась. Если это было распоряжение Дарио, значит, все будет нормально.

— Как ты тут?

Дарио появился на пороге и медленно подошел к ней. Лукреция так и сидела в кресле, куда рухнула, оказавшись в свободной палате.

— Мне дали успокоительное. Все нормально, — ответила Лукреция и внимательнее стала рассматривать Дарио, пытаясь прочесть его мысли. Но его выражение лица так и оставалось спокойным. — Я боюсь замкнутых пространств.

— Возьми, — протягивая бутылку воды, мягче продолжил Дарио. — Я уже знаю. Говорил с Марко.

— Ты сообщил об этом Марко? — удивленно спросила Лукреция, забыв, что собиралась сказать «спасибо» за воду.

— У меня как-то нет желания скрывать что-то от Марко. Тем более, когда дело касается его ставленника и его женщины, — невозмутимо произнес Дарио, словно не понимал, почему ему надо объяснять такую очевидную вещь.

Лукреция отвинтила крышку и сделала глоток воды, пытаясь запить эту мысль. Наверное, Дарио прав. Наверное, надо сообщить, о чем Витторио спрашивал ее. Но наружу вырвался другой вопрос:

— И как Марко отреагировал?

— Думаю, что он был бы меньше зол, если ему в задницу сунули бы раскаленную кочергу, — усмехнулся Дарио.

Лукреция сделала еще глоток, получив странное приятное удовлетворение от ответа. И поняла, что нужно ехать в приют, а не думать о том, что Витторио, как почти всех вокруг, интересовала власть, и он прекрасно знал о ее клаустрофобии.

— Ты же знаешь всю историю со мной, Витторио и Марко? — вдруг спросила Лукреция, когда они уже направлялись в приют. Дарио кинул на нее быстрый взгляд и вернулся к дороге.

— В общих чертах, — ответил он без особого энтузиазма.

Лукреция хмыкнула, продолжая смотреть на профиль Дарио, словно это могло помочь залезть ему в голову. Словно что-то в нем поможет ей ответить на ее вопросы.

— Когда мы познакомились, то он казался таким светлым. Говорил об изменениях, проектах. В нем не чувствовалась жажда власти, как у Марко или Санто. Или... кучи других людей в моем окружении. А сегодня... он был одержим, пытаюсь узнать про партии. Когда я рассказывала это Марко, то снова вспомнила и задумалась: он всегда таким был или это пришло со временем?

Дарио явно внимательно слушал, но его выражение лица все еще было лениво-спокойным. Он пожал плечами и заговорил:

— Я недавно узнал о существовании Витторио, чтобы делать о нем выводы, но кое-что знаю о власти. И власть — это власть. Почувствовав ее, сложно отпустить. Он главный кандидат на выборах. Наверняка одержит победу. Может, уже привык к этой мысли. И мысль потерять ее может свести с ума. Тем более, что он уже потерял и тебя. Некоторое время назад он успешно строил политическую карьеру, имел брак, трахал девочку со связями вроде тебя. А что сейчас? Жена знает об интрижке, Марко взял за яйца, унижая его при его же женщинах, еще и какая-то муть в партиях. Это лишь мои мысли, но, думаю, он понимает, что без победы на выборах он просто станет никем. Или в этом убедиться без своих атрибутов власти. И эта мысль здорово его пугает.

Лукреция на миг отвернулась к окну, заметила, что они уже подъезжали к месту назначения.

— Может, он и был неплохим человеком, — продолжил Дарио, не дав ей до конца осознать и первую часть его слов, — но эта гонка его сломала. А, может, вся гниль просто вышла наружу. Тут тебе виднее.

— Это надо обдумывать за бокалом вина, — усмехнулась Лукреция. — Или за бутылкой.

Дарио засмеялся, паркуясь около здания, и Лукреция ответила ему тем же, почувствовав искренность, с которой он это делал.

— И все-таки ты какой угодно, но точно не обычный, — заметила Лукреция, выходя из машины.

— Как тебе будет угодно, — махнув рукой, безразлично произнес Дарио и резко обернулся.

Следующий миг все прошло словно в быстрой съемке. Шум разгоняющейся машины, выстрелы, крик Дарио, падение.

Лукреция запоздало поняла, что упала, что Дарио навалился на нее своим телом. Что на нее брызнуло что-то мокрое и теплое. Пролежав несколько секунд, Лукреция открыла глаза

и поняла, что ее руки, одежда испачканы кровью. И, кажется, не ее.

Дарио что-то простонал. Вокруг стали собираться люди. Кто-то вызывал скорую помощь. А она прикрыла рану у него на спине рукой, пытаясь остановить кровь, и слышала, как в ушах стоит белый шум.

— Сейчас я отвезу тебя в больницу. Тебе помогут. Только не отключайся, Дарио!

Луcreция сама не понимала, что говорила. Почему велела не отключаться. И вдруг поняла, что Дарио что-то говорил. Наклонившись ближе, она убедилась, что он действительно что-то шептал:

— Гранита... — повторял Дарио, но смысл этой фразы оставался для нее загадкой.

Неаполь полыхал в огне. И Марко был одним из немногих, кто мог видеть это пламя. От кого зависело, потухнет ли оно или поглотит город, оставив за собой лишь пепел и трупы. Чувствуя в себе больше энергии, больше сил, Марко был готов принять любой бой. Но он не ожидал, что этот день принесет объявление войны.

Узнав о нападении на Лукрецию, Марко сначала не поверил, что кто-то способен на такую глупость. На такой опасный шаг, за которым последует незамедлительный ответ.

Женщины, загнанные в угол, способны на многое...

Неожиданно в его голове зазвучал голос Исаяи. Послышалась его загадочная интонация, полная трепета и уважения к наследию Секондильяно. Женщины в критичный момент способны на многое. А умные женщины, как Сандра, тем более. Но что это: хорошо продуманный рискованный ход или отчаяние?

Позиция Сандры в политике была шаткой. Нельзя было с уверенностью заявить, что она сможет получить место в партии, нельзя было с уверенностью это опровергнуть. Эта игра была в самом разгаре. И от каждого хода зависел исход.

И Марко почти физически ощущал, как пахло паленым. Как вокруг все накалялось. Как земля под ним становилась горячее, а небо затягивал дым. И понимал, что настал момент сделать свой ход. Тот самый, который приведет партию к финалу. После которого случится тот самый неизбежный хаос. Неудобный, но такой необходимый, чтобы собрать крупицы прежней жизни, соединить их с новыми и идти дальше.

— Дарио считает тебя толковым...

Марко смотрел на Киро, составляя собственное мнение о парне. Лет двадцати пяти, выбритые виски, темные короткие волосы на макушке, тату с крыльями ангела на шее, заросшая щетина. Он мало чем отличался от парней, работающих на улице. Свиристый вид, непримечательная одежда. Осмотрев быстро все это, Марко сосредоточился лишь на его взгляде.

— ... поэтому все его дела на тебе, — твердо говорил Марко. — Журналисты, Лукреция, приют.

— Понял, — уверенно ответил Киро. — Я уже дал команду искать тех ублюдков. За кем последнее слово? За Монтенелли или за нами?

Марко поставил в голове плюстик и за инициативу в критической ситуации, и за вопрос по делу, который сейчас был действительно важен. Дарио — его человек. Лукреция пусть и без соблюдения всех приличий, но теперь тоже с ним. И, наверное, можно использовать ситуацию, чтобы заявить об этом.

— За нами, — твердо произнес Марко. — Это нападение я расцениваю как личное. И ответ будет соответствующий. Привези Сандру в доки. Незаметно. Я подъеду туда через пару часов. Пусть ждет.

Киро был готов исполнить приказ. Это четко было видно во взгляде. Но было там что-то еще. Как Дарио, Киро явно был не просто бойцовым псом, готовым напасть, услышав нужную команду. Он был думающим. И Марко понял, что пора всерьез начать за ним наблюдать.

— Вопросы?

Интонация Марко прозвучала жестче. У Киро они были, он уверен, но осмелится ли тот

что-то уточнить.

— Думаешь, что без мощной крыши так бы не осмелели? — спокойно спросил Киро с долей уважения.

Марко понравились стальные нотки в его голосе. Понравилось направление, в котором он думает, попытки понять ситуацию глубже, задавая правильные вопросы, которые помогут не наделать бед.

— Цыгане, Лучиано несомненно могли бы напасть на приют, на Дарио. Это было ожидаемо. Но нападение на члена семьи... Чтобы решиться на это, нужно иметь козырь, — спокойно разъяснил Марко.

— А если это случайность? — уточнил Киро.

— Это уже не имеет значения, — твердо ответил Марко. — Покушение свершилось. И за него надо ответить. Ты не согласен?

— Согласен, — твердо произнес Киро.

В этот миг его глаза как будто бы почернели. Будто бы там проснулись демоны его души, которые получили добро вершить свои дела. На пару секунд Марко даже стало интересно, что скрывалось в душе Киро. Какие черти Секондильяно нашли свою обитель там. Что ждать от них, если правильно подкормить. И со временем это явно станет понятно, а пока Марко лишь твердо произнес:

— Держи меня в курсе всего. После доков она не должна вернуться домой.

Ехать к Лукреции было необязательным, но Марко все равно двинулся в больницу, посчитав, что так будет лучше для их отношений. И, увидев ее в больничном коридоре, понял, что не ошибся. Она, видимо, сидела и дожидалась новостей, не удосужившись даже переодеться. Ее одежда была запачкана кровью. И Марко надеялась, что принадлежала она только Дарио.

— Ты здесь.

Марко не успел ничего произнести, подходя ближе, спросить о самочувствии, как Лукреция заговорила сама. По ее интонации было непонятно, удивлена ли она, радовалась или просто констатировала его появление.

— Дарио на операции. Жду новостей. Наверное, надо сообщить его семье... — продолжила Лукреция. — Не знаю, как лучше: подождать новостей или сообщить сейчас.

— У Дарио хорошая семья, но очень суетная, — садясь рядом, произнес Марко. — С другой стороны, о нападении говорили в новостях. Может, это и имеет смысл. Хотя вряд ли они успевают смотреть новости на кухне.

Марко ждал решения Лукреции. Ее взгляд в миг стал более осознанным. Сама она даже немного приободрилась. Но, к его удивлению, заговорила о другом:

— Последний год я много думаю об Икаре и его падении. Как легко забыться и сорваться вниз. И как незаметно это может быть для других. В нас стреляли, Дарио оперируют, а жизнь продолжается. Остались только перья над водой. Наверное, в этом трагизма даже больше, чем в падении.

Марко взял Лукрецию за руки и ощутил, что ее ладони очень холодные. Ближе он рассмотрел, что и ее лицо выглядело необычайно бледно. Словно единственная кровь, хоть как-то взаимодействующая с ней, принадлежала Дарио.

— В Монтальчино я постоянно рассматривала «Падение Икара» Брейгеля. В центре картины не сам Икар, а крестьяне, которые не обращают внимания на ноги в воде, перья. Либо еще не поняли, либо слишком заняты своими заботами, либо им просто все равно.

Связь с Витторио постоянно наталкивала меня на мысли, что я полечу вниз, жизнь других продолжится. И так оно и было, пока я была в Тоскане. И это касается всего. В нас стреляли на улице. Кто-то не понял, кому-то все равно, кто-то не хотел вмешиваться. Трагизм в реакции, а не действиях.

— Из всех художников, о которых ты рассказывала, мне по душе больше пришелся Ив Кляйн...

Марко хотел немного разбавить атмосферу. Уйти от этого угнетающего настроения, которое витало в коридоре больницы. Но Лукреция лишь слабо улыбнулась, шевельнула рукой, перехватила ладонь Марко и провела пальцами по проступающим венам на тыльной стороне, словно гадалка по линиям. Он видел, что она усиленно продолжала о чем-то думать. Горьком. Трагичном. Оставляющем еще более скорбное послевкусие, чем имеющиеся.

— Я доеду до Исайи и Ромолы, — более уверенно произнесла Лукреция.

— Это плохая идея, — заметил Марко.

— Я не буду прятаться после этого. И я доеду до хороших людей и сообщу им все, как полагается, — тверже заявила Лукреция. Марко подумал, что впервые за все время их общения услышал у нее такие стальные ноты в голосе.

Порой ему становилось интересно, как Лукреция смотрела на мир через призму искусства, какие параллели проводила при помощи них, какие делала выводы. И особенно интересно это стало сейчас, поскольку «Падение Икара» и события последнего года явно как-то связаны в ее голове. Явно как-то привели к такой твердости.

Пару секунд Марко лишь смотрел на Лукрецию, обдумывая эту мысль. Невольно сравнивая его рациональный мир из фактов, решений и последствий и ее из аллюзий, параллелей и чего-то еще, что было выше его понимания.

— Ладно, — согласился Марко, понимая, что в словах Лукреции есть смысл. И по отношению к семейству Томаzza так, наверное, действительно будет лучше. — Тебя сопровождают. И если что-то будут говорить делать, то делай. Я не хочу, чтобы в конечном итоге пуля тебя нашла.

— Спасибо.

Марко немного удивился, что на его жесткость и требовательность Лукреция ответила так мягко. Но это настроение быстро прошло. Она явно знала, когда можно поспорить, а что не требовало возражений.

Марко ехал в доки, невольно вспоминая слова Лукреции про картину.

Остались только перья над водой...

Может, убирать жену политика и радикально, но в конечном итоге забудется и это. Рутину поглотит, личные проблемы вылезут на первый план. Перья долетят до воды и со временем исчезнут из виду. Забудутся. Он принял правильное решение обезопасить свою семью, свои планы, себя. И явно лишь вопрос времени, когда Сандра попытается предпринять что-то против него. И зачем ему это надо?

Прибыв на место, первое, что почувствовал Марко — напряжение. Всегда ощущая себя лучше вблизи моря, слушая его шум и суету работы доков, это показалось вдвойне неприятным. Идя по складу, Марко казалось, что он слышал лишь свои шаги, эхо от которых казалось оглушительным и единственным. Пусть в помещении было еще трое его людей. Марко направился к Киро.

— Все готово? — сразу спросил он. — Наш с ней разговор не займет много времени.

— Да. Буду ждать знака, что все в силе.

Марко кивнул, вскоре он увидел Сандру. Та сидела за столом, на месте, где обычно сидел он. Статная, гордая, с высоко поднятой головой. Пусть ее привезли сюда против воли, пусть это был грязный склад в доках, стены которого повидали уже многое и впитали в себя уйму крови и слез, для нее это был не повод терять достоинство.

— Оставьте нас, — приказал Марко, подходя ближе к Сандре.

Она никак не поменялась в лице, лишь лениво повернула голову и посмотрела на него выжидающим взглядом с оттенком недовольства.

— Зря ты это начала, — сразу переходя к сути, заговорил Марко.

— Глупо видеть перспективы и не использовать их, — поднявшись, твердо произнесла Сандра.

Марко одобрительно хмыкнул, отмечая, что с ним не стали играть в игры, а сразу перешли к разговору. Сандра обошла стол, подошла ближе, почти вплотную. Настолько, что он ощутил жар ее тела и пряный парфюм.

Сандра смотрела на Марко с вызовом, но он лишь усмехнулся, поняв, что она просто затеяла другую игру.

— Глупо сейчас поступаешь и ты, — тише, интимнее продолжила Сандра, словно делилась большим секретом. Коснувшись его куртки, она смахнула невидимые пылинки, продолжая смотреть исключительно в глаза, словно пытаясь взглядом дотянуться до души. Околдовать ее.

— И в чем же моя глупость? — с интересом спросил Марко.

— Она, — сразу ответила Сандра, с вызовом смотря на него.

— Лукреция?

— Зачем тебе женщина, которой помыкал даже такой слизняк, как Витторио?

Марко чувствовал, что Сандра пыталась вывести его на эмоции, но не понимал зачем ей это. До конца не понимал, какая именно конечная цель у этого предложения.

— Без тебя и твоих советов он бы так далеко не зашел, — парировал Марко.

Сандра победно улыбнулась. Взгляд стал более хитрым. В совокупности с грациозными движениями и медными волосами она стала напоминать лису, которая плела очередную интригу.

— Мы могли бы получить этот город без Витторио, — продолжила Сандра. — Если тебе нужно жениться на ней, то твое дело. Я понимаю договорные браки, но ты действительно так хочешь ее?

Услышав вопрос, Марко даже усмехнулся, договорив про себя «хочешь больше меня?».

— Хочу, — уверенно произнес он и, заметив во взгляде Сандры тень разочарования, продолжил: — Ты разбираешься в современном искусстве?

Сандра презрительно хмыкнула и как будто бы сильнее зацепилась за него взглядом, боясь упустить что-то важное.

— Оно переоценено в целом. А вся эта современная мазня — особенно, — спокойно ответила она.

— Не скажу так категорично про искусство как явление, но согласен с твоим мнением о современном. Порой Лукреция что-то рассказывает. Большую часть из этого я не понимаю и не хочу понимать, но бывают интересные факты. И пара мне понравилась особенно. Я поделюсь с тобой одним.

Сандра скептически приподняла брови, Марко сделал паузу, давая ей обдумать

услышанное, а затем медленно, с расстановкой продолжил:

— Вся эта мазня — результат того, что людям пришлось быть честными с самими собой. Они перестали верить во что-то мифичное, взглянули на реальность. И им понадобился способ это как-то пережить. Думаю, ты знаешь историю и представляешь, каким сложным был двадцатый век. И мне нравится способность людей принять это. Изменения неизбежны, часто внезапны. Старое уходит, новое приходит. И пусть что-то кажется нам сначала слишком радикальным или непонятным, все со временем встает на свои места.

Сандра не менялась в лице, со скукой во взгляде слушая его, но Марко и не пытался как-то впечатлить ее. Единственной целью для него стало, чтобы в последние секунды жизни она понимала, почему это произошло. О чем он думал.

— И возвращаясь к Лукреции, мне нравится, что она смотрит на мир иначе. Ты же, Сандра, как я. Мы оба видим цель, идем к ней, получаем что хотим и кого хотим. И я хочу рядом с собой не спарринг-партнера, а жену. Женщину, которая будет заниматься чем-то своим, которой особо не интересны политика, дела Неаполя, но с которой можно это обсудить. Что-то сказать, посмотреть на события с другой стороны. Другим взглядом, отличным от моего. Даже бесстрастно. Главное ваше отличие — это отношение к власти. Лукреция родилась с ней. Она может выйти за меня, может за кого-то еще, может вообще оставаться незамужней. Она будет у нее в любом случае по праву рождения. И она это знает. Ей не нужно увеличивать ее, доказывать, бороться. Ты же акула, готовая загрызть любого ради этого.

— И тебя это не заводит? — тише спросила Сандра. И хоть фраза, наверное, задумывалась вопросом, прозвучала скорее утверждением. Чувственным. Твердым. Убежденным.

Глупо было отрицать, что Сандра — шикарная женщина, знающая это. Умная. Властная. Возбуждающая. Глупо было отрицать, что, возможно, между ними и что-то могло бы быть в другое время. В другом месте.

Но сейчас Марко лишь ее поцеловал. Они стояли все еще очень близко. Все еще чувствовали близость друг друга. Впившись в ее губы, он не ожидал, что сделает это с таким желанием. Сандра приоткрыла рот, он углубил поцелуй, схватив ее за талию и прижав ближе к себе.

Даже тот факт, что это был иль бацо де ля морте — поцелуй смерти, не отменял возможность сделать его приятным.

10.2. Лукреция. Настоящее

Лукреции было не по себе от того, что такой энергичный и шумный мужчина, как Исаяя, затих. Казалось, что от страха он потерял часть своей души, и с ужасом ждал дальнейших новостей, не замечая ничего вокруг.

Они молча ехали обратно в больницу уже минут десять, и за это время она не услышала от него ничего. Только Ромола тихо молилась, перебирая четки. И что-то в ее тихой интонации пугало Лукрецию еще больше. Казалось, что вокруг нее смерть. Что воздух буквально пропитан запахом сырой земли, металла и лилий, которые всегда несли на похороны.

Хотелось что-то сказать, как-то поддержать, но ничего не приходило в голову. Да и что она может сказать в такой ситуации?

— Если понадобится финансовая поддержка на лечение, то она у вас будет. Об этом не переживайте, — заговорила Лукреция, найдя, что можно пообещать, что пока находится в ее власти.

Исайя благодарно кивнул, Ромола начала молиться еще более убежденно. Лукреция перестала придумывать слова поддержки. Супруги Томазза знали, какой жизнью жил их племянник и наверняка понимали, что рано или поздно подобное может произойти. И страшное случилось, проверяя их на прочность. И тут она ничего не может предложить.

Когда они вернулись в больницу, то операция еще шла. Ромола скрылась в часовне, Лукреция осталась сидеть с Исайей в комнате ожидания. Смотря на поникшего старика, она снова вспомнила слова Дарио.

— Могу я спросить кое-что? — осторожно уточнила Лукреция.

— Конечно, синьорина Монтенелли, — кивнул Исаяя.

Разглядев его встревоженное лицо ближе, Лукреция почувствовала, как у нее защемило в груди. Глаза Исаяи будто бы утратили цвет, как и кожа. Даже пышные усы с проседью как будто бы обвисли.

— Лукреция, — мягко поправила она и учтивее продолжила: — Когда я наклонилась к Дарио, то он бормотал что-то про граниту. Вам это о чем-то говорит? Или он просто начал уже бредить?

Исайя тяжело вздохнул. На морщинистом лице, в уголке глаза, появилась слеза, которая вскоре покатилась по щеке, после чего затерялась в усах.

— И да, и нет, — заговорил Исаяя. Его голос показался чужим. Тихим. Просевшим. Смотря на него, Лукреция подумала, что гибель племянника он не переживет, и снова почувствовала удушающее бессилие от того, что такие важные вещи не поддаются человеческой власти. Сначала Нико, теперь Дарио. От мысли «кто же будет следующим» пронесся холодок по коже. Как и от осознания, что этот следующий точно будет. — Дарио хотел отомстить убийце его сводной сестры. Поиск информации привел его на Сицилию. И там с ним произошло что-то хорошее. Он не рассказывал, но это видно. Его лицо меняется, когда он вспоминает об этом. Наверное, поэтому не хочет и говорить, — Исаяя приложил руку к сердцу. — Это что-то у него там. И он не хочет выносить даже часть этого в наш грязный мир. Что-то сокровенное. Что он оставил ради мщения.

Исайя тяжело вздохнул, словно все трудности, вся боль такого решения перешли и к нему вместе с рассказом. Лукреция молчала, понимая, что это не все, что ему надо дать

время, чтобы собрать мысли и продолжить. Терпеливо ожидая этого, она положила руку на его ладонь и несильно сжала ее.

— У его выбора были и другие последствия. Но дон Марко подарил ему второй шанс, — с большей горечью продолжил Исая. — Но судьбу не обманешь. Что Дарио не получил благодаря освобождению дона Марко, то он получил сейчас. И, святая дева Мария, — перекрестившись, обратился Исая, — прошу сжалиться над его грешной душой. Ты видишь, что в душе он неплохой человек.

Исая сорвался на плач. Лукреция почувствовала ком в горле и обняла Исая. Его тучная фигура как будто бы растекалась в ее объятиях, от чего захотелось обнять его еще крепче.

— Дарио — приятный мужчина, — подтвердила Лукреция.

Ответом ей послужил всхлип. Горький. Отчаянный. От которого ей захотелось плакать самой, но Лукреция запретила себе это делать.

Вскоре Исая успокоился, но вокруг так и распространялась аура горечи и надежды. Ожидание в такие моменты — самая страшная пытка. Когда ощущаешь, словно застрял в чем-то тягучем с ног до головы. Словно это что-то запачкало тебя всего, не давая видеть, слышать, дышать.

И вдруг это состояние нарушила суматоха. По коридору словно прошелся вихрь, который захватил всю больницу. Подчинил себе за секунды, заставляя поверить, что сейчас самое важное явление в этих стенах — он.

Лукреция внимательно осмотрелась, даже немного осторожно. Сказав Исаяе, что сейчас вернется, она пошла вверх по коридору и вдруг ощутила себя в дремучем опасном лесу. В памяти еще были свежи воспоминания, как Витторио появился из ниоткуда, словно разбойник из-за угла. Как напугал ее.

Светлые коридоры, которые Лукреция уже полностью изучила за эти дни, показались темными и неизведанными, но она все равно шла вперед, пытаясь узнать, что произошло.

— ...ужас какой! — причитала медсестра. — Такая молодая. Такие планы. Такие возможности... Бедный ее муж.

Вторая медсестра согласно охала и кивала с таким видом, словно произошла катастрофа всемирного масштаба. Лукреция подошла к ним ближе, поняв, что источник такой суматохи рядом.

— Что произошло? — придав голосу твердости, спросила Лукреция, по очереди взглянув на каждую медсестру.

Наверное, по правилам они не должны разглашать такую информацию, но для нее явно собирались сделать исключение. Это было видно по тому, как многозначительно переглянулись медсестры, как они затихли, как с интересом и легким беспокойством на нее смотрели.

— Синьора Бартоло попала в жуткую аварию, — заговорила она из медсестер. — Она в операционной.

Лукреция даже приоткрыла рот от удивления, слабо веря, что это несчастный случай. Наверняка это был ответ Марко. И пусть Лукреция никогда не сомневалась в том, что он способен легко принять решение, чтобы казнить или наказать кого-то, ее немного поразило, что он так поступил с беременной женщиной. Супругой Витторио.

— Спасибо, — поблагодарила Лукреция. — Идите.

Повторять не пришлось. Кажется, медсестры были даже рады исполнить приказ.

Лукреция замерла, смотря им вслед, продолжая думать о Марко. О его словах, что во второй раз он не простит ошибку, подобную с Витторио. Не простит, если она предаст его или будет сознательно водить за нос. И пусть эта мысль уже приходила ей в голову, сейчас Лукреция как будто бы впервые поняла всю серьезность ситуации. Как высоки ставки. На этот раз она не отделается лишь ссылкой. Даже если у Марко будет разрываться сердце от боли, он сделает все необходимое.

Перед глазами будто бы появились сцены тех разговоров, в ушах зазвучали фразы. Лукреция поняла, что каким-то образом этот миг стал для нее поворотным. Она либо принимает все как есть и живет правильно, либо не развивает эти отношения дальше. И, кажется, впервые за долгое время выбор был для нее очевиден.

Несколько дней спустя

Время летело незаметно. Так стремительно, словно пыталось от кого-то сбежать. Лукреции казалось, что она поселилась в больнице, разрываясь между палатой брата, Дарио и разговорами с Исайей и Ромолой.

Но даже этот больнично-светлый мир казался лучше, чем та кровавая баня, которая происходила в Неаполе после «аварии» Сандры.

— Можете навесить Томаза, синьорина.

Обращение медсестры как будто бы разбудило Лукрецию. Она осмотрелась по сторонам, на миг забыв, что находится в больнице, и поблагодарила. К Дарио пускали только родственников, но для нее сделали исключение. И, зайдя в палату, Лукреция надеялась, что в душе Дарио будет хоть немного рад ее видеть.

— Доброе утро, — обратилась Лукреция, подходя ближе к койке.

Дарио лежал на животе. Удивительно, но после огнестрельного ранения он выглядел лениво-расслабленно. Хотя, может, дело было в обезболивающих, которые ему наверняка давали.

— Привет, — поздоровался он. Кажется, даже попытался улыбнуться, от чего Лукреция почувствовала себя лучше и увереннее.

— Спасибо, что оградил меня от пуль, — садясь на край койки, серьезно поблагодарила Лукреция. — Как себя чувствуешь? Если тебе что-то надо, то говори.

— Это моя работа, — усмехнулся Дарио. Его интонация прозвучала нарочито важно, от чего Лукреция улыбнулась шире.

— Как пафосно, — иронично заметила она.

— После твоей галереи иначе нельзя, — в том же тоне ответил Дарио.

— Рада, что ты в хорошем настроении, — серьезнее ответила Лукреция.

— Спасибо, что все нормально сообщила дяде и тете. — Из голоса Дарио пропала вся веселость, изменился даже взгляд. Лукреция кивнула, мол, иначе и быть не могло.

— Хотела принести тебе десерт. Но и погода для него не та, и тебе, наверное, такое не стоит есть сейчас. Да и вряд ли ты имел в виду граниту в общепринятом смысле, — тоже серьезнее заговорила Лукреция и мягче продолжила, увидев, что ее слова заставили Дарио нахмуриться: — Я уже поняла, что не стоит лезть тебе в душу. Не пытаюсь. Но если могу чем-то здесь помочь, то сделаю это. Ты мне понравился. Как человек. И я хочу что-то для тебя сделать.

Дарио тяжело вздохнул. Лежа на животе, в перевязке, немного бледный, он казался рыбой, выброшенной на сушу. И если после вопроса казалось, что он был готов тратить последние силы, чтобы вернуться в море и избежать этого разговора, то потом его порыв

пропал.

— То, что я хочу, мне может дать только Марко. — Интонация Дарио прозвучала почти отчаянно. Кажется, он не видел смысла увиливать сейчас от ответа, а, может, в глубине души даже хотел выговориться. Отпустить это. — Жизнь, которую я променял на месть. Но он дал мне второй шанс.

Лукреция понимающе кивнула. Второй шанс. Звучит довольно пафосно, но сколько смысла для таких людей, обычных грешников, как они.

— Я познакомился с женщиной, — продолжил Дарио. — Она была готова принять мое прошлое, но не хотела подобного будущего со мной. Ее можно понять.

Отчаянная интонация сменилась немного горькой. Дарио смотрел мягче, наверное, ожидал ответа, но Лукреция не могла подобрать для него достойных слов, чтобы поддержать его.

— Надеюсь, что у тебя все сложится, — искренне пожелала Лукреция и теплее улыбнулась.

Дарио хотел самое невозможное из списка всевозможных желаний — свободу. Таким, как он, ее довольно сложно получить. Прошлое всегда настигает, враги дают о себе знать, война не заканчивается. Ты как фигура на доске, игрушка, которую может заменить лишь рука, которая тобой управляет.

Лукреция быстро смекнула, что Дарио рассказал ей не из сентиментальных соображений. Или не только из-за них. Но ему было глупо не воспользоваться ситуацией, говоря с тем, кто мог оказать на Марко хоть крупицу давления. Кого бы он выслушал. И если от нее что-то будет зависеть, то она несомненно внесет свою лепту в обретение его свободы.

Слова, которые она не произнесла. Но которые Дарио наверняка услышал. Его «спасибо» прозвучало в разы благодарнее, чем ее за спасение жизни.

— Надеюсь, что все сложится и у тебя, — мягче произнес Дарио.

Лукреция коснулась его руки и несильно сжала ладонь. Если Дарио бежал от войн Неаполя, то она, держась с Марко под руку, погружалась в их самый эпицентр, принимая его прошлое, настоящее и их будущее.

Сандра выбыла из игры. И, зная, что без мощной поддержки никто не стал бы предпринимать что-то в том же духе, Марко приготовился нанести удар. Чтобы одним днем решить все проблемы и взять город под свой контроль.

Пока его люди и люди Монтенелли наносили удар по Лучиано и цыганам, Марко ехал домой. Его главной целью было решить проблемы с Витторио. Убедиться, что тот все еще в состоянии сделать то, что от него требуется. Отыграть свою роль. Стать мэром. *Его мэром.*

Оказавшись дома, Марко направился к себе в кабинет, но вдруг затормозил около окна. Солнце садилось, окрашивая небо в красно-розовые цвета. Заставляя верить, что Неаполь действительно пылает в огне.

Марко лишний раз убедился, что Неаполь — это не просто город. Он — живое существо, которое было способно на чувства. Которое принимало или отвергало что-то. Которое имело свое мнение на все. Которое могло стать твоим союзником или злейшим врагом. С которым стоило считаться.

Мысль была иррациональна. И, наблюдая за закатом, Марко усмехнулся, подумав, что Лукреции она бы понравилась. Что она бы смогла чем-то ее дополнить. Взглянуть глубже. Так, что, услышав ее, он снова взглянет в окно и увидит, что Неаполь действительно ожил.

И Марко понял, что действительно этого желал.

Но сейчас ему было не до этого. Забрав из сейфа запись с Витторио и Лукреций, Марк поехал в больницу, зная, что встретится там с ними двумя.

Направляясь туда, продолжая смотреть на улицы Неаполя после захода солнца, Марко подумал о том, о чем думал уже много раз. Но сегодня ему показалось необычайно странно и удивительно, что он один из немногих, кто действительно знал, что происходило на улицах города. Кто этим управлял.

Мимо проходили люди. Проезжая в машине, Марко видел их буквально секунды. Большинство из них даже не догадывались, что город находился в состоянии гражданской войны.

Неаполь — чудовище. Многоликое. Обманчивое. Или, может, милосердное к некоторым своим жителям, которые заслужили его благосклонность. Которые приняли его страшную сторону. Не лезли в темные времена. В нужное время закрывали глаза. И не задавали лишних вопросов. Взамен он дал жить им свою жизнь. Не помогал с ней, но и не усложнял.

Впереди показалась больница. Марко отпустил мысли, настраиваясь на серьезный разговор. Чтобы кандидат стал мэром, ему надо проявить себя в трудные времена. И, к счастью, трудные времена и хаос в Неаполе сейчас полностью под контролем Марко.

Все нужные нити наконец крепко закрепились на его пальцах. И Марко мог легко этим управлять.

Он уверенно направился в больницу, в реанимационное отделение. К вечеру в там остался в основном персонал и малая часть небезразличных посетителей. В числе которых был и Витторио.

Он сидел на скамье, склонив голову. Казалось, что в его теле не было костей. Что он лоскутная кукла, которую сшили из старой застиранной ткани, потерявшей цвет. Бледный. Сломанный. Испуганный. Ничего общего с тем молодым чиновником, которого Марко присмотрел и продвигал.

— Тебе пора наводить порядок в городе, — твердо произнес Марко, подходя ближе. Витторио медленно поднял голову. Поняв, что связь установлена, Марко кинул рядом с ним увесистую кожаную папку. — Все нужные мне законы, речи, тезисы, расписание пресс-конференций. Приведи себя в порядок. Изучи. И иди со скорбной миной говорить, какая трагедия произошла с Сандрой. Какие цыгане твари, не могут соблюдать даже правила дорожного движения. И как ты рьяно настроен с этим бороться. *Ради своего будущего ребенка.*

Узнав, что авария не повредила беременности Сандры, и врачи могут довести ее до конца, поддерживая на аппарате, Марко удивился и вскоре подумал, что это не так уж и плохо. Минус одна невинная душа на его счету, плюс один рычаг давления на Витторио.

Во взгляде Витторио вспыхнуло что-то новое. Что-то, чего он не видел прежде. Огонь. Гнев. Наверное, дай они знать о себе раньше, то как-то бы помогли в противостоянии, но сейчас Витторио явно был слишком сломан. Без Сандры. Без Лукреции.

Даже мэрское кресло давалось ему как подачка надоевшему бездомному. Бросили в лицо. Заставили принять правила игры.

Марко подошел к Витторио ближе, почти вплотную. Пусть они были примерно одного роста, сейчас Витторио казался меньше. Словно сдулся.

— Я не убью тебя, — медленно и твердо произнес Марко. — Но сумею сделать нечто хуже. Поэтому делай, что от тебя требуется. И не приближайся к Лукреции. Думаю, что правила для тебя предельно просты.

И взгляд Витторио потух. Кажется, к нему пришло то же осознание, что и к Марко. Он упустил время, когда бой можно было вести. Сейчас он потерял все, что могло в этом помочь. Как не было смысла бороться в окружении врага на пустом клочке земли, усеянном трупами твоих же людей, так не было смысла переть против него.

Марко видел, что Витторио сломан. И Усмехнулся.

— Жаль, что такой порядок стоил твоей жене жизни. Она была умной женщиной. Но хотела летать слишком высоко. А мы знаем, чем это заканчивается, — тише заговорил Марко и серьезнее продолжил, кивнув в сторону двери, где стояли его люди: — Тебя ждут. Поедешь с ними. Проведешь пресс-конференцию. Слово в слово. Пора наводить порядок и становиться героем для этого города.

— Ты — ублюдок, — тише произнес Витторио. И хоть голос был подавлен, в интонации четко улавливалась вся ненависть, с которой он это произнес. Марко усмехнулся. Видимо, не весь порыв прошел. — У тебя не будет все хорошо ни с Неаполем. Ни с Лукрецией. У тебя не будет счастья.

— У меня уже все в порядке с ними. И Неаполь, и Лукреция — мои. И я не ищу счастье мне нужна власть. В этом наше главное различие, — уверенно произнес Марко. — А у тебя еще есть шанс стать нормальным отцом, получить свое счастье. И прожить со своим ребенком нормальную жизнь. Не упусти его. Я позволю тебе это сделать, если не будешь больше доставлять мне проблем.

Марко даже не надо было смотреть на Витторио, чтобы понять — он вбил в крышку его гроба последний гвоздь. Надежда на счастье — самый действенный рычаг давления на некоторых людей. Они бегут от прошлого, мечтают о будущем, совсем забывая, что живут здесь и сейчас. Что все решается в эту самую минуту, о которой они совсем не думают.

Таким был Витторио.

Таким был Дарио.

И Марко искренне не понимал такой подход к жизни, но хорошо научился его использовать.

— Приведи себя в порядок и иди, — твердо приказал Марко.

Он направился к Дарио, чтобы довести и другое дело до конца. И не успел перейти порог его палаты, как услышал смех Лукреции.

Она с аппетитом ела что-то из контейнера и слушала Дарио. Что он говорил, Марко понять не успел. Как только они встретились взглядами, Дарио замолчал.

— Привет, — поздоровалась Лукреция, с удивлением смотря на него. Видимо, не ожидая увидеть в разгар такой бойни в Неаполе.

— Привет, — подходя ближе, тепло поздоровался Марко и серьезнее продолжил: — Оставь нас, пожалуйста, поговорить наедине.

Лукреция повернулась к Дарио. Видимо, увидев, что он оставался спокойным после такого заявления, просто кивнула и направилась к выходу. Марко сел на ее место. Если с Витторио было все понятно — он всегда летал в облаках, то Дарио вызывал интерес. В таких парнях, как он, редко вспыхивал огонек надежды на что-то хорошее. Еще и в таком зрелом возрасте. Третий десяток — почти пенсионер для уличной работы. И все же — вот он перед ним. И готов был сделать что угодно, чтобы вырваться. Часть Марко даже хотела узнать, что за жизнь была у него на Сицилии.

— Твое решение осталось прежним? — без прелюдий спросил Марко.

Взгляд Дарио тут же изменился. Как будто бы стал светлее. И это уже не требовало ответа словами.

— Да, — твердо произнес Дарио.

— Стоило ожидать, — по-доброму усмехнулся Марко. — Хотя, предлагая тебе сделку тогда, я думал, что ты передумаешь.

Он невольно вспомнил первую встречу с Дарио в Неаполе. Встав во главе семьи, Марко понял, что ему нужен кто-то толковый, знающий Секондильяно, в меру жестокий, способный на убийства, с остатками принципов и морали и при всем этом находящийся полностью под его контролем. Смесь получилась сложная, но громкое убийство комиссара полиции помогло узнать о Дарио.

Он был благодарен, что его задницу вытащили из дерьма и помогли вернуться спокойно в родной Неаполь. Имел желание, которое Марко мог исполнить. Но, к сожалению, он вовремя не понял, как сильно Дарио этого желал. И как сильно он устал.

Но Марко принял факты. У него уже был план на мэрство Витторио. И до этого момента ему определенно нужен был кто-то вроде Дарио рядом. В конце концов, незаменимых нет. Просто иногда требуется много времени, чтобы эту замену найти.

— И кого советуешь на свое место? — серьезнее продолжил Марко.

— Киро. Он справляется. И с делами. И с Лукрецией. Я все ему объяснил про приют. Про свои обязанности. Разобрался с ублюдком, судьбу которого должна была решить Лукреция. Сломал тому ноги, вышвырнул из города. Вернуться не должен.

Марко кивнул. Киро произвел и на него неплохое впечатление.

— Пока ты здесь, все равно отвечаешь за него и его решения головой. После избрания Витторио, я некоторое время буду в Неаполе. А потом мы с Лукрецией поедем отдыхать. Договорились на Сицилию. Полетишь с нами. Возвращение — на твое усмотрение. Если захочешь, то все твое останется при тебе. Не захочешь — ты свободен. Никто ни к чему тебя больше не привлечет. Ты хорошо поработал.

Несколько секунд Дарио будто не шевелился. Оцепенел. Казалось, что в его взгляде бегущей строкой были слова, которые Марко только что произнес. Которые он сейчас старался понять. Принять. Почувствовать.

Вскоре на его губах появилась улыбка. Дарио даже издал нервный смешок, словно не верил, что нечто подобное действительно произошло.

Марко понял, что ему надо всерьез присмотреться к Киро, и протянул Дарио руку. Тот незамедлительно крепко ее пожал.

— Спасибо. — Дарио произнес с такой благодарностью, словно с него сняли ошейник и отпустили на волю. Хотя, может, для него так действительно и было.

Марко не стал об этом размышлять. В его кармане все еще лежала флешка с компрометирующей записью. И точку необходимо было поставить и в этом вопросе. Выйдя из палаты, Марко увидел, что Лукреция с кем-то говорила по телефону. Улыбалась. Даже как будто бы сияла. Приблизившись к ней, услышав отрывки разговора, Марко понял, что она обсуждала приют. И, кажется, все складывалось хорошо.

Ничего не говоря, он чуть прижал Лукрецию к себе и поцеловал в щеку. Продолжая говорить в телефон, Лукреция шире улыбнулась и чуть отстранилась, с игривым упреком, посмотрев на Марко.

Оглядев больничный коридор, Марко задержал взгляд на всем и всех: Лукреции, решающей дела, людях Монтенелли и своих, больничных палатах. Подумал о войне в Неаполе. Настоящее вело его туда, где он и хотел быть. Пусть пока было и нелегко.

И подумав об этом, Марко решил отложить не очень приятный разговор с Лукрецией, до более благоприятного дня.

Дарио

Месяц спустя

Направляясь на Сицилию в самолете, Дарио невольно вспомнил, как приехал сюда в первый раз. Долгая дорога на автобусе с пересадкой из Катании, неудобное место, множество сложностей. Не имея лишних денег, он шел до Ното пешком, пока не поймал попутку.

Хотя сейчас он бы дошел от Неаполя пешком, если бы это понадобилось. Сейчас он мог это сделать. Мог получить жизнь, которую хотел. И волновался, что опоздал.

Обдумывая свои планы, Дарио прекрасно понимал, что никто не будет сидеть у окошка и ждать его. И для себя твердо решил, что если его женщина счастлива сейчас с другим, то просто отпустит ее, даже не давая знать о своем приезде в Ното.

Потом он может немного попутешествовать. По Италии. По Европе. По миру. Может спокойно вернуться в Неаполь и заниматься только рестораном. Может что угодно. И это осознание пьянило. Никогда в жизни он не был так свободен. Никогда прежде не принадлежал настолько сам себе. Не скрывался. Не думал, что где-то его ждут грязная работа, разборки или неприятности. Ручной мэр Марко помог замять некоторые страницы его биографии.

Пусть была уже поздняя осень, Ното все равно казался теплым и уютным. Возможно, из-за желтого цвета, в который были окрашены почти все здания, возможно, это было лишь состояние души. Дарио направлялся к церкви, считая своим долгом встретиться и с Отцом Виллермо. Пусть их последняя встреча прошла плохо, но он был важным человеком для его сестры. Значит, ему следовало знать, что он сделал в ее память.

Дарио добрался до храма. Все те же колонны. Все та же монументальная лестница со множеством ступеней, на которые ему было больно смотреть. Но Дарио все равно пошел, чертыхаясь через одну и напоминая себе, что после разговора он вознаградит себя сигаретой.

Как только Дарио зашел внутрь, он увидел мужскую фигуру в черной рясе. Виллермо Клементе зажигал свечи, медленно двигаясь от одной к другой, и Дарио невольно усмехнулся, представляя реакцию на свою персону.

— Добрый день, падре, — громко поздоровался Дарио.

Виллермо медленно обернулся на его голос и удивленно осмотрел с ног до головы.

— Пути Господа действительно неисповедимы, — продолжил Дарио. — Готов поспорить, что даже вы не предполагали, как сложится моя вендетта.

Оглядываясь назад, Дарио и сам подивился, как повернулась его жизнь

— Добрый день, Дарио, — поздоровался Виллермо. — Рад, что ты в порядке.

Его слова прозвучали довольно тепло. Искренне. И Дарио даже улыбнулся, отгоняя мысли о своей жизни.

— Я заскочил передать вам кое-что, — залезая в карман куртки, заговорил Дарио, переходя к главной теме. — В Неаполе я познакомился с девушкой. Она занимается разными проектами, благотворительностью. Я рассказал ей о Мадди. И...

Дарио опустил ту часть, как он пришел к идее создания приюта, как нападали на бордели Испанских кварталов. Он протянул Отцу Виллермо буклет и ждал, когда тот прочтет его название — приют для женщин имени Магдалены.

Вскоре Виллермо улыбнулся. Тепло. Как мальчишка. И от этой улыбки даже Дарио стало немного лучше на душе от осознания, что он оставил за собой в Неаполе не только кровь и трупы, но и нечто хорошее.

— Им занимается Лукреция Монтенелли. Но думаю, что в скором времени она станет Каstellо, — продолжил Дарио. — Я написал ее номер на обороте. Перед отъездом я рассказал о вас. Если захотите внести лепту, она найдет вам место.

Виллермо так бережно держал буклет, словно вот-вот погладит. Пусть у них были разные взгляды на отмщение, методы, но в одном они явно сходились — любовь к Маддалене. И ради этого стоило не вспоминать прошлое.

— Спасибо, — поблагодарил Виллермо и серьезнее спросил: — Что происходит в Неаполе?

Дарио криво улыбнулся. Витторио стал продвигать антицыганские законы, из-за чего цыгане и семейство Лучиано объединились. Война продолжалась. Пусть и не такая кровопролитная, как перед выборами.

— Все как всегда. Политические интриги. Новая власть. Новые порядки. Испанским сейчас туго. Девочек в приюте много, но Лукреция старается. И я сам отбирал парней для работы там. Так что они там в безопасности. И, кстати, Лукреция сейчас на Сицилии. Пока ее лучше не отвлекать, но к концу недели, думаю, можно будет обсудить дела, если захотите.

Виллермо еще раз взглянул на буклет и горько усмехнулся. Наверное, в этот миг они подумали об одном и том же. Неаполь — город, в котором война не закончится никогда. Просто потому, что иначе он не может существовать.

Война может затихнуть. Может полахать. Но конца ей не будет из-за неумной жажды власти и суровых законов, чтобы наказать обидчиков. Кровь за кровь.

— А я свое уже отвоевал. — Дарио произнес тише. То ли отвечая самому себе, то ли сообщая это Виллермо.

— Если захочешь поговорить, то я всегда к твоим услугам, — тепло отозвался Виллермо.

— Отмолите мои грехи? — по-доброму усмехнулся Дарио и серьезнее продолжил: — Спасибо.

Они пожали друг другу руки и разошлись. Дарио собирался исполнить свою главную цель. И направился по знакомым улицам к ресторанчику. Даже удивительно, как за месяц жизни здесь, он проникся Ното. Этим небольшим городишкой, который жил в разы спокойнее Неаполя.

Дарио казалось, что даже воздух здесь другой. Мягче. Свежее. Приятнее. Что даже если не получится обрести любовь, он сможет обрести душевное спокойствие и просто отдохнуть от битв.

Дойдя до ресторанчика, Дарио остановился у окна, разглядывая людей. Симонетта бегала между столиками. Ее волосы были завязаны в растрепанный хвост. Рукава свитера были закатаны по локоть, а джинсы подчеркивали стройные ноги и зад.

Дарио невольно залюбовался ею, как в первый раз, вспоминая горячие ночи в ее спальне над рестораном.

— Моя Гранита, — не веря, что действительно снова увидел ее, произнес Дарио.

— Вернулся все-таки! — вдруг раздался радостный мужской голос. — А я смотрю в окно и думаю ты или не ты.

Дарио обернулся и увидел на крыльце отца Симонетты. Абелле с доброй улыбкой

смотрел на него и направился с распростертыми объятиями.

— А я знал! — довольно произнес он. — Был уверен, что еще увижу тебя.

Дарио в ответ не менее тепло обнял Абелле и улыбнулся. Сказать здесь было нечего.

— У нее нет никого толкового, — тихо произнес Абелле. — Ходит один, но такой же вялый, как томат из гипермаркета.

Дарио даже рассмеялся от того, с какой неприязнью Абелле сказал про гипермаркет, и поблагодарил за информацию.

— Тогда не буду больше терять время, — твердо произнес он и направился в ресторан.

Симонетта разговаривала с пожилой женщиной за столиком. Дарио медленно приближался, собирая все мысли в кучу. Что сказать? Как все объяснить? Как всегда у него не было никаких заготовок и сейчас он сомневался даже в своей импровизации.

Старушка замолчала и с интересом уставилась на него. Вскоре к ней присоединилась и Симонетта. Она замерла, словно увидела призрака.

— Привет, — поздоровался Дарио. — Я... решил все дела в Неаполе. Дрянного будущего со мной больше нет. И я могу остаться здесь. Никто за мной не придет.

Симонетта так и стояла без движения. Дарио нервно усмехнулся и захотел закурить.

— Я все расскажу тебе. Абсолютно все, — продолжил он, игнорируя желание. Порыв подойти к ней ближе, прижать к себе, впиться в губы. — Надеюсь, что ты захочешь выслушать меня. Например, после работы. Как раньше. Ты разбираешься с кассой. Я мою зал. Выьем по бокалу. И... поговорим. Но должен предупредить, что разговор будет долгий. Я, можно сказать, заключил контракт с дьяволом, чтобы вернуться сюда свободным.

— Да идите и говорите уже, — махнув рукой, вмешалась старушка. — Я дождусь Абелле.

Симонетта даже потеряла равновесие, когда старушка отпихнула ее. Дарио подошел ближе, ухватив ее за руку.

— Так что, Гранита? — лукаво спросил Дарио, нежно поглаживая Симонетте руку. Заглянув к ней в глаза, он даже выдохнул, заметив, что сумел ее зацепить.

— Ты знаешь, где фартук. Сперва разберемся с наплывом, а потом все остальное.

Дарио широко улыбнулся. Его приняли. Его выслушают. Он вернется к работе на кухне, в ресторане. Вернется к любимой женщине. К той жизни, о которой мечтал.

Эпилог

Октябрь на Сицилии был прохладнее, чем Марко ожидал, но это играло ему на руку. Лукреция хотела пляжный ленивый отдых, а он сейчас не разделял этого порыва, хотя тоже хотел сменить обстановку хотя бы на неделю.

Но уехать слишком далеко от Неаполя он не мог. Город не отпускал от себя на дальние расстояния. Сицилия казалась самым приемлемым вариантом. Задумавшись об альтернативе пляжного отдыха, Марко забронировал пару замков в Палермо, в которых можно было провести ночь, решив, что Лукреции придется это по душе. И не прогадал.

Кажется, для осени это было идеально. Природа постепенно засыпала. Прохладные ветра гоняли опавшие листья. Погода могла внезапно измениться, стоило солнцу скрыться за тучами. Сицилия в миг превращалась в нечто более темное и мистичное. И величественные замки из камня, хранившие в своих стенах многовековую историю, полную войн и интриг, завораживали Марко больше.

По вечерам они ужинали с Лукрецией в уютных ресторанах или замках. Пили вино. Говорили.

Занимались ночью сексом, а на следующий день садились в машину и ехали дальше. Минимум вещей. Полная свобода маршрута. Глоток свободы прежде, чем вернуться в Неаполь и продолжить контролировать каждый шаг.

Марко нравилось это состояние безмятежности. Такое редкое. Такое непривычное. Видимо, годы брали свое. Раньше его душа не терпела перерыва, жаждала борьбы, а сейчас он искренне наслаждался минутами затишья. Возможно, это было влияние Лукреции на него. Возможно, осознание, что он получил все желаемое.

Это был вечер в очередном замке. Они отъехали от Палермо на несколько километров. И как большинство замков, этот имел свою печальную историю. Он стал популярным благодаря драме, случившейся с баронессой Карини. В четырнадцать лет ее отдали замуж по договоренности. Как следовало догадаться, брак не удался. Юная девушка, жаждущая любви, нашла утешение в объятиях друга семьи, которому симпатизировала еще до замужества. Ее отец пришел в ярость, узнав об этом, и собственноручно зарезал дочь ножом.

Спасаясь бегством, она потеряла много крови и в момент слабости положила руку на стену одной из комнат. Девушка умерла а ее кровавый отпечаток так и остался на века в «комнате убийства». Говорят, что призрак баронессы все еще бродит по замку.

Эту историю выслушал Марко, когда пытался договориться об аренде. Эту историю он рассказал Лукреции, наблюдая за тем, как она рисовала что-то в альбоме. В гостиной, где они сидели, горел камин, потрескивали дрова, играли тени на стенах.

Лукреция посмотрела на Марко, оторвавшись от рисунка, и он залюбовался, как огонь осветил ее лицо. словно его свет подчеркнул все красивые черты ее лица.

— В Италии слишком много историй о девушках, которых погубил брак. Как по договоренности, так и по любви, — заметила Лукреция.

Она смотрелась необычно домашней в кашемировом свитере с горлом и в джинсах. Распушенные волосы, небрежные и чуть кудрявые, на лице лишь легкий румянец, немного туши и неяркая помада.

— Поэтому я не рассматривал договорные браки. С тобой в том числе. Людская натура

все равно вырвется наружу, — ответил Марко.

Лукреция опустила взгляд к рисунку. Марко стало даже интересно, что она вырисовывала на этот раз, так погружившись в процесс.

— Кажется, мы как-то с тобой это уже обсуждали, — медленнее обычного, заговорила Лукреция, продолжив что-то выводить карандашом на бумаге. — Браки семей вроде наших — это... машина. Жесткая, бескомпромиссная и единая. Там нет «я». Вы либо заодно, либо вас нет.

Марко вспомнил этот разговор на свадьбе Санто. Вспомнил подарок, скамья со шляпами, который их на это побудил, и невольно улыбнулся:

— Шляпы все-таки сливаются, — заметил Марко. — Не издевка. Не предупреждение. Лишь напоминание, как выжить в нашем беспокойном городе.

Лукреция снова оторвалась от рисунка и улыбнулась уголками губ, видимо, тоже вспомнив подарок на свадьбе Санто.

— Ты к этому готова? — серьезнее спросил Марко.

— Да, — твердо ответила Лукреция. На миг она будто бы выпала из реальности. Словно ушла в воспоминания, прокручивая что-то в голове. Марко не стал ее тревожить, понимая, что часть воспоминаний наверняка не очень приятна. Он обернулся к огню, несколько секунд посмотрел на танец пламени и усмехнулся, вспомнив то, что утаил на свадьбе Санто.

— И, кстати, та скамейка была подарком моих родителей, — по-доброму усмехнулся Марко.

Взгляд Лукреции оживился. Она удивленно посмотрела на него, а потом улыбнулась.

— Я как раз шел по просьбе матери проверить, нормально ли все доставили, когда встретил тебя.

Лукреция чуть нахмурилась, видимо, пытаясь вспомнить, что она говорила тогда. Марко почему-то рассмешило ее столь задумчивое выражение лица. Он сунул руку в карман, чтобы достать телефон, но нащупал флешку, которую так и носил с собой. В которой все еще сохранились кадры связи Лукреции и Витторио.

Марко хотел рассказать Лукреции, что у него есть эта запись. Что она последняя из существующих. Что она была, чтобы сдержать Сандру. Пообещать, что не использует ее никогда. Но понял, что в этом нет смысла. Лукреция приняла свою роль. И вела себя соответственно. И без лишних слов Марко просто кинул флешку в огонь, уничтожая последнее неприятное воспоминание.

— Интересно, что она подарит на нашу свадьбу, — по-доброму усмехнулась Лукреция, вырвала из альбома лист и протянула его Марко.

Приняв его, он увидел свой портрет. Черно-белая гамма, тени, игра пламени на фоне. Но что привлекло Марко больше всего — взгляд. Живой. Сильный. Уверенный.

— Ты так меня видишь? — уточнил Марко.

— Чаще всего, — спокойно ответил Лукреция. — Но наедине ты мягче, и мне это нравится.

В комнате появился неприятная вонь жженого пластика. И Марко поднялся, после чего протянул руку Лукреции.

— Пойдем прогуляемся, — предложил он, помогая Лукреции подняться. — Я бы посмотрел и на вторую версию.

— Может быть, когда-нибудь, — игриво протянула Лукреция, сильнее сжав его ладонь.

Недолго думая, Марко тут же притянул ее к себе и впился в губы жадным поцелуем.

Город его. Как и Лукреция. И новая цель теперь — все это удержать.

* * *

Тем временем

Неаполь

Киро нервно выкуривал сигарету и пытался унять дрожь в руках. В кабинете было уже душно, но он даже не думал приоткрыть окно. Просто курил. Просто смотрел на девушку, которая выдавала себя бежавшей от бойни проституткой из Испанских, просящей убежище в приюте. Которой он по дурацости поверил. И из-за которой мог теперь прощаться с жизнью.

Ему хотелось позвонить Дарио. Попросить совета. Но он запретил себе это делать. Кто он такой, чтобы возвращать сюда человека, сумевшего получить свободу?

— Киро, — осторожно позвала она, но он лишь выставил руку с сигаретой перед ней, чтобы она ничего не говорила.

Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, и она осознавала, в каком они дерьме. Что и ей тоже страшно. Что и она понимала все последствия.

Киро хотелось убить ее самой и защитить одновременно. И, снова сунув сигарету в рот, он сделал затяжку, а потом нервно рассмеялся, понимая, что этот вечер стал концом его прежней жизни...

Больше книг на сайте - Knigoed.net